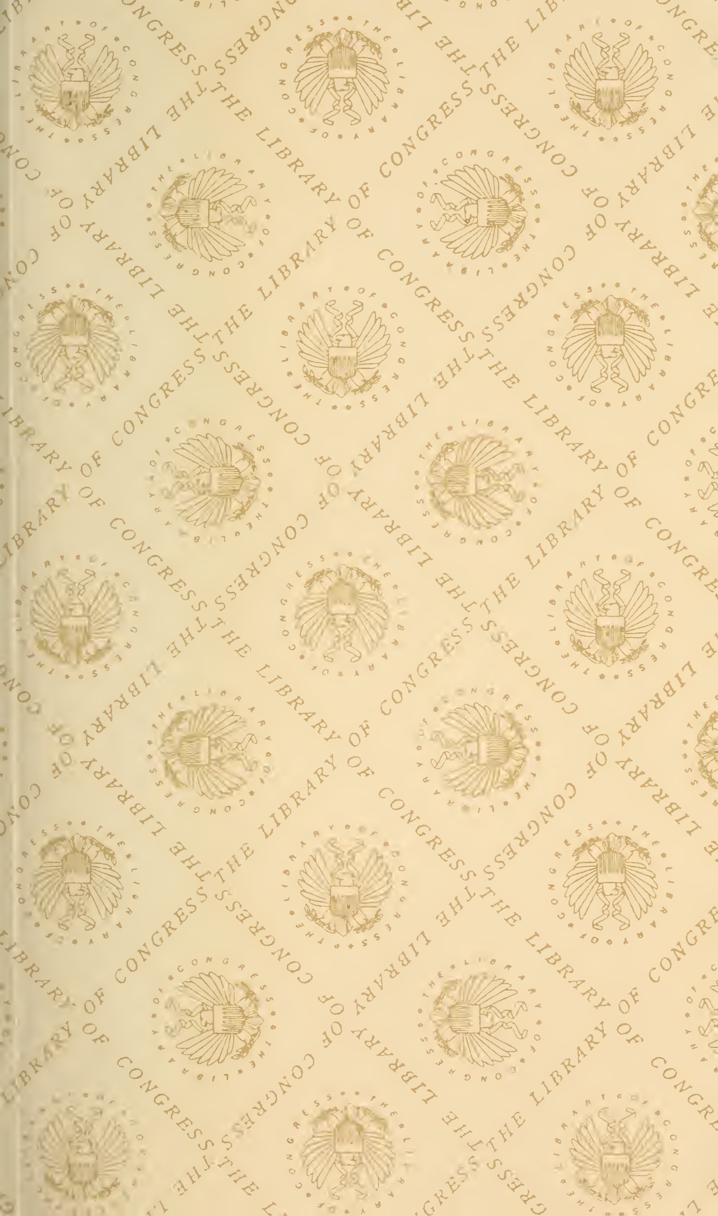

THE LIBRARY OF CONGRESS

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 28 января 1847 года.

Ценсоръ *Никитенко.*

СОЧИНЕНІЯ

КАНТЕМИРА.

ИЗДАНІЕ

Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭКСПЕДИЦІИ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

1847.

Цѣна за соч. Кантемира и Хемницера одинъ руб. сереб.

ПИСЬМО СТИХОТВОРЦА КЪ ПРІЯТЕЛЮ.

Государь мой!

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ вы требовали отъ меня вѣдать, упражняюсь ли я еще въ сочиненіи стиховъ? и буде какіе вновь сочинилъ, желали, чтобъ я оные къ вамъ переслалъ. Истинно въ то время я вамъ отвѣтствовалъ, что, вступая въ новую должность, времени не имѣлъ къ такому дѣлу, къ которому только въ лишніе часы прилежать позволено. Потомъ удалось мнѣ три новыя сатиры, нѣсколько пѣсней, басень и другихъ малыхъ твореній составить; но усматривая слогъ ихъ весьма различный отъ прежнихъ моихъ сочиненій, которыя до отъѣзда моего изъ отечества, и безъ моей воли, въ люди вышли, принялся сіи исправить. Не мало въ томъ труда я положилъ, находя въ нихъ многія несовершенства и недостатки, много въ нихъ отмѣнилъ, много прибавилъ, больше же убавилъ; и могу

сказать, что почти всѣ снова передѣлалъ. Понеже вамъ, Государю моему, прежде сего мои сочиненійцы явились отчасти угодны, отваживаюсь исправленныя и новыя, всѣ въ одну книжку собранныя, при семъ къ вамъ отправить, больше для исправленія нежели для прочитанія, и чтобъ лишнихъ моихъ часовъ употребленіе вамъ было извѣстно. Впрочемъ, неотмѣнно пребываю

Вашъ, Государя моего,

Изъ Парижа 1743.
Марта дня

покорный слуга
* * *

ѲЕОФАНЪ,

АРХІЕПИСКОПЪ НОВГОРОДСКІЙ,

КЪ СОЧИНИТЕЛЮ САТИРЪ.

—

I.

Не знаю, кто ты, пророче рогатый;
Знаю, коликой достоинъ ты славы:
Да почто жъ было имя укрывати?
Знать, тебѣ страшны сильныхъ глупцевъ нравы.
Плюнь на ихъ грозы, ты блаженъ трикраты.
Благо, что далъ Богъ умъ тебѣ толь здравый;
Пусть весь міръ будетъ на тебя гнѣвливый,
Ты и безъ счастья довольно счастливый.

II.

Объемлетъ тебя Аполлонъ великій,
Любитъ всякъ, кто есть таинствъ его зритель;
О тебѣ поютъ парнасскіе лики,
Всѣмъ честнымъ сладка твоя добродѣтель,
И будетъ сладка въ будущіе вѣки;

А я и нынѣ сущій твой любитель:
Но сіе за верьхъ славы твоей буди,
Что тебя злые ненавидятъ люди.

III.

А ты какъ нàчалъ течи путь преславный,
Коимъ книжные текли исполины,
И перомъ смѣлымъ мещи порокъ явный
На нелюбящихъ ученой дружины,
И разрушай всякъ обычай злонравный,
Желая доброй въ людяхъ перемѣны,
Кой плодъ ученій не единъ искуситъ,
А дураковъ злость языкъ свой прикуситъ.

ѲЕОФИЛЪ КРОЛИКЪ,

АРХИМАНДРИТЪ НОВОСПАССКІЙ,

КЪ СОЧИНИТЕЛЮ САТИРЪ.

—

Ars est celebris stultitiæ genus
Per nosse nævos carmine pungere
Cornuto, ut expungas, nocens si
Fors animis dominetur error.

*

Non parva virtus stigmata turpium
Est nosse morum, versibus utile
Et miscere dulci sic, voluntas
Ut faciat meliora sponte.

*

Utrumque præstas indole principis
Dignus latenti nomine quis quis es;
Vitabis at si, quæ reprehendis,
Omne feres, Venerande, punctum.

*

Quas tibi condignas referet Sapientia laudes,
  Indole quam pulchra, scriptor acute, colis!
Si, quam dentato reprehendis carmine salsus,
  Laudat & ingenium stultitia ipsa tuum.
Quæ contra doctos jectat convitia stultus
  Numinis ignarus, vel Curium simulans;
Scommata vel mollis quæ picta veste superbus
  In studia assiduo parta labore jacit;
Dives & obtrectat congesto pauper in auro,
  Ebrius in doctos, quæ mala probra vomit;
Hæc tu cornuto ventitas carmine Scriptor,
  Et quæ sint studiis commoda digna, doces.
Castalides, quid ni, te docta fronte revinctum
  Dicant præsidium dulce decusque Deæ!

*

Si te pungo, tace; quia te non nomino, clamas:
  Proditor es vitii (non ego culpa) tui.

То есть:

Между Науками ученіе морально,
Чтобъ знать пороки злыхъ людей, весьма похвально;
Похваленъ, кто ихъ зла не могучи понесть,
Насмѣшкой тщится злыхъ на путь прямый привесть.

*

Немалое и то благодѣянье въ свѣтѣ,
Кто, вѣдая худой людей развратныхъ нравъ,
И съ пользой имъ въ своемъ мѣшая смѣхъ совѣтѣ,
Безъ принужденья злыхъ на путь приводитъ
правъ.

*

Ты въ обоемъ успѣлъ, что честно и полезно,
Хотя лице таишь, природой славный князь!
Но если небрежешь то дѣломъ, что̀ безчестно,
То совершенъ во всемъ ты и блаженъ сто
разъ.

*

И мудрость, какъ почтить тебя, сама не знаетъ,
Зря, что безуміе твой разумъ похваляетъ.

*

Когда народную къ наукамъ злобу зришь,
Глупцевъ упрямство иль безбожіе винишь,
И грубы щеголей насмѣшки исчисляя,
Не терпишь, что наукъ одежда дорогая
И злато богачу скупому есть милѣй,
Что пьяница на нихъ не промѣнитъ дрожжей.
Всѣ грубости въ стихахъ описывая ѣдкихъ,
Изъ тѣхъ находишь, кто бъ зналъ плодъ ученья
рѣдкихъ,

Но по достоинству тебя четъ Музъ соборъ,
Что крѣпкой злобѣ ты отъ нихъ чинишь отпоръ.

*

Язвлю тебя? молчи; вѣдь я не именую;
Кричишь: не я, да ты являешь совѣсть злую.

ЕЛИСАВЕТѢ ПЕРВОЙ

АВГУСТѢЙШЕЙ ИМПЕРАТРИЦѢ

И САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ,

ГОСУДАРЫНѢ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ.

—

Отрасль Петра Перваго, его же сердцами
Великимъ и Отцемъ звалъ больше, нежь устами
Народъ твой! Отрасль рукой взращенна самаго
Всевышняго, полкруга въ надежду земнаго!
Если видя общу я при твоемъ восходѣ
На престолъ Родителевъ не только въ народѣ
Твоемъ радость, но почти во всѣхъ краяхъ міра,
Въ пѣсняхъ твоихъ не брячитъ одна моя Лира;
Не возмни, что съ лѣности мысль моя несклонна
Тебѣ пѣть: была бы та лѣность беззаконна.
Трижды строилъ Лиру я, и дрожащи персты
Трижды на струны навелъ, и уста отверзты
Готовили Тебѣ пѣснь; трижды раздѣляя
Быстро воздухъ, прилетѣлъ изъ вышняго края
Небесъ бѣлокурый богъ, обличилъ отвагу
Мою съ гнѣвомъ: изодравъ струны, Лиру нагу
Вырвалъ изъ рукъ, изломалъ, и стиснулъ мнѣ губы.

Видѣлъ я въ свѣтломъ его лбу морщины грубы,
Молніи ярость въ очахъ, и на лицѣ пламень;
Безгласенъ, недвиженъ я сталъ съ страху, какъ камень.
Грознымъ тогда голосомъ «Кое тя обняло
«Безуміе,» сказалъ мнѣ, «тебѣ ли пристало
«Боговъ вышнихъ прославлять въ смертномъ тѣлѣ племя?
«Не твоихъ силъ на плеча кладешь себѣ бремя,
«Ты поскользнешься подъ нимъ, причину дашь смѣху,
«Кои съ чужаго стыда чувствуютъ утѣху.
«Елисавету сердца на престолъ возводятъ,
«И пусть, оставя Олимпъ, Ей ужъ служить сходятъ
«Веселіе, и Любовь, и три Благодати.
«Видя Ее съ зависти плачетъ любве мати;
«Бѣжатъ неправость Ея, и злыя обиды,
«И гордость, и лакомство, и всѣ злочинствъ виды.
«Добродѣтели дѣлятъ съ Нею царства бремя,
«Возвращая сладкое вамъ Петрово время;
«И какъ Перунъ имя той съ Сѣверъ исхождая
«Свѣтло и страшно земли до другого края:
«Столь славну пѣснямъ своимъ имѣяй причину
«Не подлаго долженъ быть въ Геликонѣ чину;
«Тебѣ въ низу той горы еще ползать кстати.
«Если же знакъ хвальнаго благодарства дати
«Твоего какой либо Августь желаешь,
«Поднеси Ей книжицу, въ которой пятнаешь
«Злые веселымъ лицемъ обычьи и нравы.

«Августъ смѣлость твоя придастъ много славы:
«Явно бо, что книжку рабъ дая ей такую,
«Другомъ добродѣтели весь свѣтъ призналъ Тую.»
Сказавъ то, поднялся онъ въ Парнасски палаты;
Быстра воза колеса возшумѣли златы.
Тяжекъ мнѣ былъ тотъ заказъ изъ устъ Властелина
Девяти сестръ, и тяжка закону причина,
Котора невѣжество мое обличала;
Да покорность мнѣ всего болѣе пристала.
Убо, Самодержица, прими, что̀ дать знаю;
Вотъ книжка, обычай чѣмъ и злой нравъ пятнаю.
Многихъ лѣтъ въ ней приношу бдѣнія и поты;
Не пощадилъ боязливъ я своей работы;
Листъ написавъ, два иль три изодралъ, изхѣрилъ,
Да и такъ достойну глазъ твоихъ быть не вѣрилъ.
Аполлу послушенъ я, ты изъ край до края
Тихимъ сердцемъ ту прочтешь, зракъ не премѣняя.

═

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПРИНОШЕНІЮ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ.

—

Стихотворецъ, вознамѣрившись сатиры свои приписать блаженныя памяти Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, сочинилъ сіи стихи вскорѣ по вступленіи Ея Величества на престолъ, и въ началѣ 1742 года переслалъ ихъ къ своему пріятелю.

Ст. 1 и 2. *Его же сердцами звалъ больше, нежь устами.* То есть, котораго добровольно отцемъ и Великимъ называлъ. Устами хвалить можно или для страху, или въ какой надеждѣ; а внутреннее почтеніе основано на чистосердечной любви и добродѣтеляхъ хвалимаго лица.

Ст. 4. *Полкруга въ надежду земного.* Разумѣется та надежда, которую въ ней Россія полагала, объемлющая пространствомъ своимъ почти половину земного круга, потому что отъ Риги до послѣдняго Камчатскаго мыса считается не меньше ста семидесяти пяти градусовъ.

Ст. 8. *Въ пѣсняхъ Твоихъ не брячитъ одна моя Лира.* То есть, если я не сочинилъ въ похвалу твою пѣсни. Древніе стихотворцы имѣли обыкновеніе пѣть стихи свои предъ народомъ, соглашая свой голосъ съ Лирою, которая была отчасти лютнѣ подобна; почему похвальные стихи и пѣсни, въ

коихъ высокій слогъ требуется, названы *Лирическою поэмою.*

Ст. 15. *Бѣлокурый Богъ.* Такъ названъ Аполлонъ съ италіянскаго *il biondo Nume.* Смотри о немъ примѣчаніе подъ стихомъ 17-мъ, сатиры 1.

Ст. 16. *Лиру нагу.* То есть безъ струнъ.

Ст. 23. *Боговъ вышнихъ прославлять въ смертномъ тѣлѣ племя.* Стихотворецъ, говоря устами Аполлона, вводитъ множество боговъ. Древніе славнымъ государямъ и героямъ, за великія ихъ добродѣтели, божескую честь приписывали.

Ст. 27. *Сердца на престолъ возводятъ.* То общее желаніе и любовь всего народа.

Ст. 28. *Пусть оставя Олимпъ. Олимпъ* есть высокая гора на островѣ Кипрѣ; у стихотворцевъ оная значитъ *небо.*

Ст. 29. *Три благодати.* Можно разумѣть двояко: иль богинь свиты Венериной, или душевныя дарованія.

Ст. 30. *Видя ее, плачетъ любве мати.* То есть, Венера, богиня красоты, плачетъ, завидуя красотѣ лица Императрицы.

Ст. 33. *Добродѣтели дѣлятъ съ нею царства бремя.* Добродѣтели съ нею царствомъ управляютъ. Здѣсь оныя въ лицахъ богинь представляются.

Ст. 38. *Въ Геликонѣ чину. Геликонъ,* гора въ Беоціи, музамъ посвященная.

Ст. 41. *Августъ.* Такъ въ древнія времена назывались греческіе монархи, то есть *распространителями.*

Ст. 45 и 46. *Явно бо, что книжку рабъ - - - призналъ тую.* То есть, когда рабъ смѣетъ подносить своей Государынѣ такую книгу, въ которой злонравія обличаетъ, то посему явно, что въ оной

ничего ей досаднаго не содержится, и слѣдовательно сама Государыня добродѣтелями совершенно украшена.

Ст. 47. *Парнасски палаты. Парнасъ*, гора въ Фоцидѣ, провинцiи греческой; смотри о ней примѣчанiе подъ стихомъ 20-мъ, сатиры I.

Ст. 48. *Быстра воза колеса.* Аполлонъ обыкновенно изображается сидящiй на золотой колесницѣ, заложенной четырьмя коньми.

Ст. 49 и 50. *Изъ устъ властелина девяти сестръ.* То есть, изъ устъ Аполлона, яко начальника Музъ.

Ст. 60. *Тихимъ сердцемъ ту прочтешь, зракъ не премѣняя.* То есть, всю книгу прочтешь безъ гнѣва; ибо тихое сердце есть знакъ кротости, какъ внезапная перемѣна лица есть знакъ сильной страсти.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

—

Сатирою назвать можно такое сочиненіе, которое, забавнымъ слогомъ осмѣвая злонравіе, старается исправлять нравы человѣческіе. Потому она въ намѣреніи своемъ со всякимъ другимъ нравоучительнымъ сочиненіемъ сходна; но слогъ ея, будучи простъ и веселый, читается охотнѣе, а обличенія ея тѣмъ удачливѣе, что мы посмѣянія больше всякаго другого наказанія боимся.

Сатира начало свое приняла на позорищахъ, гдѣ между дѣйствами трагедіи вводилися для увеселенія смотрителей смѣшныя явленія, въ которыхъ дѣйствующія лица, въ образѣ сатировъ, грубыми и почти деревенскими шутками пятнали гражданъ злые нравы и обычаи. Такое изображеніе Римляне, Грекамъ послѣдуя, на своихъ позорищахъ завели; а потомъ и кромѣ зрѣлища порядочными стихами сатирическія творенія составлять стали. Луцилій нѣкто въ томъ дорогу показалъ Горацію, Персію и Ювеналу, а сіи италіянскимъ, французскимъ и прочихъ народовъ сатирикамъ.

Я въ сочиненіи своихъ наипаче Горацію и Боалу, Французу, послѣдовалъ, отъ которыхъ

много занялъ, къ нашимъ обычаямъ присвоивъ. Читателямъ моимъ оставляю судить, сколько я въ семъ опытѣ новаго на нашемъ языкѣ сочиненія преуспѣлъ. Новость предпріятія, можетъ быть, извинитъ погрѣшенія слога; а осторожное обличеніе злонравія подлинно не осудятъ любители добродѣтели. Отъ злонравныхъ ничего не ожидаю, хуленіе и хвалу, гнѣвъ и любовь ихъ равно презирая.

==

САТИРЫ.

L'ardeur de se montrer, et non pas de medire
Arma la verité du vers de la Satire.

Boileau Art. Pœt. Chant. II. p. 145.

То есть:

Не злословить, но себя оказать межъ нами
Жадность правду воружи Сатиры стихами.

Боало о искусствѣ Стихотв. Пѣснь II, стр. 145.

САТИРА I.

КЪ УМУ СВОЕМУ.

—

Уме недозрѣлый плодъ недолгой науки!
Покойся, не понуждай къ перу мои руки:
Не писавъ летящи дни вѣка проводити
Можно, и славу достать, хоть творцемъ не слыти.
Ведутъ къ ней нетрудные въ нашъ вѣкъ пути многи,
На которыхъ смѣлыя не запнутся ноги:
Всѣхъ непріятнѣе тотъ, что босы проклали
Девять сестръ. Многи на немъ силу потеряли
Не дошедъ; нужно на немъ потѣть и томиться,
И въ тѣхъ трудахъ всякъ тебя, какъ мору, чужится,
Смѣется, гнушается. Кто надъ столомъ гнется
Пяля на книгу глаза, большихъ не добьется
Палатъ, ни разцвѣченна марморами саду;
Овцы не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду.
Правда въ нашемъ молодомъ Монархѣ надежда
Всходитъ Музамъ немала; со стыдомъ невѣжда
Бѣжитъ его. Аполлинъ славы въ немъ защиту
Своей неслабу почулъ, чтяща свою свиту
Видѣлъ его самого, и во всемъ обильно
Тщится множить жителей Парнасскихъ онъ сильно:

Но та бѣда, многіе въ Царѣ похваляютъ
За страхъ то, что въ подданномъ дерзско осуждаютъ.
Расколы и ереси науки суть дѣти,
Больше вретъ, кому далось больше разумѣти,
Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ,
Критонъ съ чотками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ,
И проситъ свята душа съ горкими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами:
Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдомъ, къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не знали,
Теперь къ церкви соблазну Библію честь стали,
Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину;
Потеряли добрый нравъ, забыли пить квасу,
Не прибьешь ихъ палкою къ соленому мясу;
Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ,
Мірскую въ церковныхъ власть рукахъ лишну чаютъ,
Шепча, что тѣмъ, что мірской жизни ужъ отстали,
Помѣстья и вотчины весьма не пристали.
Силванъ другую вину наукамъ находитъ:
Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ;
Живали мы прежъ сего не зная Латынѣ
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ,
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали,
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.

Буде рѣчь моя слаба, буде нѣтъ въ ней чину,
Ни связи, должность о томъ тужить дворянину:
Доводъ, порядокъ въ словахъ, подлыхъ то есть дѣло,
Знатнымъ полно подтверждать, иль отрицать смѣло.
Съ ума сошолъ, кто души силу и предѣлы
Испытаетъ, кто въ поту томится дни цѣлы,
Чтобъ строй мiра и вещей вывѣдать премѣну
Иль причину; глупо онъ лепитъ горохъ въ стѣну.
Приростетъ ли мнѣ съ того день къ жизни иль въ ящикъ
Хотя грошъ? могу ль чрезъ то узнать, что прикащикъ,
Что дворецкiй крадетъ въ годъ? какъ прибавить воду
Въ мой прудъ? какъ бочекъ число съ виннаго заводу?
Не умнѣе, кто глаза, полонъ безпокойства,
Коптитъ печась при огнѣ, чтобъ вызнать рудъ свойства;
Вѣдь не теперь мы твердимъ, что буки, что вѣди;
Можно знать различiе злата, сребра, мѣди.
Травъ, болѣзней знанiе, все то голы враки;
Глава ль болитъ? тому врачъ ищетъ въ рукѣ знаки;
Всему въ насъ виновна кровь, буде ему вѣру
Нять хощешь. Слабѣемъ ли, кровь тихо чрезмѣру
Течетъ; если спѣшно, жаръ въ тѣлѣ, отвѣтъ смѣло
Даетъ, хотя внутрь никто видѣлъ живо тѣло.

А пока въ басняхъ такихъ время онъ проводитъ,
Лучшій сокъ изъ нашего мѣшка въ его входитъ.
Къ чему звѣздъ теченіе числить, и ни къ дѣлу
Ни къ стати за однимъ ночь пятномъ не спать цѣлу?
За любопытствомъ однимъ лишиться покою
Ища, солнце ль движется, или мы съ землею.
Въ часовникѣ можно честь на всякій день года
Число мѣсяца, и часъ солнечнаго всхода.
Землю въ четверти дѣлить безъ Евклида смыслимъ;
Сколько копѣекъ въ рублѣ безъ Алгебры счислимъ.
Силванъ одно знаніе слично людямъ хвалитъ,
Что учитъ множить доходъ, и расходы малитъ;
Трудиться въ томъ, съ чего вдругъ карманъ не толстѣетъ,
Гражданству вреднымъ весьма безумствомъ звать смѣетъ.
Румяный трожды рыгнувъ Лука подпѣваетъ:
Наука содружество людей разрушаетъ;
Люди мы къ сообществу Божія тварь стали,
Не въ нашу пользу одну смысла даръ пріяли.
Что же пользы иному, когда я запрусь
Въ чуланъ, для мертвыхъ друзей живущихъ лишуся?
Когда все дружество, вся моя ватага
Будетъ чернило, перо, песокъ да бумага?
Въ весельи, въ пирахъ мы жизнь должны провождати;
И такъ она недолга, на что коротати,
Крушиться надъ книгою, и повреждать очи?

Не лучше ли съ кубкомъ дни прогулять и ночи?
Вино даръ Божественный, много въ немъ провору;
Дружитъ людей, подаетъ поводъ къ разговору,
Веселитъ, всѣ тяжкія мысли отымаетъ,
Скудость знаетъ облегчать, слабыхъ ободряетъ,
Жестокихъ мягчитъ сердца, угрюмость отводитъ,
Любовникъ легче виномъ въ цѣль свою доходитъ.
Когда по небу сохой бразды водить станутъ,
А съ поверхности земли звѣзды ужъ проглянутъ,
Когда будутъ течь къ ключамъ своимъ быстры рѣки,
И возвратятся назадъ минувшіе вѣки;
Когда въ постъ чернецъ одну ѣсть станетъ вязигу,
Тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу.
Медоръ тужитъ, что чрезчуръ бумаги исходитъ
На письмо, на печать книгъ, а ему приходитъ,
Что не во что завертѣть завитыя кудри;
Не смѣнитъ на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры.
Предъ Егоромъ двухъ денегъ Виргилій не стòитъ,
Рексу, не Цицерону, похвала достоитъ.
Вотъ часть рѣчей, что на всякъ день звѣнятъ мнѣ въ уши;
Вотъ для чего я, уме, нѣмѣе быть клуши
Совѣтую. Когда нѣтъ пользы, ободряетъ
Къ трудамъ хвала; безъ того сердце унываетъ.
Сколькожъ больше вмѣсто хвалъ да хулы терпѣти!
Труднѣй то, нежъ пьяницѣ вина не имѣти,
Нежьли не славить попу святую недѣлю,
Нежьли купцу пиво пить не въ три пуда хмелю.
Знаю, что можешь, уме, смѣло мнѣ представить,
Что трудно злонравному добродѣтель славить,

Что щоголь, скупецъ, ханжа, и такимъ подобны
Науку должны хулить да рѣчи ихъ злобны
Умнымъ людямъ не уставъ, плюнуть на нихъ можно.
Изряденъ, хваленъ твой судъ; такъ бы то быть должно,
Да въ нашъ вѣкъ злобныхъ слова умными владѣютъ,
А къ тому жъ не только тѣхъ науки имѣютъ
Недрузей, которыхъ я, краткости радѣя,
Исчелъ, иль, правду сказать, могъ исчесть смѣлѣя.
Полно ль того? Райскихъ вратъ ключари святые,
И имъ же Ѳемисъ вѣски ввѣрила златые,
Мало любятъ, чуть не всѣ, истинну прикрасу.
Епископомъ хощешь быть? уберися въ рясу,
Сверхъ той тѣло съ гордостью риза полосата
Пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ злата,
Клобукомъ покрой главу, брюхо бородою,
Клюку пышно повели вести предъ тобою,
Въ каретѣ раздувшися, когда сердце съ гнѣву
Трещитъ, всѣхъ благословлять нудь праву и лѣву;
Долженъ архипастыремъ всякъ тя въ сихъ познати
Знакахъ, благоговѣйно отцемъ называти.
Что въ наукѣ? что съ нее пользы Церкви будетъ?
Иной пиша проповѣдь, выпись позабудетъ,
Отъ чего доходамъ вредъ; а въ нихъ Церкви права
Лучшія основаны, и вся ея слава.
Хочешь ли судьею стать? вздѣнь парикъ съ узлами,

Брани того, кто проситъ съ пустыми руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ,
Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ.
Если жъ кто вспомнитъ тебѣ граждански уставы,
Иль естественный законъ, иль народны правы,
Плюнь ему въ рожу; скажи, что вретъ околесну,
Налагая на судей ту тягость несносну,
Что подьячимъ должно лѣзть на бумажны горы,
А судьѣ довольно знать крѣпить приговоры.
Къ намъ не дошло время то, въ коемъ предсѣдала
Надъ всѣмъ мудрость, и вѣнцы одна раздѣляла,
Будучи способъ одна къ вышнему восходу.
Златой вѣкъ до нашего не достигнулъ роду;
Гордость, лѣность, богатство, мудрость одолѣло;
Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло.
Подъ митрой гордится то, въ шитомъ платьѣ ходитъ,
Судитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ.
Наука ободрана въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ въ морѣ страдавшіе корабельной службы.
Всѣ кричатъ: ни какой плодъ не видѣнъ съ науки;
Ученыхъ хоть голова полна, пусты руки.
Коли кто карты мѣшать, разныхъ винъ вкусъ знаетъ,
Танцуетъ, на дудочкѣ пѣсни три играетъ,
Смыслитъ искусно прибрать въ своемъ платьѣ цвѣты:
Тому ужъ и въ самые молодыя лѣты

Всякая высша степень, мзда ужъ не велика,
Седми мудрецовъ себя достойнымъ мнитъ лика.
Нѣтъ правды въ людяхъ, кричитъ безмозглый церковникъ;
Еще не Епископъ я, а знаю часовникъ,
Псалтырь и посланія бѣгло честь умѣю,
Въ Златоустѣ не запнусь, хоть не разумѣю.
Воинъ ропщетъ, что своимъ полкомъ не владѣетъ,
Когда ужъ имя свое подписать умѣетъ.
Писецъ тужитъ, за сукномъ что не сидитъ краснымъ,
Смысля дѣло набѣло списать письмомъ яснымъ.
Обидно себѣ быть, мнитъ, въ незнати старѣти,
Кому въ родѣ семь бояръ случилось имѣти,
И двѣ тысячи дворовъ за собой считаетъ,
Хотя впрочемъ ни читать, ни писать не знаетъ.
Таковы слыша слова, и примѣры видя,
Молчи, уме, не скучай въ незнатности сидя.
Безстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таится.
Коли что дала ти знать Мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, въ себѣ разсуждая
Пользу наукъ; не ищи, изъясняя тую,
Вмѣсто похвалъ, что ты ждешь, достать хулу злую.

═

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ САТИРѢ ПЕРВОЙ.

Сатира сія есть первый опытъ стихотворца въ семъ родѣ стиховъ; писана въ концѣ 1729 года, въ двадесятое лѣто его возраста. Презираетъ онъ въ ней невѣжъ и нелюбящихъ наукъ, чего для и надписана была: *на хулящихъ ученіе.* Писалъ онъ ее для одного только препровожденія своего времени, не намѣренъ будучи обнародить; но по случаю одинъ изъ его пріятелей, выпросивъ ее прочесть, сообщилъ Ѳеофану, Архіепископу Новогородскому, который ее вездѣ съ похвалами стихотворцу разсѣялъ, и, возвращая сочинителю, приложилъ похвальные стихи, и въ даръ къ нему прислалъ книгу, называемую *Гиралдія о богахъ и стихотворцахъ.* Тому Архипастырю слѣдуя, Архимандритъ Кроликъ многіе въ похвалу стихотворцу стихи написалъ, (которые вмѣстѣ съ Ѳеофановыми въ началѣ книжки приложены), чѣмъ онъ, ободренъ будучи, далѣе прилѣжать началъ къ сочиненію Сатиръ.

Стихъ 1. *Уме недозрѣлый плодъ и проч.* Тутъ наука значитъ *наставленіе,* дѣйсгво того, кто другаго учитъ; такъ въ пословицѣ говоримъ: *Плетъ не мука, да впредь наука.*

Ст. 4. *Творцемъ не слыти.* Творецъ тожъ, что сочинитель или издатель книги, съ Латинскаго *Авторъ.*

Ст. 5. *Нетрудные въ нашъ вѣкъ.* Слова *въ нашъ вѣкъ* значатъ путь къ истинной славѣ, который прежде бывалъ весьма труденъ; но въ нашъ вѣкъ легко многими дорогами къ ней дойти можно, потому что не нужны намъ уже добродѣтели къ ея пріобрѣтенію.

Ст. 7. и 8. *Всѣхъ непріятнѣе тотъ, что босы проклали девятъ сестръ.* Всего труднѣе достигнуть славы чрезъ науки. Девять сестръ, Музы, и изобрѣтательницы наукъ, Юпитера и Памяти дочери. Имена ихъ Кліо, Уранія, Евтерпе, Эрато, Ѳалія, Мелпомена, Терпсихора, Калліопа и Полимнія. Обыкновенно имя Музъ стихотворцы за самыя науки употребляютъ. *Босы*, сирѣчь убогіе, для того, что рѣдко ученые люди богаты.

Ст. 13. *Разцвѣченна марморами саду.* Украшеннаго статуями или столбами и другими зданіями мраморными.

Ст. 14. *Овцы не прибавитъ.* Человѣкъ чрезъ науки не разбогатѣетъ: каковъ отъ отца ему оставленъ достатокъ, таковъ останется; ничего къ нему не прибавитъ.

Ст. 15. *Въ нашемъ молодомъ Монархѣ.* О Петрѣ Второмъ говоритъ, который вступалъ тогда въ пятое на десять лѣто своего возраста, рожденъ былъ 12 октября 1715 года.

Ст. 16. *Музамъ.* Смотри примѣчаніе подъ стихомъ 7.

Ст. 17. *Аполлинъ.* Сынъ Юпитера и Латоны, братъ Діаны. У древнихъ за бога наукъ и начальника Музъ почитаемъ былъ.

Ст. 18. и 19. *Чтяща свою свиту, видѣлъ его самого.* Въ Аполлоновой свитѣ находятся Музы. Петръ II. собою показалъ образъ почитанія

наукъ. Прежде нежели обремененъ былъ правленіемъ государства, самъ обучался приличнымъ такой Высочайшей Особѣ наукамъ. До возшествія на престолъ, Его Величество имѣлъ учителя Зейкана, родомъ Венгерца; а потомъ въ 1727 году взятъ для наставленія Его Величества Христіанъ Гольдбахъ, Санктпетербургской Академіи Наукъ секретарь. По прибытій своемъ въ Москву, Его Величество изволилъ подтвердить привиллегіи, надлежащія до Академіи Наукъ, учредивъ притомъ порядочные и постоянные доходы профессорамъ и прочимъ служителямъ.

Ст. 20. *Жителей Парнасскихъ.* Парнассъ есть гора въ Фоцидѣ, провинціи Греческой, посвященная Музамъ, на которой онѣ свое жилище имѣютъ. Подъ именемъ Парнасскихъ жителей разумѣются ученые люди. Симъ стихомъ стихотворецъ изъявляетъ великодушіе Монарха къ учителямъ, которые на иждивеніи Его Величества тщатся распространить науки и пріумножить ученыхъ людей.

Ст. 23. *Расколы и ереси.* Хотя то правда, что почти всѣ ересей начальники были ученые люди; однакожъ изъ того не слѣдуетъ, что тому причина была ихъ наука, ибо много ученыхъ, которые не были еретики. Таковъ есть святой Павелъ Апостолъ, Златоустый, Василій Великій и прочіе. Огонь служитъ и нагрѣвать и раззорять людей въ конецъ. Пользуетъ огонь, ежели употребленіе его добро; вредитъ, ежели употребленіе зло. Подобно и наука; однако для того ни огонь ни наука не злы, но золъ тотъ, кто ихъ употребляетъ во зло. Между тѣмъ и то примѣчанія достойно, что въ Россіи расколамъ большая причина глупость и суевѣріе.

Ст. 25. *Приходитъ въ безбожіе.* Обыкновенно невѣжъ мнѣніе есть, что всѣ, которые много книгъ читаютъ, напослѣдокъ не признаютъ Бога. Весьма то ложно, потому что сколько кто величество и изрядный порядокъ твари познаетъ, что̀ удобнѣе отъ чтенія книгъ бываетъ, столько больше чтить Творца природнымъ смысломъ убѣждается; а невѣжество приводитъ въ злыя весьма о божествѣ мнѣнія, какъ напримѣръ Богу члены и страсти человѣческія приписывать.

Ст. 26. *Критонъ съ чотками въ рукахъ ворчитъ.* Вымышленнымъ именемъ Критона (каковы будутъ всѣ въ слѣдующихъ Сатирахъ) означается притворнаго богочтенія человѣкъ, невѣжа и суевѣрный, который наружности закона существу его предпочитаетъ для своей корысти.

Ст. 41. *Силванъ другую вину.* Подъ именемъ Силвана означенъ старинный скупой дворянинъ, который объ одномъ своемъ помѣстьѣ радѣетъ, охуждая то, что̀ къ умноженію его доходовъ не служитъ.

Ст. 45. *Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали.* Не гораздо ли смѣшно приписывать наукамъ въ вину то, что отъ одной лѣности земледѣльцевъ, или отъ непорядочнаго воздуха происходить можетъ?

Ст. 49. *Доводъ, порядокъ въ словахъ.* Тому учитъ Риторика, а наипаче Логика, то есть, чтобъ право о всякомъ дѣлѣ разсуждать, и то другому ясными доказать доводами.

Ст. 51. *Кто души силу и предѣлы.* Въ семъ стихѣ о Метафизикѣ говорится, которая разсуждаетъ о сущемъ вообще, и о свойствахъ души и духовъ.

Ст. 53. *Строй міра и вещей выпъдать премъну иль причину.* Физика испытываетъ составъ міра и причину, или различіе всѣхъ вещей въ мірѣ.

Ст. 60. *Чтобъ вызнать рудъ свойство.* Химія тому учитъ. Слово *руда* значитъ металлъ, каково есть золото, серебро, мѣдь, желѣзо и прочая.

Ст. 63. *Травъ, болъзней знаніе.* То есть, Медицина или врачебная наука.

Ст. 64. *Ищетъ въ рукъ знаки.* Доктора̀, желая узнать силу болѣзни, щупаютъ въ рукѣ больнаго удареніе жилы, отъ чего познаваютъ, каково теченіе крови, и слѣдовательно слабость или жестокость болѣзни.

Ст. 68. *Внутръ никто видълъ живо тъло.* То есть: хотя анатомики и знаютъ тѣла составъ и состояніе; однако нельзя по тому разсудить о поврежденіи, которое въ живомъ человѣкѣ случается, потому что еще никто не видалъ, каково есть движеніе внутреннихъ частей человѣка.

Ст. 71. *Къ чему звъздъ теченіе числить.* Объ Астрономіи тутъ слово идетъ.

Ст. 72. *За однимъ пятномъ.* Въ солнцѣ и въ планетахъ астрономы пятна съ любопытствомъ примѣчаютъ, признавая по онымъ время, въ которое они около своего центра вертятся. При соединеніи двухъ планетъ случается то, что нижняя пятномъ кажется въ высшей планетѣ. Въ лунѣ усматриваются подвижныя пятна, которыя чаятельно суть тѣни ея высокихъ горъ. Смотри Фонтенелла о *множествъ міровъ.*

Ст. 74. *Солнце ль движется или мы съ землею.* Фонтенеллъ о множествѣ міровъ вечеръ 1. Два, говоритъ, мнѣнія имѣютъ астрономы о системѣ свѣта: первое и старое, въ которомъ земля за

среднюю точку всея системы полагаесся и неподвижна стоитъ, а около ея планеты, Солнце, Сатурнъ, Юпитеръ, Марсъ, Меркурій, Луна и Венера, вертятся, всякая въ извѣстное время. Сія система, по Птоломею, своему изобрѣтателю, называется *Птоломеевою;* другая, по которой солнце неподвижно (но около самого себя обращающееся) поставляется, а прочія планеты, между которыми есть и земля, всякая въ учрежденное время около его вертятся. Луна уже не планета, но спутникъ земли, около которой кругъ свой совершаетъ въ 29 дней. Систему сію выдумалъ Коперникъ Нѣмчинъ, и для того *Коперническою* называется. Есть и третія система, Тихобрагова, Датчанина родомъ, которая однакожъ изъ прежнихъ двухъ составлена; ибо онъ съ Птоломеемъ согласуется въ томъ, что земля стоитъ, и что солнце около ея вертится, но съ Коперникомъ всѣхъ прочихъ планетъ движеніе около солнца поставляетъ.

Ст. 77. *Въ четверти дѣлить безъ Евклида смыслимъ.* Четверть есть часть земли, или пашни въ 20 саженъ ширины и 80 длины. Евклидъ былъ славный математикъ Александрійскій, гдѣ во время Птоломея Лага Математикѣ обучалъ за 300 лѣтъ до Рожества Христова. Трудовъ его у насъ между прочимъ остались Элементы, содержащіе въ 15-ти книгахъ основаніе всей Геометріи.

Ст. 78. *Безъ Алгебры.* Алгебра есть часть Математики весьма трудная, но и преполезная, служащая къ рѣшенію труднѣйшихъ задачъ въ Математикѣ. Можно назвать ее генеральною Ариѳметикою, поколику части ея по большой мѣрѣ между собою сходны, кромѣ того, что Ариѳметика употребляетъ для всякаго числа особливые

знаки, а Алгебра генеральные, которые всякому числу приличествуютъ. Сія наука въ Европу пришла отъ Араповъ, которыхъ мнятъ быть ея изобрѣтателями; имя самое Алгебры есть Арапское, которые ее называютъ *Алжабръ Валмукабала*, то есть, наверстать или соравнять.

Ст. 83. *Румяный трожды рыгнувъ Лука.* Лука пьяница, съ вина румяный, и съ вина часто рыгая, говоритъ и проч.

Ст. 85. *Къ сообществу Божія тварь стали.* Богъ насъ создалъ для сообщества.

Ст. 88. *Для мертвыхъ друзей*, то есть, для книгъ.

Ст. 95. *Вино даръ Божественный.* Горацій нѣчто подобное говоритъ въ слѣдующихъ стихахъ своего V письма, книги I.

Quid non ebrietas designat? operta recludit:
Spes iubet esse ratas: in prælia trudit inermem;
Sollicitis animis onus eximit: addocet artes
Fecundi calices quem non fecere disertum?
Contracta quem non in paupertate solutum?

Ст. 100. *Любовникъ легче виномъ въ цѣль свою доходитъ.* Свидѣтельство сему есть Лотова исторія, котораго дочери, виномъ его упоивши, желаніе свое исполнили.

Ст. 101. *Когда по небу.* Подражаніе изъ слѣдующихъ Овидіевыхъ стиховъ, 7-й его Элегіи.

In caput alta suum labentur ab aequore retro
Flumina, conversis solque recurret equis:
Terra feretstellas, coelum findetur aratro:
Vnda dabit flammas, et dabit ignis aquas.

Ст. 107. *Медоръ.* Щоголь тѣмъ именемъ означенъ.

Ст. 109. *Завертѣтъ завитыя кудри.* Когда хотимъ волосы завивать, то по малому пучку завиваемъ, и обвертѣвъ тѣ пучки бумагою, горячими

желѣзными щипцами ихъ нагрѣваемъ, и такъ прямые волосы въ кудри претворяются.

Ст. 110. *Не смѣнитъ на Сенеку*, то есть, не смѣнитъ на книгу Сенекину фунтъ пудры. Сенека былъ философъ секты Стоической, учитель Нерона, императора римскаго, отъ котораго убитъ лѣта Христова 65: сего Сенеки есть многія, и почти лучшія изъ древнихъ, нравоучительныя книги.

Ст. 111. *Предъ Егоромъ Виргилій.* Егоръ былъ славный сапожникъ въ Москвѣ, умеръ 1729. Виргилій, стихотворецъ латинскій, былъ сынъ нѣкоего горшечника изъ мѣстечка Анды въ провинціи Мантуанской, гдѣ родился 15 октября въ 684 лѣто по созданіи Рима, то есть въ 27-е предъ Рождествомъ Христовымъ. За его превосходный умъ многіе изъ знатнѣйшихъ Римлянъ его любили, между которыми были первые императоръ Августъ, Меценатъ и Полліонъ. Весь ученый свѣтъ дивится стихамъ его, которыми у всѣхъ прославился первымъ стихотворцемъ латинскимъ. Умеръ въ провинціи Калабріи, городѣ Бриндѣ, возвращаясь съ Августомъ изъ Греціи, въ лѣто по созданіи Рима 735, въ 51 своего возраста, и погребенъ близъ Неаполя.

Ст. 112. *Рексу, не Цицерону.* Рексъ былъ славный портной въ Москвѣ, родомъ Нѣмчинъ; а Маркъ Туллій Цицеронъ былъ сынъ римскаго дворянина, изъ поколѣнія Тита Тація, короля Сабинскаго. Цицеронъ еще въ молодыхъ своихъ лѣтахъ рѣчи говорилъ въ сенатѣ столь дерзновенно противъ сообщниковъ Катилининыхъ, что убоявся за то на себя нападенія, уѣхалъ въ Грецію, гдѣ у знатнѣйшихъ учителей обучившись, въ такое совершенство привелъ латинское краснорѣчіе, что от-

цемъ онаго названъ. Въ 691 лѣто по созданіи Рима выбранъ онъ съ Антоніемъ Непотомъ въ консулы, коего повелѣніемъ убитъ въ лѣто по созданіи Рима 711, въ 43 прежде Рождества Христова, и 64 своего возраста: родился 30 Января, въ лѣто по созданіи Рима 648.

Ст. 115 и 116. *Когда нѣтъ пользы, ободряетъ къ трудамъ похвала.* Всѣхъ нашихъ дѣйствій есть двѣ побуждающія причины, польза и похвала. Не обыкли люди, или рѣдко слѣдуютъ добродѣтели, для того, что она сама собою красна.

Ст. 120. *Нежели купцу.* Извѣстно, что купцы наши по большей части великіе охотники до крѣпкаго пива, котораго часто и въ 5 пудъ хмелю варю варятъ.

Ст. 126. *Твой судъ.* Твое разсужденіе.

Ст. 131. *Ключари святые.* Церковные пастыри, Епископы.

Ст. 132. *Имъ же Ѳемисъ вѣски вѣрила златые.* То есть, судьи. Ѳемисъ, богиня правосудія, дочь Земли и Неба, изображается съ вѣсками въ рукахъ.

Ст. 133. *Мало любятъ чуть не всѣ истинну прикрасу.* Истинною прикрасою называетъ стихотворецъ науку, предъ которою невѣжество есть нелѣпо и безобразно.

Ст. 135. *Риза полосата.* Епанча изъ шелковой парчи безрукавная, сшита на подолѣ, и разныхъ цвѣтовъ полосами поперегъ испещренна, которую сверхъ всего платья Архіереи надѣваютъ. Обыкновенно *мантіею* называется.

Ст. 136. *Цѣпь отъ злата.* Архіереи, сверхъ рясы, а въ священнослуженіи сверхъ сакоса повѣшенну имѣютъ на шеѣ цѣпочку золотую или серебряную, на которой виситъ образъ на финифти написанный Спасителя, или Богоматери. Обы-

кновенно цѣпочку сію съ образомъ *панагіею* называютъ отъ греческаго слова *παναγία*, *пресвятая*, которое прилагательное обыкновенно Богородицѣ придается.

Ст. 137. *Брюхо бородою.* Широкую бороду и по брюху распростертую невѣжи священническому чину за особливое украшеніе приписываютъ. Димитрій, Митрополитъ Ростовскій, (писатель Житія Святыхъ) цѣлую книгу сочинилъ противъ суевѣрія простыхъ людей о бородѣ, которая напечатана въ Москвѣ въ 1714 году.

138. *Клюку предъ тобою*, то есть, *патерицу*. Когда Архіерей выѣзжаетъ со двора, то одинъ изъ его вершниковъ везетъ патерицу епископскую, въ знакъ его церковной власти.

Ст. 140. *Праву и лѣву.* Разумѣется руку.

Ст. 144. *Выпись позабудетъ.* Выпись есть письмо приказное, которымъ судья засвидѣтельствуетъ, что товаръ чистъ, и что съ него въ государственную казну пошлина взята; или подтверждаетъ владѣніе земли, деревни, двора, и проч.

Ст. 148. *Кто проситъ съ пустыми руками.* То есть челобитчикъ, который подарковъ не даетъ, и, прося, судьѣ ничего не подноситъ.

Ст. 151 и 152. *Граждански уставы*, *иль естественный законъ иль народны правы.* *Гражданскіе уставы* суть законы, учрежденные отъ Государей, для расправы въ судахъ, каково у насъ Уложенье. *Законъ естественный* есть правило, отъ самой натуры намъ предписанное, которое всегда непремѣнно, и безъ котораго ни какое сообщество устоять не можетъ. *Народны правы* суть законы, которые содержать должны народы разныхъ областей, для удобнаго взаимнаго сообщенія и пользы.

Ст. 155. *Лѣсть на бумажны горы*, то есть перебирать или читать множество книгъ.

Ст. 157 до 160. *Къ намъ не дошло то и проч.* Не дошло къ намъ то время, когда отъ одной мудрости ожидать должно было человѣку своего награжденія и повышенія въ знатные чины.

Ст. 160. *Златой вѣкъ.* Стихотворцы раздѣляютъ времена на четыре вѣка, а именно: на златой, сребряный, мѣдный и желѣзный, и говорятъ, что въ златомъ вѣкѣ всѣ люди къ одной только добродѣтели прилѣжали, удаляясь отъ всякихъ пороковъ.

Ст. 163. *Подъ митрой. Митра* есть шапка Архірейская, въ священнослуженіи употребляемая.

Ст. 164. *Судитъ за краснымъ сукномъ.* Во всѣхъ приказахъ столъ, за которымъ судьи засѣдаютъ, покрытъ бываетъ обыкновенно краснымъ сукномъ.

Ст. 172. *На дудочкѣ пѣсни три играетъ.* Дудочка значитъ косую флейту, которая была въ великомъ употребленіи въ то время, когда Сатира сія писана, и почти всѣ молодые люди на ней играть обучались.

Ст. 176. *Седми мудрецовъ.* Славные семь мудрецовъ были Ѳалесъ, Питтакъ, Віасъ, Солонъ, Клеовулъ, Миносъ и Хилонъ. Нѣкоторые вмѣсто трехъ послѣднихъ включаютъ Періандра, Анахарса и Эпаминонда; а другіе Пизистрата, Трасивула, Милетскаго тиранна, и Ѳеницила Сирскаго. Смотри *Лаpея въ житіи седми мудрецовъ* стр. 1.

Ст. 180. *Въ Златоустѣ не запнусь.* Въ Златоустовомъ толкованіи на Евангеліе, которое переведено съ греческаго весьма не ясно.

Ст. 183. *Писецъ*, то есть *подъячій.*

Ст. 184. *Письмомъ яснымъ.* Наши подьячіе, когда пишутъ, объ одномъ только тщатся, чтобъ

письмо ихъ было чотко и красиво; что же до правописанія касается, такъ мало о томъ стараются, что и за излишнее оное почитаютъ, и для того если желаешь какой книги не разумѣть, отдай ее подьячему переписать.

Ст. 186. *Седмь бояръ.* Извѣстно, что боярскій чинъ бывалъ въ великомъ почтеніи; почему знать должно, что благороднымъ звать себя можетъ тотъ, изъ чьего роду семеро честь боярскую имѣли.

Ст. 193. *Мудрость всеблагая*, то есть, Богъ, Который не только премудръ, но самая Премудрость, къ тому жъ и Всеблагій.

═

САТИРА II.

ФИЛАРЕТЪ И ЕВГЕНІЙ.

—

ФИЛАРЕТЪ.

Что такъ смутенъ, дружокъ мой? Щоки внутрь опали,
Блѣденъ и глаза красны, какъ бы ночь не спали?
Задумчивъ, какъ тотъ, что чинъ Патріаршъ достати
Ища, конной свой заводъ раздарилъ не кстати?
Цугомъ ли запрещено ѣздить, иль богато
Платье носить, иль твоихъ слугъ пеленать въ злато?
Картъ ли не стало въ рядахъ, вина ль дорогова?
Матерь знаю, и родня твоя вся здорова;
Обильство сыплетъ тебѣ дары полнымъ рогомъ;
Ничто тебѣ не претитъ жить въ покоѣ многомъ.
Что жъ молчишь? Ужъ ли твои уста косны стали?
Не знаешь ли, сколь намъ другъ полезенъ въ печали?
Сколь много здравый совѣтъ полезенъ бываетъ,
Когда тому слѣдовать страсть не запрещаетъ?
А, а! дознаюсь я самъ, чтò тому причина:
Дамонъ на сихъ дняхъ досталъ перемѣну чина,
Трифону лента дана, Туллій деревнями
Награжденъ; ты съ пышными презрѣнъ именами.

Забыта крови твоей и слава, и древность
Предковъ, къ общества добру многотрудна ревность,
И преимуществъ твоихъ толпа неоспорныхъ;
А зависти въ тебѣ нѣтъ, какъ въ попахъ соборныхъ.

ЕВГЕНІЙ.

Часть ты прямо отгадалъ. Хоть мнѣ не завидно,
Чувствую сколь знатнымъ всѣмъ и стыдъ и обидно,
Что кто еще не всѣ стеръ съ грубыхъ рукъ мозоли,
Кто недавно продавалъ въ рядахъ мѣшокъ соли,
Кто глушилъ насъ, сальные, крича, ясно свѣчи
Горятъ, кто съ подовыми горшкомъ истеръ плечи,
Тотъ на высоку степень вспрыгнувши блистаетъ;
А благородство мое во мнѣ унываетъ,
И не сильно принести мнѣ ни какой польги.
Знатны ужъ предки мои были въ царство Ольги
И съ тѣхъ временъ по сихъ поръ въ углу не сидѣли,
Государства лучшими чинами владѣли.
Разсмотри гербовники, грамотъ виды разны,
Книгу родословную, записки приказны;
Съ прадѣдова прадѣда, чтобъ начать поближе,
Думнаго, намѣстника никто не былъ ниже;
Искусны въ мирѣ, въ войнѣ разсудно и смѣло
Вершили ружьемъ, умомъ не одно тѣ дѣло.
Взгляни на пространныя стѣны нашей залы,
Увидишь, какъ рвали строй, какъ ломали валы.
Въ судѣ чисты руки ихъ, помнитъ челобитчикъ
Милость ихъ, и помнитъ злу остуду обидчикъ.

А батюшка ужъ всѣмъ верхъ; какъ его не стало
Государства правое плечо съ нимъ отпало.
Какъ батюшка выѣдетъ, всякъ долой съ дороги,
И шапочку снявъ, ему головою въ ноги;
Всегда за нимъ выборна таскалася свита,
Что на день рано съ утра крестова набита
Тѣми, которыхъ теперь народъ почитаетъ,
И отъ которыхъ нашъ братъ милость ожидаетъ.
Сколько разъ, не смѣя тѣ приступать къ намъ сами,
Дворецкому кланялись съ полными руками?
И когда батюшка къ нимъ промолвитъ хоть слово,
Заторопѣвъ, онѣмѣвъ, слезы у инова
Текли изъ глазъ съ радости, иной не спокоенъ
Всѣмъ наскучилъ хвастая, что былъ онъ достоенъ
Съ временщикомъ говорить, и весь веселился
Домъ его, какъ бы имъ кладъ богатый явился.
Самъ ужъ суди, какъ легко мнѣ должно казаться,
Столь славны предки имѣвъ, забытымъ остаться!
Послѣднимъ видѣть себя, куда глазъ ни вскину?

ФИЛАРЕТЪ.

Слышалъ я важну твоей печали причину;
Позволь ужъ мнѣ мою мысль открыть и совѣты.
А вѣдай притомъ, что я лукавыхъ примѣты,
Лесть, похлѣбство не люблю: но сердце согласно
Съ языкомъ, что мыслитъ то, сей вымолвитъ ясно.
Благородство будучи заслугъ мзда, я знаю
Сколь важно, и много въ немъ пользы признаваю.

Почесть та къ добрымъ дѣламъ многихъ ободряе́тъ,
Коль въ награду кто себѣ большей ожидаетъ.
(Сыщешь въ людяхъ таковыхъ, которымъ не дивны
Куча золота, ни домъ огромный, ни льстивный
На пуху покой, ни жизнь сколь бы ни прохладна;
Къ титламъ, къ славѣ до одной всяка душа жадна),
Но тщетно имя оно, ничего собою
Не значитъ въ томъ, кто себѣ своею рукою
Не присвоитъ почесть ту добыту трудами
Предковъ своихъ. Грамота плѣснью и червями
Изгрызена знатныхъ насъ дѣтьми есть свидѣтель;
Благородными явитъ одна добродѣтель.
Презрѣвъ покой, снесъ ли ты самъ труды военны?
Разогналъ ли предъ собой враги устрашенны?
Къ безопаству общества расширилъ ли власти
Нашей рубежъ? судъ судя, забылъ ли ты страсти?
Облегчилъ ли тяжкія подати народу?
Приложилъ ли къ царскому что ни есть доходу?
Примѣро́мъ, словомъ твоимъ ободрены ль люди
Хоть мало очистить злыхъ нравовъ темны груди?
Иль буде случай, младость въ то не допустила,
Есть ли показаться въ томъ впредь воля и сила?
Знаешь ли чисты хранить и совѣсть и руки?
Бѣдныхъ жалки ли тебѣ слезы и докуки?
Не завистливъ, ласковъ, правъ, не гнѣвливъ, беззлобенъ,
Вѣришь ли, что всякъ тебѣ человѣкъ подобенъ?

Изрядно можешь сказать, что ты благороденъ,
Можешь счесться Гектору или Ахиллу сроденъ,
Іулій и Александръ, и всѣ мужи славны
Могутъ быть предки твои, лишь бы тебѣ нравны.
Мало жъ пользуетъ тебя звать хоть сыномъ царскимъ
Буде въ нравахъ съ гнуснымъ ты не разнишься псарскимъ.
Спросись хоть у Нейбуша, таковы ли дрожжи
Любы, какъ пиво ему, отречется трожжи;
Знаетъ онъ, что пива тѣ славные остатки,
Да плюетъ на то, когда не какъ пиво сладки.
Разнится потомкомъ быть предковъ благородныхъ,
Или благороднымъ быть. Также и въ свободныхъ
И въ холопахъ течетъ кровь, таже плоть, тѣ жъ кости,
Буквы, къ нашимъ именамъ приданныя, злости
Нашей не могутъ прикрыть; а худые нравы
Истребятъ вдругъ древнія въ умныхъ память славы,
И чужихъ обнажена красныхъ перьевъ галка
Будетъ имъ, съ стыдомъ своимъ, и смѣшна и жалка.
Знаю, что неправедно забыта бываетъ
Дѣдовъ служба, когда внукъ въ нравахъ успѣваетъ,
Но бѣдно блудитъ нашъ умъ, буде опираться
Станемъ мы на нихъ однихъ. Столбы сокрушатся
Подъ излишнимъ бременемъ, есть ли сами въ силу
Нужную не приведемъ ту подпору хвилу.

Свѣтлой воды ихъ труды ключъ тебѣ открыли
И черпать вольно тебѣ: но нужно, чтобъ были
И чаши чисты твои, и нужно сгорбиться
Къ ключу; сама вода въ роть твой не станетъ литься.
Ты самъ праотцевъ своихъ исчисляя славу,
Признал, что та надлежитъ ихъ дѣламъ и праву:
Иной въ войнахъ претерпѣлъ нужду, страхъ и раны,
Инымъ въ морѣ недруги и валы попраны,
Иной правду вѣсилъ тихъ, бѣгая обиды;
Всѣхъ были различные достоинства виды.
Если бъ ты имъ подражалъ, право бъ могъ роптати,
Что за другими тебя и въ пару не знати.
Потрись на оселку, другъ, покажи въ чемъ славу
Крови собой, и твою жалобу быть праву.
Пѣлъ пѣтухъ, встала заря, лучи освѣтили
Солнца верхи горъ; тогда войско выводили
На поле предки твои, а ты подъ парчею
Углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душею,
Грозно сопешь; когда дня пробѣгутъ двѣ доли,
Зевнешь, растворишъ глаза, выспишься до воли,
Тянешься ужъ часъ другой, нѣжишься ожидая
Пойла, что шлетъ Индія, иль везутъ съ Китая,
Изъ постели къ зеркалу однимъ спрыгнешь скокомъ,
Тамъ ужъ въ попеченіи и трудѣ глубокомъ,
Женскихъ достойную плечь завѣску на спину
Вскинувъ, волосъ съ волосомъ прибираешъ къ чину.

Часть надъ лоскимъ лбомъ торчать будутъ сановиты,
По румянымъ часть щекамъ въ колечки завиты
Свободно станетъ играть, часть уйдетъ за темя
Въ мѣшокъ. Дивится тому строенію племя
Тебѣ подобныхъ; ты самъ новый Нарцисъ жадно
Глотаешь очьми себя; нога жмется складно
Въ тѣсномъ башмакѣ твоя, потъ со слугъ валится,
Въ двѣ мозоли и тебѣ краса становится;
Избитъ полъ, и подъ башмакъ стерто много мѣлу.
Деревню вздѣнешь потомъ на себя ты цѣлу.
Не столько стоитъ народъ Римляновъ пристойно
Основать, какъ выбрать цвѣтъ и парчу, и стройно
Сшить кафтанъ по правиламъ щегольства и моды
Пора, мѣсто, и твои разсмотрѣны годы,
Чтобъ лѣтамъ сходенъ былъ цвѣтъ, чтобъ тебѣ въ образу
Нѣжну зелень въ огородѣ не досажалъ глазу,
Чтобъ бархатъ не отягчалъ въ лѣтню пору тѣло,
Чтобъ тафта не хвастала среди зимы смѣло;
Но зналъ бы всякъ свой предѣлъ, право и законы,
Какъ искусные попы всякаго дни звоны.
Долголѣтняго пути въ краяхъ чужестранныхъ,
Иждивеній и трудовъ тяжкихъ и пространныхъ
Дивный плодъ ты произнесъ. Ущербя пожитки
Понялъ, что фалды должны тверды быть, не жидки,
Въ поларшина глубоки и ситомъ подшиты;
Согнувъ кафтанъ не были бъ станомъ всѣ покрыты,
Каковъ рукавъ долженъ быть, гдѣ клинья уставить,

Гдѣ карманъ, и сколько грудь окружа прибавить;
Въ лѣто или осенью, въ зиму иль весною
Какую парчу подбить пристойно какою,
Что приличнѣе нашить, сребро или злато,
И Рексу лучше тебя знать ужъ трудновато.
Въ обѣдъ и на ужинѣ частенько двоится
Свѣча въ глазахъ, часто полъ подъ тобою вертится,
И обжорство тебѣ въ ротъ куски управляетъ.
Гнусныхъ тогда полкъ друзей тебя окружаетъ,
И голодая до костей самыхъ, нравъ веселый,
Тщиву душу, и въ тебѣ хвалитъ разумъ зрѣлый.
Сладко щекотятъ тебѣ ухо красны рѣчи,
Вздутымъ поднять пузыремъ, чаешь, что подъ плечи
Не дойдетъ тебѣ людей все прочее племя.
Оглянись намѣстникомъ царскихъ чисто сѣмя,
Тотъ же полкъ лишь съ глазъ твоихъ тебѣ ужъ смѣется;
Скоро станетъ и въ глаза; притворство минется,
Когда истощишь твоихъ пожитковъ остатки.
Боюсь я устъ, что въ лицо точатъ слова сладки:
Ты самъ неотступно то время ускоряешь,
Изъ рукъ ты пестрыхъ пучки бумагъ не спускаешь,
И мечешь горстью твоихъ мозольми и потомъ
Предковъ скоплено добро. Деревня со скотомъ
Не первая ужъ пошла въ бережную руку
Того, кто мало предъ симъ кормился отъ стуку
Молота по жаркому въ кузницѣ желѣзу.
Приложился сильный жаръ къ поносному рѣзу,
Часто любишь опирать щеки на грудь бѣлу;

Въ томъ проводишь прочій день и ночь почти цѣлу.
Но тѣ, кои на стѣнахъ большой твоей залы
Видишь надписи, прочесть трудъ тебѣ немалый;
Чужой глазъ нуженъ тебѣ и помощь чужая
Нужнѣе, чтобъ знать назвать черту, что копая
Воинъ предъ собой ведетъ, укрываясь, къ валу;
Чтобъ различить, гдѣ стѣны часть одна по малу
Частымъ быстро-пагубныхъ пуль ударомъ пала,
Гдѣ грозно разсѣдшися, земля вдругъ пожрала;
Къ чему тутъ войска одна часть въ четверобочникъ
Строится, гдѣ болѣе нуженъ ужъ спомочникъ
Рѣдкимъ полкамъ, и гдѣ ужъ превосходны силы
Оплошнаго недруга надежду прельстили.
Много вышнихъ требуетъ свойствъ чинъ воеводы
И много разныхъ искусствъ; и входъ и исходы
И мѣсто годно къ бою видитъ однимъ взглядомъ.
Лишней безопасности не опоенъ ядомъ,
Остръ, проницаетъ враговъ тайные совѣты,
Временно предупреждать удобенъ навѣты,
О обильности въ своемъ таборѣ печется
Неусыпно, и любовь ему предпочтется
Войска, и не будетъ имъ за страхъ ненавидимъ;
Отцемъ невинный народъ зоветъ не обидимъ
Его жадностью, врагамъ однимъ лишь ужасенъ,
Тихимъ нравомъ и умомъ и храбростью красенъ
Не спѣшитъ дѣло начать, начавъ производитъ
Смѣло и скоро; не столь бѣгло Перунъ сходитъ,
Страшно гремя. Въ счастіи умѣренъ быть знаетъ

Терпѣливъ въ нуждѣ, въ бѣдствѣ твердъ не унываетъ.
Ты тѣхъ добродѣтелей, тѣхъ чуть имя званій
Слыхалъ ли? Самыхъ числу дивишься ты званій,
И въ одинъ всѣхъ мозгъ вмѣстить смертныхъ столь мнишь трудно,
Сколь дворецкому не красть, иль судьѣ жить скудно.
Какъ тебѣ ввѣрить корабль, коль лодкой не правилъ?
И хотя въ пруду твоемъ, лишь берегъ оставилъ,
Тотчасъ къ берегу спѣшишь; гладкихъ испугался
Ты водъ. Кто пространному морю первый вдался,
Мѣдное сердце имѣлъ; смерть тамъ обступаетъ
Съ низу, съ верху и боковъ; одна отдѣляетъ
Отъ нее доска толста пальца лишь въ четыре:
Твоя душа требуетъ разстоянья шире,
И писана смерть тебя дрожать заставляетъ;
Одинъ холопъ лишь твою храбрость искушаетъ,
Что одинъ онъ отвѣчать тебѣ не посмѣетъ.
Нужно жъ много и тому, кто рублемъ владѣетъ,
Искусствъ и свойствъ съ самаго укрѣпленныхъ дѣтства,
И столь нужнѣй тѣ ему, сколь вящши суть бѣдства
На морѣ, нежъ на землѣ. Твари Господь чудну
Мудрость свою оказалъ, во всѣхъ не оскудну
Мѣру поставя частяхъ міра, и межъ ними
Взаимно согласіе; лучами своими
Свѣтила небесныя, желѣзце не многу
Отъ дивнаго камня взявъ силу, намъ дорогу

Надежную въ безднѣ водъ показать удобны;
Небесъ положеніе на землѣ способный
Бываетъ намъ проводникъ, и когда страхъ мучитъ
Грубыхъ пловцовъ, кормчаго искуснаго учитъ
Скрытый камень миновать, иль берегъ опасный,
И въ пристань достичь, гдѣ часъ кончится ужасный.
Недруга догнать, надъ нимъ занять вѣтръ способный
И побѣду одержать вступя въ бой удобный,
Трудъ немалый. На морѣ, какъ на землѣ, тѣ же
Начальниковъ должности: тебѣ еще рѣже
Снилась трубка и компасъ, нежь строй и осада.
За краснымъ судитъ сукномъ Адамлевы чада,
Иль правитъ достоинъ тотъ, чья есть совѣсть чиста,
Сердце къ сожалѣнію склонно, и рѣчиста
Кого деньга одолѣть, ни страхъ, ни надежда
Не сильны, предъ кѣмъ всегда мудрецъ и невѣжда
Богачъ и нищей съ сумой, гнусна бабья рожа
И краснаго цвѣтъ лица, пахарь и вельможа
Равны въ судѣ, и одна правда превосходна
Кого не могутъ прельстить въ хитростяхъ всеплодна
Ябеда и ея другъ дьякъ или подьячей,
Чтобъ чрезъ руки ихъ прошедъ, слѣпымъ не сталъ зрячей,
Блюстись долженъ, и самъ знать и листъ и страницу,
Что отъ нападенія сильнаго вдовицу
Соперника можетъ спасть, и сиротъ спокойну

Уставить жизнь предписавъ плутамъ казнь достойну.
Наизустъ онъ знаетъ всѣ естественны права,
Изъ нашего высосалъ весь онъ сокъ устава,
Мудры не спускаетъ съ рукъ указы Петровы,
Коими стали мы вдругъ народъ уже новый,
Не меньше стройный другихъ, не меньше обильный,
Завидимъ врагу, и въ немъ злобу унять сильный.
Можешь ли что обѣщать народу подобно?
Бѣдныхъ слезы предъ тобой льются, пока злобно
Ты смѣешься нищетѣ; каменный душою
Бьешь холопа до крови, что махнулъ рукою
Вмѣсто правой лѣвою (звѣрямъ лишь прилична
Жадность крови; плоть въ слугѣ твоей однолична).
Мало, правда, ты копишь денегъ, но къ нимъ жаденъ:
Мотъ почти всегда живетъ сребролюбьемъ смраденъ,
И все законно онъ мнитъ, что ужъ истощенной
Можетъ дополнить мѣшокъ; нужды совершенной
Стала ему золота куча, безъ которой
Прохладамъ долженъ своимъ видѣть конецъ скорой.
Арапскаго языка, права и законы
Мнятся тебѣ, дикіе Руску уху звоны.
Если въ тѣ чины негожъ, скажешь мнѣ я чаю.
Не хуже Клита носить ключь золотой я знаю;
Какія свойства его, какая заслуга
Лучшимъ могли показать изъ нашего круга?

Клита въ постелѣ застать не можетъ день новой,
Неотступенъ сохнетъ онъ зѣвая въ крестовой,
Спины своей не жалѣлъ клапяясь и мухамъ,
Коимъ доступъ дозволенъ къ временщичьимъ ухамъ.
Клитъ остроуменъ—свои слова точно мѣритъ,
Льститъ всякому, никому почти онъ не вѣритъ,
Съ холопомъ новыхъ людей дружбу весть не рдится;
Истинная мысль его прилѣжно таится
Въ дѣлахъ его. О трудахъ своихъ онъ не тужитъ,
Идучи упрямо въ цѣль; Клиту счастье служитъ.
Иныхъ свойствъ не требуетъ, кому оно дружно
А у Клита безъ того нѣчто занять нужно
Тому, кто въ царскомъ прожить домѣ жизнь уставилъ,
Чтобъ крылья, къ солнцу подшедъ, мягки не расплавилъ,
Короткій языкъ, лицо и радость удобно
И печаль изображать, какъ больше способно
Къ пользѣ себѣ, по другихъ лицу примѣняясь.
Честнѣе будетъ онъ другъ, всѣмъ друженъ являясь;
И много смиреніе, и разсудность многу
Совѣтую при дворѣ. Лучшую дорогу
Избралъ, кто правду всегда говорить принялся,
Но и кто правду молчитъ, виновенъ не стался,
Буде ложью утаить правду не посмѣетъ.
Счастливъ, кто средины той держаться умѣетъ;
Умъ свѣтлый нуженъ къ тому, разговоръ пріятный,
Учтивостъ приличная, что даетъ родъ знатный.

Ползать не совѣтую, хоть спѣси гнушаюсь;
Всегда того я въ тебѣ искать опасаюсь.
Словомъ, много о вещахъ тщетныхъ безпокойства,
Но въ тебѣ ни одного нѣтъ хвальнаго свойства.
Исправь себя, и тогда жди, дружокъ, награды;
По тѣхъ поръ, что ты забытъ, не чувствуй досады:
Пороковъ, кои теперь заграждены тѣнью
Стѣнъ твоихъ, не прикроешь высшею степенью.
Чистъ быть долженъ, кто туды не поблѣднѣвъ всходитъ,
Куды зоркіе глаза весь народъ наводитъ.
Но положимъ, что твои заслуги и нравы
Достойнымъ являютъ тя лучшей мзды и славы:
Тѣ, кои оной тебя неправо лишаютъ,
Жалки, что пользу свою въ тебѣ презираютъ;
А ты не долженъ судить, судятъ ли тѣ здраво,
Иль самъ многимъ себя предпочтешь неправо?
Надъ всѣмъ же тому, кто родъ съ древняго начала
Ведетъ, зависть, какъ свиньѣ узда, не пристала,
Еще бъ можно извинить, если знатный тужитъ
Видя, что счастье во всемъ слѣпо тому служитъ,
Коего сколь теменъ родъ, столь нравы развратны,
Ни отечеству добры, ни людямъ пріятны:
Но когда противное видитъ въ человѣкѣ,
Веселиться долженъ онъ, что есть въ его вѣкѣ
Мужъ таковъ, кой добрыми родъ свой возвышаетъ
Дѣлами, и полезенъ всѣмъ быть начинаетъ.
Что жъ въ Дамонѣ, въ Трифонѣ и въ Туллiѣ гнусно,

Что, какъ награждаютъ ихъ, тебѣ на смерть грустно?
Благонравны тѣ, умны, вѣрность ихъ немала;
Слава наша съ трудовъ ихъ нѣчто воспріяла.
    Правда, въ царство Ольгино предковъ ихъ не знали,
Думнымъ и Намѣстникомъ дѣды не бывали,
И дворянства древностью считаться съ тобою
Имъ нельзя; да что съ того? Они вѣдь собою
Начинаютъ знатный родъ, какъ въ древніе вѣки
Твои предки, когда Русь стали крестить Греки.
И твой родъ не все таковъ былъ, какъ потомъ сталея,
Но первый съ предковъ твоихъ, кой дворянинъ звался,
Имѣлъ отца славою гораздо поуже,
Каковъ Трифонъ, Туллій былъ, или и похуже.
    Адамъ дворянъ не родилъ, но одному сыну
Жребій былъ копать садъ, пасть другому скотину;
Ной въ ковчегѣ съ собою спасъ все себѣ равныхъ
Простыхъ земледѣтелей, нравами лишь славныхъ:
Отъ нихъ мы произошли, одинъ поранѣе
Оставя дудку, соху; другой попозднѣе.

—

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ САТИРѢ ВТОРОЙ.

—

Намѣреніе сей Сатиры есть обличить тѣхъ дворянъ, которые, лишены будучи всякаго благонравія, однимъ благородіемъ тщеславятся, и сверхъ того завидуютъ всякому благополучію другихъ, кои чрезъ свои труды изъ подлости въ знатное достоинство происходятъ. Писана она мѣсяца два спустя послѣ первой, разговоромъ между Филаретомъ и Евгеніемъ, кои вымышленныя имена значатъ на Греческомъ Языкѣ, первое *любителя добродѣтели*, а другое *дворянина*.

Стихъ 2. *И глаза красны.* Отъ слезъ глаза̀ краснѣютъ такъ же, какъ и отъ безсонницы.

Ст. 3. *Какъ тотъ, что чинъ Патріаршъ достати.* Всѣмъ извѣстно высокомысліе бывшаго архіепископа Р***, который ничего такъ не желалъ, какъ быть главнѣйшимъ Церкви Россійской; а для полученія того чина много коней раздарилъ, которыхъ онъ имѣлъ изрядный заводъ.

Ст. 5. *Цугомъ ли запрещено ѣздить.* Въ Санктпетербургѣ цугомъ ѣздить отъ Императора Петра Великаго всѣмъ запрещено было, кромѣ придворныхъ.

Ст. 6. *Слугъ пеленать въ злато.* Украшать платье слугъ своихъ золотомъ. Узоры, коими обыкновенно платье ихъ выкладываютъ, много на пеленанье походятъ.

Ст. 7. *Вина ль дорогова.* Вина дорогія разумѣются венгерское, шампанское и бургонское, которыя подлинно въ Москвѣ дороги, и затѣмъ больше всѣхъ другихъ винъ въ почтеніи.

Ст. 9. *Обильство сыплетъ тебѣ дары полнымъ рогомъ.* Стихотворцы изображаютъ обильство или изобиліе въ лицѣ жены, которая держитъ въ рукѣ большой рогъ, и изъ него сыплетъ овощи, деньги, бисеры и прочія вещи.

Ст. 10. *Не претитъ*, вмѣсто не запрещаетъ, не мѣшаетъ.

Ст. 11. *Ужли твои уста косны стали.* Дивится Филаретъ Евгенію, который прежде съ природы былъ говорливъ, а теперь противно нраву своему молчитъ.

Ст. 16. *Дамонъ.* Имя вымышленное, какъ въ слѣдующемъ стихѣ Трифонъ и Туллій.

Ст. 17. *Лента дана*, то есть пожалована кавалерія, которыя на лентахъ носятся.

Ст. 22. *Какъ въ попахъ соборныхъ.* Соборныя церкви называются, у которыхъ нѣсколько поповъ служатъ. Рѣдко въ такихъ попахъ согласіе бываетъ, какъ то одного ремесла люди въ обществѣ безъ зависти пробыть не могутъ.

Ст. 31. *Ни какой польги.* Лучше бы было написать *ни какой пользы;* но здѣсь для риѳмы употреблено народное слово вмѣсто чистаго Русскаго.

Ст. 32. *Царство Ольги.* Ольга, жена Игоря, сына Рюрикова, перваго Россійскаго Самодержца. Она первая приняла Христіанскую вѣру, и распространила силы и славу Россійскаго Государства; почитается во святыхъ подъ именемъ Елены, которое ей дано въ крещеніи. Начала царствовать въ 950 лѣто по Рождествѣ Христовѣ. См. *Синопсисъ Россійской Исторіи*, стр. 37.

Ст. 38. *Думнаго, Намѣстника.* Думные бояре изстари тожъ были, что теперь тайные совѣтники. Намѣстниками назывался губернаторы. Имена сихъ чиновъ отмѣнилъ Императоръ Петръ Великій въ началѣ нынѣшняго вѣка.

Ст. 41. *Стѣны нашей залы.* Видно, что у отца сего дворянина въ залѣ по стѣнамъ расписаны были войны, въ которыхъ онъ присутствовалъ. Зала слово Французское, sale, *большая палата.*

Ст. 43. *Какъ рвали строй, какъ ломали валы,* то есть, какъ, побѣждая войска непріятельскія, брали города.

Ст. 49. *Выборна таскалася свита.* Выборные люди за нимъ слѣдовали.

Ст. 50. *Крестова.* Передняя горница такъ называлась, въ коей въ старину обыкновенно отправлялись молитвы утреннія и вечернія, и за тѣмъ вся восточная стѣна убрана была иконами и крестами; отчего принадлежащіе къ господскимъ домамъ попы *крестовыми попами* назывались.

Ст. 54. *Съ полными руками.* Съ подарками.

Ст. 60. *Кладъ богатый явился.* Многіе у насъ суевѣрно думаютъ, будто кладъ, то есть закопанныя въ землю сокровища, счастливымъ являются въ видѣ кошки, собаки и другихъ животныхъ, и гдѣ они покажутся, на томъ мѣстѣ копать должно землю въ надеждѣ богатой находки.

Ст. 66 и 67. *Лукавыхъ примѣты, лесть, похлѣбство.* Два порока, весьма свойственные лукавымъ людямъ, и по которымъ тотчасъ ихъ признать можно.

Ст. 69. *Благородство будучи заслугъ мзда.* Когда дворянство дается кому въ награжденіе заслуги, то оно весьма важно; въ противномъ случаѣ пустое и безплодное имя.

Ст. 70. *Много въ немъ пользы признаваю.* Много пользы государству, потому что такія награжденія и казнѣ не дорого становятся, и гораздо лучше ободряютъ людей къ похвальнымъ дѣламъ, не только для того, что дворянское имя, преходя отъ предковъ къ потомкамъ, представляетъ свидѣтельство награжденія за добрыя дѣла, но и для того, что во многихъ надежда богатствъ меньше дѣйствуетъ, нежели надежда чести и славы.

Ст. 77. *Но тщетно имя оно.* Оно, то есть благородіе, дворянство.

Ст. 80. *Грамота плѣснью и червями.* Грамота, которою честь дворянства предкамъ нашимъ пожалована или подтверждена, и за древностію уже червями и молью попорчена, хотя и свидѣтельствуетъ, что мы происходимъ отъ знатныхъ людей, но не показываетъ насъ быть благородными. Одна только собственная наша добродѣтель можетъ намъ присвоить благородіе.

Ст. 82. *Благородными явитъ одна добродѣтель.* Nobilitas sola est atque unica virtus. *Ювеналъ Сат. 8, ст.* 20.

Ст. 83. *Презрѣвъ покой, сносилъ ли ты.* Отъ сего стиха по 97 есть подражаніе Боаловой Сат. V, отъ стиха 44 по 54.

Montrez nous cette ardeur qu'on vit briller en eux?
Ce zèle pour l'honneur, cette horreur pour le vice?
Respectez vous les loix? fuyez vous l'injustice?
Savez vous pour la gloire oublier le repos?
Et dormir en plein champ le harnois sur le dos?
Je vous connois pour noble à ces illustres marques, etc.

Ст. 86. *Судъ судя, забылъ ли ты страсти.* Забылъ ли ты свои страсти, которыя часто право судить препятствуютъ.

Ст. 92. *Впредь воля и сила.* Ко всякому предпріятію одна воля не довольна, но нужна и сила: много мы хотимъ, а мало что́ можемъ.

Ст. 96. *Вѣришь ли, что всякъ человѣкъ тебѣ подобенъ.* Не предпочитаешь ли себя прочимъ людямъ? Думаешь ли, что они тебѣ подобны? Что ты ихъ не лучше, не безстрастнѣе; что они въ добродѣтеляхъ сравняться могутъ съ тобою, если не превосходятъ?

Ст. 98. *Гектору иль Ахиллу.* Ахиллесъ, сынъ Пелея и Ѳетиды, храбрый вождь греческій, будучи отъ отца съ войскомъ посланъ подъ Трою, показалъ отличную храбрость, убивъ Гектора, сына Пріама, царя троянскаго, а Еленина брата, за которую война начата, и спасши почти всѣхъ Грековъ отъ рукъ Троянскихъ. Гекторъ по Ахиллесѣ былъ первый въ мужествѣ на помянутой Троянской Войнѣ.

Ст. 99. *Іулій и Александръ.* Іулій Цесарь, первый римскій императоръ, сынъ Луція Цесаря и Авреліи, Коттовой дочери, въ 17-е лѣто своего возраста получилъ чинъ перваго жреца Юпитерова, и потомъ чрезъ многіе знатные чины въ консулы произшедъ, въ томъ чинѣ имѣлъ пять тріумфовъ. Побѣдивъ Помпея, своего непріятеля, диктаторомъ объявленъ, и силою получивъ въ Римѣ самовластное правленіе, въ сенатѣ внезапно убитъ 15-го марта 43 лѣта прежде Рождества Христова, живъ 56 лѣтъ. Александръ Великій, царь македонскій, сынъ Филиппа и Олимпіи, родился іюля 6, за 365 лѣтъ прежде Христа; въ Вавилонѣ отравленъ ядомъ въ 33-е лѣто своего возраста.

Ст. 102. *Не разнится съ царскимъ.* Разумѣется, съ царевымъ сыномъ.

Ст. 103. *Спросись хоть у Нейбуша.* Генералъ-маіоръ Нейбушъ, пріятель нашего стихотворца, былъ великій охотникъ до пива; впрочемъ честный человѣкъ и храбрый воинъ, къ которому онъ имѣлъ крайнее почтеніе.

Ст. 107. *Разнится потомкомъ быть и проч.* Одна добродѣтель можетъ показать насъ благородными, какъ выше сего упомянуто. Разность должно поставлять между истиннымъ благороднымъ и между тѣмъ, который отъ благородныхъ предковъ происходитъ; сего должно бы звать потомкомъ благородныхъ, а не благороднымъ.

Ст. 108. *Та же и въ свободныхъ. Свободный* тутъ значитъ *дворянина* или всякаго вольнаго человѣка, а не раба. Между такимъ вольнымъ человѣкомъ и рабомъ природа ни какой отмѣны не учинила въ сложеніи тѣла: та жъ кровь, тѣ жъ кости, та же плоть. И такъ ежели кто отъ раба или отъ черни отличаться желаетъ, тотъ долженъ отличиться добрыми дѣлами и поступками. Одно имя дворянское не можетъ прикрыть наши пороки; а самые пороки и худые нравы побуждаютъ умныхъ людей забывать, что мы происходимъ отъ славныхъ и благородныхъ родителей.

Ст. 110. *Буквы*, изъ которыхъ составлено титло князя, графа и прочихъ степеней дворянства.

Ст. 112. *Истребятъ вдругъ древнія въ умныхъ память славы.* По настоящему смыслу значитъ: вдругъ истребятъ въ умныхъ людяхъ память древнія славы. Чернь дивиться будетъ твоимъ титламъ, а умные люди, примѣчая твои непорядки, не только тебя презирать станутъ, но и совсѣмъ забудутъ древнюю славу твоего рода.

Ст. 113. *И чужихъ обнажена красныхъ перьевъ галка.* Въ одной изъ Езоповыхъ басень читаемъ, что галка, укравши разныхъ пригожихъ птицъ перья, ими украсилась; но какъ скоро сіи увѣдали о ея воровствѣ, тотчасъ на нее напали, и всякая, свои перья выщипавъ, смѣяться надъ нею стала. Таковъ дворянинъ безъ добродѣтелей, въ которомъ имя славное есть чужая прикраса.

Ст. 115. *Неправедно забыта бываетъ.* Стихотворецъ, показавъ, что имя благороднаго нимало не пользуетъ злонравному, приступаетъ уже къ доказательству, что и службы предковъ не могутъ такому потомку служить къ полученію почестей и достоинствъ. Для побужденія къ ревностной службѣ нужно, чтобъ потомки плодами трудовъ предковъ своихъ наслаждались; потому что когда образецъ милости и щедроты высшихъ къ кому видимъ, тогда ревнуемъ усердно, чтобъ могли и мы себѣ то же получить, и не можно инако оную въ насъ возбудить, какъ чрезъ награжденіе потомству того, кто онаго первый достоинъ показался. Къ тому же всякъ, разсуждая краткость жизни своей, не такъ бы прилежалъ къ пользѣ отечества, если бы награжденіе трудовъ не переходило въ наслѣдство; а любовь происшедшихъ своими трудами убѣждаетъ и самой своей жизни не щадить, чтобъ благополучіе чрезъ то получить могли. Все вышепомянутое тогда нужно, когда потомки въ благонравіи успѣваютъ, что нѣкогда могутъ быть полезны, и какъ обидно бы было лишать благонравныхъ потомковъ плода ихъ предковъ, такъ безразсудно бъ было потомкамъ всю надежду свою полагать на однѣ предковъ своихъ службы, и затѣмъ самимъ о себѣ не радѣть и коснѣть въ праздности.

Ст. 118, 119, 120. *Столбы сокрушатся* и проч. Не должно опираться на однѣ службы предковъ, которые не даютъ намъ ни какого права требовать себѣ новаго награжденія, пока сами своими трудами не заслужимъ того, чтобы тѣ, кои награждать насъ могутъ, вспомнили службы нашихъ предковъ.

Ст. 121 по 125. *Свѣтлой воды* и проч. Предки тебѣ трудами своими показали прямой путь къ чинамъ, къ богатству и славѣ; вольно тебѣ пользоваться ихъ трудомъ, но не можно, если не станешь самъ ты воздержаться отъ злыхъ нравовъ и не приложишь собственнаго труда къ твоему исправленію.

Ст. 125. *Ты самъ праотецъ твоихъ.* Смотри выше сего стихъ 32 по 46.

Ст. 126. *Та принадлежитъ и дѣламъ и нраву.* Предки твои достигли славу чрезъ свои добрые нравы и чрезъ свои дѣла.

Ст. 133. *Потрись на оселку, другъ*, и проч. Ты самъ призналъ, что предки твои пріобрѣли славу трудами своими и благонравіемъ, и для того разсмотри самъ свои дѣла, и суди, являешь ли ты въ себѣ такой знакъ благородной природы, и правильны ли твои жалобы, что тебя забываютъ въ углу, когда подлыхъ, но благонравныхъ въ чины производятъ. Извѣстно, что на оселку трутъ серебро и золото, чтобъ вызнать тѣхъ рудъ доброту.

Ст. 135. *Пѣлъ пѣтухъ* и проч. Сатирикъ начинаетъ Евгеніеву жизнь излѣдовать, чтобъ ему доказать, что ни какой заслуги, честнаго нрава и знанія въ себѣ не имѣетъ, и что потому достоинъ быть забытымъ.

Ст. 136. *Тогда войско выводили.* Ювеналъ въ Сатирѣ VIII подобное сему пишетъ: Si dormire incipis ortu Luciferi, quo signa duces & castra mouebant.

Ст. 142. *Пойла, что шлетъ Индія.* Кофе или шоколадъ. Лучшій кофе приходитъ изъ Аравіи, но и во всѣхъ Индіяхъ того фрукта довольно. Шоколадъ есть составъ изъ орѣха, какао называемаго, который родится въ Западной Индіи. Оный составъ варятъ въ водѣ или въ молокѣ, и пока варится, часто мѣшаютъ, чтобъ пить горячій съ пѣною, которое питье употребляютъ вмѣсто завтрака почти во всей Европѣ.

Ст. тотъ же. *Иль везутъ съ Китая,* то есть, чай. Всѣмъ извѣстно, что лучшій чай приходитъ изъ Китая, и что онаго вложивъ щепоть въ горячую воду, пріуготовляемъ съ сахаромъ пріятное питье.

Ст. 145. *Женскихъ достойную плечъ.* Евгеній спитъ до полудня, и послѣ проснувся тянется и нѣжится на постелѣ, пока отзавтракаетъ; а потомъ начинаетъ убирать свои волосы, и для того вскинетъ на плеча тонкую полотняную завѣску, которая въ то время обыкновенно вздѣвается, чтобъ платья или рубашки пудрою не запылить.

Ст. 146. *Волосъ съ волосомъ прибираешь къ чину.* Завиваешь кудри и прибираешь волосокъ къ волоску съ крайнимъ прилѣжаніемъ, чтобъ всѣ лежали красиво и порядочно.

Ст. 147. *Часть надъ лоскимъ лбомъ* и проч. Разумѣется тупей, завитые виски и пучокъ, который вкладывается назади въ кошелекъ.

Ст. 150. *Племя тебѣ подобныхъ.* Такому искусному убору волосъ твоихъ дивятся люди тебѣ подобные, которые всю свою славу въ убранствѣ почитаютъ. Умный человѣкъ презираетъ внѣшнюю, и объ одной внутренней красотѣ печется.

Ст. 151 и 152. *Ты самъ новый Нарциссъ жадно глотаешь очьми себя.* Тебѣ подобные дивятся твоему

убранству; да ты и самъ, какъ Нарциссъ, не можешь на себя наглядѣться, жадно себя въ зеркалѣ смотришь, и любуешься. Нарциссъ по баснословію древнихъ былъ столь пригожъ, что всѣ въ него влюблялись. Въ жаркіе лѣтніе дни увидѣвъ онъ тѣнь въ колодезѣ, самъ въ себя влюбился: но узнавъ, что собою своего желанія исполнить не можетъ, съ печали умеръ.

Ст. 153. *Потъ съ слуги валится.* Слуга, надѣвая тебѣ тѣсные башмаки, вспотѣлъ.

Ст. 154. *Въ двѣ мозоли и тебѣ.* Тѣсные башмаки часто дѣлаютъ мозоли; однако жъ щеголь готовъ и тою болѣзнію купить красу оную, чтобъ имѣть миленькую ножку.

Ст. 155. *Избитъ полъ* и проч. Чтобъ натянуть тѣсный башмакъ на ногу, нужно долго и сильно бить ногою въ полъ, и подмазывается тогда подошва башмака мѣломъ, чтобъ нога не скользила, и тѣмъ бы лучше опираться можно было.

Ст. 156. *Деревню вздѣнешь.* Вздѣнешь кафтанъ пребогатый, который сталъ тебѣ въ цѣлую деревню. Видали мы такихъ, которые деревни свои продавали, чтобъ себѣ сшить парадный кафтанъ.

Ст. 157. *Не столько стоитъ народъ.* Стихъ, взятый изъ Виргиліевой Энеиды книги I.

Tantae molis erat Romanam condere gentem.

Смотри тамъ, какіе были труды Энеевы, пока онъ прибылъ въ Италію и поселилъ своихъ людей. Не меньше были труды его наслѣдниковъ въ утвержденіи римскаго могущества.

Ст. 159. *Щогольства и моды. Мода* слово Французское *Mode;* значитъ обыкновеніе въ платьѣ и уборахъ и самыхъ нравахъ человѣческихъ.

Ст. 161 по 165. *Чтобъ лѣтамъ сходенъ былъ цвѣтъ* и проч. Щегольскія правила требуютъ, чтобъ краснаго цвѣту, а наипаче розоваго не употреблять тѣмъ, коимъ двадцать лѣтъ отъ роду минуло; также чтобъ не носить лѣтомъ бархату, а зимою тафты, или въ городѣ зеленаго платья, которое только въ полѣ прилично.

Ст. 170. *Фалды должны тверды быть.* По тогдашнему обыкновенію, когда Сатира сія писана, фалды у платья подшивали ситомъ, чтобъ твердо и прямо стояли.

Ст. 172. *Согнувъ кафтанъ, не были бъ станомъ всѣ покрыты.* То есть, чтобъ станъ былъ короче, нежели разстояніе между клиньями и подоломъ.

Ст. 178. *И Рексу.* Рексъ портной. Смотри примѣчаніе о немъ подъ стихомъ 26-мъ Сатиры I.

Ст. 179. *Въ обѣдъ и на ужинѣ.* Филаретъ, описавъ всѣ уборы Евгеніевы, въ коихъ онъ препровождаетъ время до полудни, исчисляетъ прочіе его пороки, и во первыхъ пьянство; ибо у пьяныхъ часто свѣча въ глазахъ двоится, и полъ кажется, будто подъ ногами вертится.

Ст. 187. *Вздутымъ поднятъ пузыремъ.* Пока Евгеній пьетъ и обжирается, по тѣхъ поръ толпа льстецовъ выхваляютъ въ немъ для своей корысти то, чего самымъ дѣломъ въ немъ не находятъ; а онъ имъ вѣритъ, и тѣмъ гордясь думаетъ, что прочіе люди съ нимъ сравниться не могутъ. Извѣстно, что тѣ, которые плавать учатся, подвязываютъ себѣ пузыри для легкости въ плаваніи.

Ст. 188. *Оглянись намѣстниковъ.* Выше сего Евгеній сказывалъ, что изъ его предковъ никто не былъ ниже думнаго боярина, или намѣстника; и

для того Филаретъ насмѣшкою называетъ его чистымъ сѣменемъ царскихъ намѣстниковъ.

Ст. 193. *То время.* То есть, въ которое ласкатели твои уже и въ глаза тебѣ станутъ смѣяться.

Ст. 194. *Пестрыхъ пучки бумагъ.* То есть карты, въ которые во всю жизнь твою играешь.

Ст. 196. *Деревня со скотомъ.* Промоталъ ты уже цѣлую деревню, которую купилъ у тебя человѣкъ незнатный, кузнецъ, но человѣкъ умный, бережный, прилѣжный.

Ст. 200. *Приложился сильный жаръ.* Безпрестанную игру и невоздержность въ похотяхъ уподобляетъ Сатирикъ двумъ болѣзнямъ, жару и поносу, и въ самомъ дѣлѣ пороки суть душевныя болѣзни.

Ст. 201. *Часто любишь опирать.* Подъ симъ стихомъ разумѣется невоздержная страсть къ неумѣренной любви.

Ст. 203. *Но тѣ, кои на стѣнахъ.* Сіи рѣчи Филаретовы надлежать къ стиху 41-му, гдѣ Евгеній упоминалъ о залѣ своихъ палатъ. «Хвалишься,» говоритъ ему Филаретъ, «старымъ родомъ и заслугами предковъ, а самъ не только во всякихъ порокахъ обращаешься, но и всякаго приличнаго знанія и искусства тебѣ не достаетъ, а первое, что и читать не умѣешь.»

Ст. 205. *И помочь чужая нужна, чтобъ знать.* Буде читать Евгеній не умѣетъ, то еще больше неискусенъ въ военныхъ наукахъ.

Ст. 206. *Черту что копая.* То есть *шанцы.* Когда приступъ чинится къ городу, тогда войско осаждающее, для безопаснѣйшаго приближенія къ стѣнамъ, копаетъ прямые рвы, въ которые врывается идучи, и кидая землю противъ стѣнъ, чтобъ тою защищаться отъ городовой стрѣльбы.

Ст. 208. *Гдѣ стѣны часть одна помалу.* Гдѣ стѣна городовая разбита отъ стрѣльбы, или подорвана подкопомъ.

Ст. 212. *Спомочникъ.* Вмѣсто помочь.

Ст. 213. *Рѣдкимъ полкамъ.* Рѣдкимъ за множествомъ убитыхъ на сраженіи.

Ст. 213 и 214. *Гдѣ уже превосходны силы.* Обыкновенно непріятель, чрезъ всякіе способы развѣдавъ о состояніи войска, съ которымъ въ бой вступить должно, наступаетъ съ той стороны, которая слабѣе, и для того искусный военачальникъ иногда предъ самымъ боемъ отмѣняетъ расположеніе полковъ, и тѣмъ приводитъ въ смятеніе непріятеля, который, думая напасть на слабый полкъ, часто въ томъ обманывается.

Ст. 215. *Много вышнихъ требуетъ.* Дворянству приличны три рода службы: военная, судейская и придворная; во всѣхъ тѣхъ къ исправленію должности своей, наипаче въ высшихъ степеняхъ, требуется много разныхъ знаній и искусствъ. То самое Филаретъ начинаетъ изъяснять Евгенію, однакожъ не долженъ читатель искать въ забавныхъ стишкахъ подробнаго наставленія всѣхъ тѣхъ знаній, которыя искуснѣйшіе писатели пространно описываютъ.

Ст. 216 и 217. *И входъ и исходы и мѣсто.* Искусный военачальникъ прежде сраженія прилѣжно разсматриваетъ не только какъ бой начать, и какъ мѣсто занять удобнѣйшее, но и какъ оной окончать, наипаче ежели случится неудача, чтобы по меньшей мѣрѣ оставшихся людей спасти. Расположеніе войска въ ордеръ баталіи должно быть главнѣйшее попеченіе военачальника, потому что обыкновенно отъ того зависитъ счастіе и несчастіе сраженія.

Ст. 218 и 219. *Лишней безопасности.* Множество примѣровъ въ исторіяхъ находимъ, что излишняя безопасность была пагубна и самымъ побѣдоноснымъ войскамъ, и для того не должно спускать съ глазъ непріятеля, но надлежитъ всегда за нимъ примѣчать и развѣдывать о его намѣреніи и движеніяхъ, какъ чрезъ партіи, такъ и чрезъ переметчиковъ. Цесарскій генералъ-фельдмаршалъ Принцъ Евгеній Савойскій ни денегъ ни трудовъ въ томъ не жалѣлъ, и всегда отъ того получалъ великую пользу.

Ст. 221. *О обильности въ своемъ таборѣ печется.* Безъ пищи сила воиновъ ослабѣваетъ, и часто хлѣба недостатокъ производитъ недовольство, жалобы и роптаніе; сверхъ того военачальникъ долженъ солдатъ почитать за дѣтей своихъ, и не допускать ихъ лишаться потребнаго не къ прохладному, но къ нужному пропитанію; ибо недостатокъ припасовъ причиною бываетъ сдачи городовъ и войскъ цѣлыхъ.

Ст. 222 и 223. *Любовь ему предпочтется войска.* Весьма нужно военачальникамъ содержать войско и подчиненныхъ себѣ нижнихъ командировъ въ нѣкоемъ приличномъ къ себѣ почтеніи и страхѣ, чтобы безстрашіе не привело ихъ въ своевольство; но притомъ не меньше должепъ заслужить къ себѣ ихъ и любовь. Кого боятся только, а не любятъ, то подлинно уже ненавидять, и воинскія сердца подъ предводительствомъ такого военачальника не только ослабѣваютъ, но иногда нарочно они славу свою презираютъ, чтобъ тѣмъ унизить могли честь своего предводителя.

Ст. 224. *Отцемъ невинный народъ.* Война производится противъ вооруженнаго непріятеля, и по-

тому всякое озлобленіе безоружнаго невиннаго народа, каковы въ селахъ крестьяне, мѣщане въ городахъ, не согласуется съ правами военными и человѣколюбію противно. Многіе военачальники такой народъ утѣсняютъ, грабятъ и мучатъ, чтобъ ихъ бѣдными пожитками обогатиться. Такіе о пользѣ отечества своего мало пекутся; ибо извѣстно, что милость къ побѣжденнымъ ихъ сердца всего легче къ побѣдителю склоняетъ. Скорѣе завоюетъ землю тотъ, кто съ жителями ласково поступаетъ, нежели кто рубитъ и жжетъ безъ разбора и безъ милости.

Ст. 235. *Какъ тебѣ вѣрить корабль.* Слѣдуетъ уже разсужденіе о должностяхъ мореплавателей и морскихъ начальниковъ.

Ст. 237. *Гладкихъ испугался ты водъ.* Гладкихъ водъ, то есть тихой погоды.

Ст. 239. *Мѣдное сердце.* Жестокое, отважное и неустрашимое сердце противъ всякой опасности. Хотя и сухопутная военная служба трудовъ и бѣдствій исполнена, однакожъ гораздо больше морская, поелику на сухомъ пути воюемъ съ однимъ непріятелемъ, а на морѣ съ непріятелемъ, вѣтрами и водою.

Ст. 240. *Одна отдѣляетъ отъ нее доска.* Подражаніе слѣдующихъ Ювеналовыхъ стиховъ Сатиры его XII.

I nunc, et ventis animam committe, dolato
Confisus ligno, digitis a morte remotus
Quatuor, aut septem, si sit latissima taeda.

Ст. 242. *Твоя душа требуетъ* и проч. Мореплаватели на четыре пальца только отъ смерти отстоятъ, а твоя трусливая душа требуетъ гораздо бòльшаго отъ смерти разстоянія.

Ст. 247. *Съ самаго укрѣпленныхъ дѣтства.* Труды морской службы столь велики, что въ самомъ дѣлѣ должно съ самаго младенчества къ онымъ привыкать, чтобъ могли казаться сносны. Извѣстно и то, что во время движенія корабля сердце мутится у тѣхъ, кои съ молодыхъ лѣтъ не пріобыкли къ мореплаванію.

Ст. 252. *Лучами своими* и проч. по стихъ 255. Для управленія корабельнаго пути на морѣ два способа: наблюденіе свѣтилъ небесныхъ и компасъ; помощію оныхъ познаваемъ мѣсто, гдѣ корабль находится, а на компасѣ показывается востокъ, западъ, югъ и сѣверъ. Въ срединѣ его укрѣплена спичка мѣдная, а на ней поставлена магнитная стрѣлка такимъ образомъ, что на той спичкѣ оная свободно лежать и оборачиваться можетъ. Магнитъ такую силу въ себѣ имѣетъ, что одинъ конецъ стрѣлки склоняется всегда къ сѣверу, а другой къ полудню.

Ст. 261. *Надъ нимъ занять вѣтръ способный.* Немалая важность въ томъ состоитъ, чтобъ во время морской баталіи забраться подъ вѣтеръ такимъ образомъ, чтобъ съ нашего корабля дулъ на непріятельскій.

Ст. 265. *Трубка и компасъ.* Трубка зрительная, которою наблюдаются звѣзды и прочія свѣтила небесныя. Многіе еще и другіе астрономическіе инструменты употребляются на морѣ, которые въ одной трубкѣ стихотворецъ заключаетъ.

Ст. 266. *За краснымъ судить сукномъ.* Стихотворецъ начинаетъ изслѣдовать должности судей и правителей гражданскихъ.

Ст. 268. *И рѣчиста деньга.* Деньга всякаго довода сильнѣе у лакомыхъ судей, и для того *рѣ-*

чистою названа; сильны онѣ ко всему склонить и привесть своего любителя.

Ст. 283. *Указы Петровы.* Должно разумѣть узаконенія Государя Императора Петра Великаго, отъ которыхъ народъ получилъ столь великую пользу. Извѣстно, что Его Величество почти собственными трудами издалъ Военный и Сухопутный Уставъ; гражданскій старый, подъ титуломъ Уложенія, многими приличными указами пополнилъ, также сочинилъ и Духовный Регламентъ, по которому Синодъ церковныя дѣла правитъ.

Ст. 290. *Что махнулъ рукою вмѣсто правой лѣвою.* То есть, чего и въ вину причесть не можно, за то бьешь слугу до крови. Весьма обличенія достойна такая суровость господъ къ служителямъ, поелику и съ виновными поступать должно съ милостію, и сколько можно отъ тѣлеснаго наказанія удерживаться; а когда уже того нужда необходимо требуетъ, то надлежитъ имѣть умѣренность, съ такимъ разсужденіемъ, чтобъ наказуемаго исправить, и его примѣромъ другихъ отвратить отъ непорядочныхъ поступокъ, а не ради насыщенія склонности своей къ озлобленію человѣка, который противъ насъ обороны не имѣетъ.

Ст. 299. *Арабскаго языка.* Судья, украшенный различными добродѣтелями, не только долженъ разумѣть натуральныя права, но и гражданскіе уставы, чтобъ надъ бѣдными, а наипаче надъ слугою своимъ безчеловѣчія не оказать; ибо судья лакомый до денегъ въ знаніяхъ судейскому чину приличныхъ столь неискусенъ, что и самыя рѣчи *право* и *законъ* кажутся ему арабскими словами.

Ст. 301. *Если въ тѣ чины не гожъ.* Филаретъ, доказывая Евгенію его пороки, для которыхъ онъ

ни въ какіе чины произведенъ быть не достоинъ, представляетъ ему, что придворная служба знаній, до мореплавателей и сухопутныхъ служителей касающихся, не требуетъ; а что *Клитъ* (вымышленное лицо) въ каммергеры произведенъ, то ему не кстати, когда онъ добрыхъ свойствъ и искусства, придворнымъ людямъ потребнаго, не имѣетъ. Дворянское имя и богатство не довольны къ тому, чтобъ жить при Дворѣ, но надлежитъ снискать благоразуміемъ милость отъ высшихъ, отъ равныхъ любовь, и отъ подчиненныхъ почтеніе.

Ст. 302. *Ключъ золотой.* Подъ симъ разумѣются не одни каммергеры, но и всякое придворное достоинство.

Ст. 304. *Изъ нашего круга.* Намъ подобнаго.

Ст. 305. *Клита въ постелѣ* и проч. Клитъ получилъ такой чинъ, который съ состояніемъ и достоинствомъ его сходствуетъ; а ты, препровождая жизнь свою въ лѣности и роскоши, не ходишь такъ, какъ онъ, на поклонъ къ знатнымъ людямъ, не кланяешься всякому, и не умѣешь таить своихъ намѣреній или льстить и проч. Онъ хотя и счастливъ, но счастливыхъ себѣ въ образецъ брать не должно.

Ст. 309. *Слова точно мѣритъ.* То есть, говоритъ смотря по времени и по лицу.

Ст. 310. *Никому почти онъ не вѣритъ.* Не всякому довѣряетъ, затѣмъ что легковѣрный скоро обмануться можетъ.

Ст. 311. *Новыхъ людей.* Изъ простыхъ въ знатные чины происшедшихъ.

Ст. 314. *Идучи упрямо въ цѣль.* Клитъ, ничего не жалѣя, старается токмо о исполненіи своего желанія, и ни что̀ его отъ намѣренія отвратить не мо-

жетъ; а такую терпѣливость имѣющіе люди рѣдко къ настоящему концу не достигаютъ.

Ст. 315. *Иныхъ свойствъ не требуетъ.* Каждаго собственное счастіе всѣ прочіе недостатки награждаетъ.

Ст. 316. *А у Клита безъ того.* Кто желаетъ служить при Дворѣ, тотъ, не имѣя особливаго въ томъ счастія, искусствомъ и знаніемъ своимъ оное наградить долженъ; а Клиту подражать надлежитъ только въ приличнѣйшихъ ему поступкахъ, которые ниже сего изъяснены будутъ.

Ст. 318. *Чтобъ крылья къ солнцу подшедъ.* Дедалъ, Аѳинянинъ, изобрѣтатель многихъ дивныхъ механическихъ орудій, заключенъ бывъ съ сыномъ своимъ, Икаромъ, въ лабиринтѣ на островѣ Критѣ, придѣлалъ себѣ и сыну крылья изъ перьевъ и воску, и помощію оныхъ оттуда вылетѣлъ. Когда Икаръ весьма высоко на воздухъ поднялся, то воскъ отъ солнечнаго зноя растопился, и онъ палъ въ Эгейское Море, которое потому названо *Икарскимъ.* Въ сей баснѣ Сатирикъ уподобляетъ государя солнцу. Придворные почти всегда близъ его, и для того стеречься должны, чтобъ чрезмѣрно возвышаясь, какъ Икаръ, не растопились ихъ крылья, и рокъ ихъ не постигнулъ.

Ст. 319. *Короткій языкъ.* То есть, должно въ словахъ наблюдать такую умѣренность, какую Клитъ имѣетъ, и чтобъ притомъ лицо печальнымъ и радостнымъ свободно казаться могло, примѣняясь къ лицу тѣхъ, съ коими находимся. Такое беззлобное притворство нравоучители добродѣтелью почитаютъ, и называютъ, по Латыни *Simulatio* и *Dissimulatio.*

Ст. 322. *Честнѣе будетъ онъ другъ.* Клитъ ко всѣмъ пріятенъ является и льститъ, въ чемъ ему

подражать также не худо; но гораздо лучше самымъ дѣломъ всякому нелицепріятное дружество оказывать.

Ст. 326. *Но и кто правду молчитъ. Правда глаза колетъ*, по пословицѣ, и для того часто прилично правду умалчивать, однако оную ложью скрывать не должно, то есть, хотя правды не объявлять и можно, но отлыгаться не надлежитъ.

Ст. 331. *Ползать не совѣтую.* Не совѣтую подражать Клиту въ снисканіи милости высокихъ персонъ, или дружбы равныхъ всякими подлыми поступками, но весьма не похвальна гордость; чего ради надлежитъ имѣть и въ томъ умѣренность, то есть, быть кроткимъ, учтивымъ и услужливымъ.

Ст. 332. *Искать опасаюсь.* Всѣхъ предписанныхъ придворному нужныхъ свойствъ въ тебѣ искать опасаюсь, для того, что знаю, что въ тебѣ оныхъ не находится.

Ст. 337. *Пороковъ, кои теперь.* Пороки, недостатки, грубость и злонравіе твое, которые теперь закрыты въ твоей незнатности, послѣ во весь свѣтъ наружу выйдутъ, когда ты произойдешь въ высокій чинъ, потому что весь народъ на высокихъ особъ зоркіе глаза наводитъ.

Ст. 339. *Не поблѣднѣвъ исходитъ.* То есть *безъ страху исходитъ*, потому что блѣдность есть знакъ боязни.

Ст. 356. *Полезенъ всѣмъ быть начинаетъ.* Добродѣтельный человѣкъ въ приватномъ состояніи немногимъ полезенъ быть можетъ, а когда произведенъ будетъ въ знатное достоинство, то рѣдко кто доброты его не искуситъ.

Ст. 357. *Въ Дамонѣ, въ Трифонѣ и въ Тулліѣ.* Смотри примѣчаніе подъ стихомъ 16-мъ.

Ст. 360. *Слава наша съ трудовъ ихъ.* То есть, слава наша отъ ихъ трудовъ нѣсколько возрасла, и ихъ труды къ возвышенію славы нашего отечества отчасти способствовали.

Ст. 361. *Въ царство Ольгино.* Смотри примѣчаніе подъ стихомъ 32-мъ и 38-мъ.

Ст. 366. *Когда Русь стали крестить Греки.* Россійскій народъ, по свидѣтельству Несторову, началъ приходить въ Христіанскую вѣру въ царство Ольгино въ 955-е лѣто послѣ Рождества Христова.

Ст. 371 и 372. *Одному сыну жребій былъ копать садъ, пасть другому скотину.* Каинъ, Адамовъ сынъ, былъ земледѣлецъ, а Авель пастухъ.

Ст. 376. *Оставя дудку, соху.* Оставя паству и земледѣліе: дудку обыкновенно пастухи употребляютъ, а соху земледѣльцы для паханія нивы.

САТИРА III.

КЪ ѲЕОФАНУ

АРХІЕПИСКОПУ НОВГОРОДСКОМУ.

Дивный Первосвященникъ, которому сила
Высшей Мудрости свои тайны всѣ открыла,
И всѣ твари, что міръ сей отъ вѣкъ наполняютъ,
Показала, изъяснивъ, отъ чего бываютъ,
Ѳеофанъ, которому все то далось знати,
Здрава человѣка умъ что̀ можетъ поняти!
Скажи мнѣ, можешь бо ты, всѣмъ всякаго рода
Людямъ, давши тѣло тожъ и въ немъ духъ, природа,
Она ли имъ разныя надѣлила страсти,
Которыя одолѣть уже не въ ихъ власти,
Или другой ключъ тому ручью искать нужно?
На Хрисиппа первый взглядъ вскинь, буде досужно:
Хрисиппъ, хо̀ть грязь по уши, хоть небо блистаетъ
Огнями, и рѣки льетъ, Москву обѣгаетъ
Днемъ трожды изъ краю въ край; съ торгу всѣхъ позднѣе,
Вчерашній часто обѣдъ кончаетъ скорѣе,
Чѣмъ въ приходской праздникъ попъ отпоетъ молебенъ.

Сонъ, отрада твари всей, ему не потребенъ,
По вся утра тороппивъ, не только съ постели,
Но выходитъ со двора, пѣтухи не пѣли;
Когда въ чемъ барышъ достать надежда какая,
И саму жизнь не щадитъ. Не давно съ Китая
Прибывъ, тотчасъ онъ спѣшитъ и въ другой
край свѣта;
Сбирается, не смотря ни на свои лѣта,
Ни на злобу воздуха въ осеннюю пору;
Презираетъ водъ морскихъ то бездну, то гору,
Сѣдъ, беззубъ и весь ужъ дряхлъ на корабль
садится,
Не себя какъ уберечь, но товаръ, крушится.
Торгуетъ ли что Хрисиппъ? Больше проливаетъ
Слезъ и поклоновъ кладетъ, нежъ денегъ считаетъ.
Когда продаетъ, божбы дешевле товару;
Хоть всю Москву исходи, другаго подъ пару
Нѣтъ, кто бъ въ четверти дѣлилъ искуснѣй ось-
мушку,
У аршина умѣрялъ вершокъ, въ ведрѣ крушку.
Весь вечеръ Хрисиппъ безъ свѣчъ, зиму всю
колѣетъ,
Жалѣя дровъ, безъ слуги обойтись умѣетъ
Часто въ домѣ; носитъ двѣ рубашку недѣли,
А простыни и совсѣмъ гніютъ на постели.
Одинъ кафтанъ, на коемъ ужъ ворса избита
Нитъ голу оставила, и та ужъ пробита;
А кушанье подано коли на двухъ блюдахъ,
Кричитъ: куды мотовство завелося въ людяхъ.
За излишество Хриссипъ пищи суетится,
Собирая, чѣмъ бы жить, что за нимъ тащится

Дряхла жена и дѣтей куча малолѣтныхъ,
Что тѣ суть его трудовъ причина примѣтныхъ.
Да не то: ужъ сундуки мѣшковъ не вмѣщаютъ,
И въ нихъ уже ржавыя почти истлѣваютъ
Деньги; а всей у него родни за душою
Одинъ лишъ внукъ, да и тотъ гораздо собою
Не убогъ, дѣда хотя убожѣе вдвое.
Скупость, скупость Хрисиппа мучитъ, не иное;
И прячетъ онъ и копитъ денежныя тучи.
Думая, что изъ большой пріятно брать кучи.
Но если изъ малой я своей получаю,
Сколько нужно, для чего большую, не знаю,
Предпочитаетъ? Тому подобенъ мнѣ мнится
Хрисиппъ, кто за чашею одною тащится
Воды на пространную рѣку, хотя можетъ
Въ ручейкѣ чисту достать. Что ему поможетъ
Излишность, когда рѣка, берегъ подъ ногами
Подмывъ, съ пескомъ и его покроетъ струями.
Клеархъ сребролюбія и тѣни боится,
Весь отъ головы до пятъ въ золотѣ онъ снится;
Домъ огромный въ городѣ, домъ и за Москвою,
Оба преукрашены щедрою рукою;
Столъ пространный, весь приборъ царскому подобенъ,
Чрезъ толпу слугъ золотомъ облитыхъ удобенъ
Къ нему доступъ и льстецамъ и игрокамъ гнуснымъ,
Дающимъ поводъ страстей къ затѣямъ искуснымъ.
Негодницъ онъ полною горстью осыпаетъ.
И новы къ сластямъ тропы себѣ прочищаетъ
Всечасно, о томъ одномъ ночь, день суетится.

Кому быть богатѣе Крезуса возмнится,
Тому деньги достаютъ дни лишь на четыре,
Хотя доходы его моихъ не пошире,
Прочее жъ въ долгъ набрано обманомъ, слезами,
Клятвами и всякими подлыми дѣлами.
Растетъ долгъ, и къ росту ростъ на всякъ день копится,
Пока Клеархъ нашъ весь голъ въ тюрьмѣ очутится,
Заимодавцамъ своимъ оставя въ награду
Скучну надежду, суму, слезы и досаду.
Два три плутца, раззоривъ многихъ, разжирѣли,
Что и бѣлокъ и желтокъ высосать умѣли.
Съ зарею вставши, Менандръ вездѣ побываетъ,
Развѣситъ уши вездѣ, вездѣ примѣчаетъ,
Что въ домахъ, что въ улицѣ, въ дворѣ и въ приказѣ
Говорятъ и дѣлаютъ. О всякомъ указѣ,
Вновь выданномъ, о всякой перемѣнѣ чина
Онъ извѣстенъ прежде всѣхъ; такъ всему причина,
Какъ Отче Нашъ наизустъ. Три дни брюху дани
Лучше не дастъ, нежъ не знать, что привезъ съ Гиляни
Вчера прибывшій гонецъ, гдѣ кто съ кѣмъ подрался,
Сватается кто на комъ, гдѣ кто проигрался,
Кто за кѣмъ волочится, кто выѣхалъ, въѣхалъ,
У кого родился сынъ, кто на тотъ свѣтъ съѣхалъ.
О, когда бъ дворяне такъ наши свои знали
Дѣла, какъ чужіе онъ, не столько бъ ихъ крали

Дворецкій съ прикащикомъ, и жирнѣе бъ жили,
И должниковъ за собой толпы бъ не водили.
Когда же Менандръ новизнь наберетъ нескудно,
Недавно то влитое ново вино въ судно
Кипитъ, бродитъ, обручъ рветъ, доски расширяетъ,
И выбивъ втулку, быстро устьемъ вытекаетъ.
Встрѣтитъ ли тебя, тотчасъ въ уши вѣстей съ двѣсти
Нажужжитъ, и поймалъ тѣ изъ вѣрныхъ рукъ вѣсти,
И тебѣ съ любви своей оны сообщаетъ,
Прося держать про себя. Составитъ онъ знаетъ
Мнѣнію окружности своему прилично;
Рѣдко двумъ ту жъ вѣдомость скажетъ однолично,
И самъ своей наконецъ повѣритъ онъ бредни,
Ежели прійдетъ къ нему изъ знатной передни.
Сказавъ, тебя какъ судья бѣжитъ осторожный
Просителя, у кого карманъ ужъ порожный,
Имѣя многимъ еще въ городѣ наскучить.
Искусенъ и безъ вѣстей голову распучить
Тебѣ Лонгинъ; стерегись, стерегись сосѣдомъ
Лонгина не завтракавъ имѣть за обѣдомъ.
Отъ жены, дѣтей своихъ долгое посольство
Отправитъ тебѣ, потомъ свое недовольство
Явитъ, что ты у него давно не бываешь,
Хоть больну быть новыми зубами дочь знаешь.
Четвертый уже зубокъ въ деснахъ показался;
Ночь всю и день плачется; жаръ вчера унялся.
Другую замужъ даетъ, женихъ знатенъ родомъ,
Богатъ, красивъ, и жены старѣе лишь годомъ.

Приданое дочерне опишетъ подробно,
Прочтетъ рядную всю сплошь, и всяку особно
Истолкуетъ въ ней статью. Сынъ меньшой, недавно
Начавъ азбуку, теперь чтетъ склады исправно.
Въ деревнѣ своей копать началъ онъ прудъ новый,
Тому, изъ кармана планъ выташа готовый,
Тотъ же часъ подъ носъ тебѣ разсмотрѣть положитъ,
Иль на ту стать ножики и вилки разложитъ.
Сочтетъ, сколько въ ней земли, что беретъ оброку,
Къ какому всякъ у него спѣетъ овощъ сроку,
И владѣльцевъ всѣхъ ея другъ за другомъ точно
Отъ потопа самаго, и какъ она прочно
Изъ руки въ руку къ нему дошла съ приговору
Судей, положа конецъ долгу съ дядей спору.
Милуетъ же тебя Богъ, буде онъ осаду
Азовску еще къ тому не прилѣпитъ сряду;
Рѣдко минуетъ ее, и день нуженъ цѣлый
Выслушать всю повѣсть ту. Полководецъ зрѣлый
Много онъ тамъ почудилъ, всегда готовъ къ дѣлу,
Всегда пагубенъ врагу. Тутъ-то ужъ безъ мѣлу,
Безъ верви кроить обыкъ, безъ аршина враки;
Правды гдѣ, гдѣ крошечны увидишь ты знаки.
Да гдѣ все то описать, что̀ онъ въ столъ нaскажетъ?
Не столько зеренъ, что̀ въ снопахъ мужикъ въ день навяжетъ,
Не столько купецъ божбы учинитъ въ продажѣ

Товаровъ чрезъ цѣлый годъ, и не столько въ кражѣ
Разъ пойманъ, давши судьѣ цѣловальникъ плату,
Коей очистить себя и казенну трату.
Весь въ пѣнѣ, въ поту, унять устъ своихъ не знаетъ,
Не смѣетъ плюнуть, сморкнуть, и тогда онъ чаетъ,
Что весь ухо, языка во рту не имѣешь;
Говорить тебѣ не дастъ; хоть дастъ, не успѣешь.
Варламъ смиренъ, молчаливъ, какъ въ палату войдетъ,
Всѣмъ низко поклонится, ко всякому подойдетъ,
Въ уголъ спрятавшись, потомъ глаза въ землю втупитъ;
Чуть слышно, что говоритъ; чуть, какъ ходитъ, ступитъ.
Чотки завсегда въ рукахъ, на всякое слово
Страшное имя Христа во устахъ готово.
Молебны пѣть, и свѣчи класть склоненъ безъ мѣры,
И превосходство сто разъ выхваляетъ вѣры
Тѣхъ, кои церковную славу расширили,
И великолѣпенъ храмъ Богу соружили;
Души-де ихъ подлинно будутъ наслаждаться
Вѣчныхъ благъ. Слово къ чему, можешь догадаться;
О доходахъ говорить церковныхъ склоняетъ;
Кто далъ, чѣмъ жирѣетъ онъ, того похваляетъ,
Другое всяко не столь дѣло годно Богу;
Тѣмъ однимъ легку сыскать можемъ въ рай дорогу.

Когда въ гостяхъ за столомъ и мясо противно,
И вина не хочетъ пить; да то и не дивно,
Дома съѣлъ ужъ каплуна, и на жиръ и сало
Бутылки Венгерскаго съ нуждой запить стало.
Жалки ему въ похотяхъ погибшіе люди,
Но изъ подлобья нялитъ глазъ на круглы груди,
И женѣ бы я своей заказалъ съ нимъ знаться.
Завсегда совѣтуетъ гнѣва удаляться,
И досады забывать; но ищетъ въ прахъ стерти
Тайно недруга; не дастъ покою по смерти;
Всевидца Творца бѣднякъ мнитъ привесть въ обманство,
Кой зритъ людей правоту и зло окаянство.
Фока утро все торчитъ у знатныхъ въ передней,
И гнетъ шею, и даритъ, и какъ бы послѣдней
Слуга низится за тѣмъ, чтобъ чрезъ свою службу
Неусыпную достать себѣ знатныхъ дружбу.
И народъ бы говорили: вотъ какъ почитаютъ
Господа Фоку, шепчутъ съ нимъ, съ собой сажаютъ.
Застроилъ огромный домъ, который оставитъ
Дѣтей его по міру; даромъ тотъ доставитъ
Ему имя тщиваго при позднемъ потомствѣ.
Съ родословными писцы, съ творцами въ знакомствѣ,
Сыплетъ онъ ихъ деньгами, чтобъ тѣ лишь писали
Въ славу его. Кто сочтетъ, во что ему стали
Тетради, что подъ его именемъ не давно
Изданы? Услышавъ онъ, что гораздо славно
Ранами военными имѣть полно тѣло,
Носъ разбить, и грудь себѣ расчертить снесъ смѣло.

Такъ шалѣетъ, чтобъ вовѣкъ не лишиться славы,
Когда къ ней одни ведутъ лишь добрые нравы.
Гликонъ честности въ другихъ отнюдъ не находитъ;
Пріятенъ ли кто ко всѣмъ, святу ль жизнь кто водитъ,
Ученъ ли кто своему въ красу цвѣтетъ роду,
Далъ ли кто власть надъ огнемъ, иль укрощать воду,
Побѣждены ль кѣмъ враги сильны и отважны,
Къ пользѣ ли кто общества ввелъ законы важны;
Все то ничто. О себѣ Гликонъ ужъ противно
Разсуждаетъ, всякое слово его дивно,
Всѣ поступки образцы; что въ умъ ему вспало,
Не оспоритъ вовѣки; дивится не мало,
Что главно правленіе всего государства
Царь давно не далъ ему во знакъ благодарства.
Въ умъ свой не можетъ вмѣстить, что не всѣ вздыхаютъ
Дѣвицы по немъ, кои любви сладость знаютъ.
Собою наполненъ весь, себя лишь чтить смыслитъ,
По своимъ годамъ починъ счастья людей числитъ,
Чая, что смысленна тварь глазъ, ухо имѣетъ
Для того, чтобъ дивиться тому, что онъ дѣетъ,
И слушать, что говоритъ; а то бы и дѣла
Не осталось нашего тѣмъ двумъ частямъ тѣла.
Клитесъ отважнѣй чернцовъ суетъ мірскихъ бремя.
Презирая, все живетъ безпечаленъ время.
Глаза красны, весь распухъ, изъ устъ смердитъ стервой,

Въ полгода достатокъ весь онъ лишь тратитъ первой,
Когда примется за что, дрожатъ руки, ноги,
Какъ подъ брюхатымъ дьякомъ однокольны дроги.
Нищъ, дряхлъ, презрѣнъ, лучшему счастью не завидитъ,
Когда полну скляницу въ рукахъ своихъ видитъ,
И сколь подобенъ скоту больше становится
Безсмысленну, столько онъ больше веселится.
Въ палату вшедши Ирканъ, гдѣ много народу,
Раздвинетъ всѣхъ, какъ корабль плывущъ сѣчетъ воду,
И хоть бы зналъ, что много злата съ плечъ убудетъ,
Нужно продраться впередъ; позади не будетъ.
Садится ли гдѣ за столъ, то тò, то другое
Блюдо предъ себя подать велитъ, снять иное;
Приходятъ изъ его рукъ съ здоровья кубки;
Зависѣть отъ его словъ всѣхъ должны поступки.
Распяливъ грудь, бровь поднявъ, когда знакъ ти окомъ
Подастъ за низкій поклонъ, въ почтеньи глубокомъ
Имѣетъ тя; ибо съ кѣмъ проговорить слово
Удается не всегда, не всегда готово.
Мнитъ онъ, что вещество то, что плоть ему дало,
Было не такое же, но нѣчто сіяло
Предъ прочими; и была та фарфорна глина
Съ чего онъ, а съ чего мы, навозная тина.
Созимъ, смотря на него, злобно скалитъ зубы,
И шепчутъ мнѣ на ухо ядовиты губы:

«Гораздо бъ приличнѣе Иркапъ протомою
«Помнилъ бабушку свою, и дѣда съ сумою,
«Умѣряя по семьѣ строй свой и походку.
«Гораздо бъ приличнѣе зашилъ себѣ глотку,
«Чтобъ хотя одинъ глупецъ обмануться станомъ
«Его могъ, а не весь свѣтъ окрестилъ болваномъ.»
Созимъ дѣло говоритъ; но Иркану бъ мочно
Дружескій подать совѣтъ, чѣмъ ему заочно
Насмѣхаться безъ плода, но о всѣхъ такъ судитъ
Строго Созимъ. «Чистую удачливо удитъ
«Золотомъ мягкій Силванъ супругу сосѣда;
«У Прокофья голоденъ вышелъ изъ обѣда.»
Настя румяна, бѣла своими трудами,
Красота ея въ ларцѣ лежитъ за ключами.
Клементій судья собой взяться не умѣетъ
Ни за что, и безъ очковъ дьяка честь не смѣетъ.
Ни возрастъ, ни чинъ, ни другъ, ни самъ ближній кровный
Языкъ Созимовъ унять не можетъ злословный.
Я несчастливымъ тотъ день себѣ быть считаю,
Когда мнѣ случится съ нимъ сойтись; ибо знаю,
Что какъ скоро съ глазъ его сойду, ужъ готово
Столь злобное жъ обо мнѣ будетъ ему слово.
Сообществу язва онъ; но больше ужасенъ
Трофимъ съ сладкимъ языкомъ, и больше опасенъ.
Можетъ въ умныхъ клевета пороки заставить
Нечувствительны предъ тѣмъ полезно исправить;
Трофимъ надсаждаясь все хвалитъ безъ разбору,
И множитъ число глупцовъ. Вѣру даемъ скору
Похваламъ мы о себѣ, и въ сердце вскользая
Истребятъ до корени, буде въ немъ какая

Крылась къ добродѣтели ревность многотрудна.
Самолюбіемъ душа ни одна не скудна,
И однимъ свидѣтелемъ совершенно чаемъ
Хвальными себя, за тѣмъ въ пути унываемъ.
Не успѣлъ Титъ растворить устъ, Трофимъ дивится
Искусной рѣчи его; прилѣжно трудится
И самъ слушать, и другихъ къ тому принуждаетъ,
Боясь чихнуть иль дохнуть, пока рѣчь скончаетъ,
Котору мнѣ выслушать нельзя не зѣвая.
У Тита на ужинѣ пальцы полизая,
Небеснымъ всякій зоветъ кусокъ, хоть противенъ
Ему гадитъ. Ни гдѣ онъ не видалъ столь дивенъ
Чинъ и столько чистоту; все у Тита чудно
Въ домѣ, и самъ домъ почесть раемъ ужъ не трудно.
Если бъ Титова жена Парису знакома
Была, Менелаева пряла бъ пряжу дома.
Всѣ до облакъ Титовы дѣла возвышаетъ,
Титъ высморкать носъ кривой весьма умно знаетъ,
И не отличенъ ему Титъ одинъ: но равно
Всякому льститъ, все ему чудно и преславно,
И мнитъ, что тѣмъ способомъ любимъ всѣмъ бываетъ.
Въ уринникѣ, въ столчакѣ твоемъ онъ признаетъ
Духъ добрый, и безъ стыда подтверждать то станетъ.
Невій босъ и безъ портокъ изъ постели встанетъ
Пятью и десятью въ ночь, осмотритъ прилѣжно,
Заперты ли окна всѣ и двери надежно,
На мѣстѣ ли кабинетъ, и сундукъ и ящикъ.

Сотью шлетъ въ деревню онъ извѣдать, прикащикъ
Не крадетъ ли за очьми; за дворецкимъ ходитъ
Самъ тайно въ рядъ; за собой слугъ своихъ не водитъ,
Чтобъ гдѣ беретъ, гдѣ кладетъ онъ деньги, не знали.
Котелъ сосѣду ссудилъ; тотчасъ думы вспали,
Что слуга уйдетъ съ котломъ, тотчасъ шлетъ другаго
По пятамъ за нимъ смотрѣть, и спустя не много
Пришло въ умъ, что самъ сосѣдъ въ котлѣ отпереться
Можетъ; воротить слугу третій уже шлется.
Вскинетъ ли глазъ на кого жена не нарочно,
Невій чаетъ, что тому ужъ ожидать мочно
Все отъ жены, и за тѣмъ душу свою мучитъ;
Дѣтей мать долги копить потаенно учитъ;
Другъ шепчетъ о чемъ, съ другимъ, Невію навѣты
Строятъ, иль смѣются тѣ. Мѣряетъ отвѣты
Долго на всякій вопросъ, боясь обмана
Во всемъ; подозрителенъ весь свѣтъ, и изъяна
Вездѣ опасается. Въ такомъ непрестанно
Безпокойствѣ жизнь свою нуритъ окаянно.
Я бъ на такомъ не хотѣлъ принять договорѣ
Ни самый царскій престолъ; ссучило бъ мнѣ вскорѣ
И царско титло. Суму предпочту въ покоѣ,
И бѣдство я временно, сколь бы то ни злое,
Тревогѣ, волненію ума непрестанну,

Хоть бы въ богатство вели, въ славу несказанну:
Часто быть обманутымъ предпочту конечно,
Нежель недовѣріемъ мучить себя вѣчно.
Не меньше мучитъ себя Зоилъ нашъ угрюмый:
Что̀ ни видитъ у кого, то новыя думы,
Нова печаль, и не спитъ бѣдный цѣлы ночи.
Недавно закинувъ онъ завистные очи
Въ сосѣдній дворъ, и видя, что домишко строитъ,
Который хоть дорого цѣнить, ста не сто̀итъ
Рублей, поблѣднѣлъ весь вдругъ, и въ себѣ неволенъ,
Горячкою заболѣвъ, по сю пору боленъ.
У бѣднаго воина, что съ двадцать лѣтъ служитъ,
Ощупавъ въ карманѣ рубль, еще теперь тужитъ.
Удалось ли кому въ чинъ неважный добиться,
Хвалятъ ли кого, ворчитъ и злобно дивится
Слѣпому суду людей, что свойства столь плохи
Высоко цѣнитъ. Въ чужихъ рукахъ хлѣба крохи
Большимъ ломтемъ кажутся. Суму у убогихъ,
Бороду у чернеца завидитъ, и въ многихъ
Случаяхъ . . . да не пора ль, Муза моя, губы
Прижавъ, кончить нашу рѣчь? Сколь наши ни любы
Намъ рѣчи, мѣру въ нихъ знать здравый смыслъ насъ учитъ.
Всякому лишно долга рѣчь уху наскучитъ,
И должно помнить тебѣ, съ кѣмъ мнѣ идетъ слово;
Ѳеофана чаешь ли не имѣть иново
Дѣла, развѣ выспаться, до сыта покушать,
И, поджавъ руки, весь день стихи мои слушать
Пастырь о стадѣ своемъ прилѣжный радѣетъ

Недремно, спасенія сѣмя часто сѣетъ
И растить примѣромъ онъ такъ, какъ словомъ тщится.
Главный надъ церковью правитель садится
Не напрасно близъ Царя. Церковныя славы
Пристойно защитникъ онъ, изнуренны нравы
Исправляетъ пастырей, и хвальный чинъ вводитъ.
Воля намъ Всевышняго ясна ужъ исходитъ
Изъ Его устъ, и ведетъ въ истинну дорогу.
Неусыпно черпаетъ въ источникахъ многу
Чистыхъ мудрость; потекутъ оттуду приличны
Намъ струи; труды его безъ конца различны.
Знаетъ же лучше тебя, сколь мысльми и дѣлы
Разнитъ міръ; жизни къ тому тѣсны суть предѣлы,
Списать то, что всякому любитъ на умъ вспало:
Людей много, и страстей ей въ людяхъ не мало.
Касторъ любитъ лошадей, а братъ его рати,
Подьячій же силится и съ голаго драти.
Сколько главъ, столько охотъ и мыслей различныхъ;
Моя есть стихи писать противъ неприличныхъ
Дѣйствъ и словъ: кто же мои (и я не безъ пятенъ)
Исправитъ, тотъ честенъ мнѣ будетъ и пріятенъ.

—

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ САТИРѢ ТРЕТЬЕЙ.

—

Въ началѣ примѣчаній на первую сатиру уже объявлено, съ какою похвалою она и ея сочинитель отъ Ѳеофана Прокоповича, архіепископа новгородскаго, приняты были. Сіе подало поводъ сочинить сію сатиру, которую стихотворецъ въ 1730-мъ году въ свѣтъ издалъ, для того наипаче, чтобъ въ ней изъяснить приличныя тому архипастырю похвалы, и въ знакъ благодарности ему оную приписать. При ней тогда пріобщены были слѣдующіе стихи, которые писаны въ Москвѣ 1730, Августа мѣсяца:

Устами ты обязалъ меня и рукою,
Далъ хвалу мнѣ свыше мѣръ, заступилъ не мало:
Сатирику то забыть никакъ не пристало,
Иже неблагодарства страсть хулитъ трубою.
Нѣтъ; но силы, воздавать дары равномѣрны
Въ знакъ благодаренія, увы! запрещаютъ.
Пріими убо, сія хоть и не блистаютъ
Дары изящствомъ, однакъ знаки воли вѣрны.

Содержаніе сей сатиры состоитъ въ томъ, чтобъ помянутый архіепископъ рѣшилъ предложенный ему вопросъ: *Для чего въ людяхъ, подобныхъ тѣломъ и душею, различныя находятся страсти?* и для сей самой причины описываются разные нравы людей, подъ вымышленными именами Хрисиппа, Клеарха, Менандра и проч.

Ст. 2. *Высшей мудрости.* Божественной премудрости.

Ст. 5. *Өеофанъ.* Өеофанъ Прокоповичъ родился въ Кіевѣ въ 1681-мъ году Іюня 9-го, отъ гражданина того города. Въ юныхъ лѣтахъ лишившись родителей, жилъ подъ опекою дяди своего, который былъ ректоромъ кіевскихъ училищъ, и обучилъ его россійской грамотѣ и латинскому языку. Въ 1682-мъ году скончался дядя его, по смерти котораго Өеофанъ продолжалъ ученіе въ кіевскомъ училищѣ, и обучился Стихотворству, Реторикѣ и Философіи.

Въ 1698-мъ году ѣздилъ онъ въ Польшу, и оттуда, подъ именемъ уніата, чрезъ Германію въ Римъ поѣхалъ, гдѣ обучившись италіянскому языку, по трехъ годахъ въ Кіевъ возвратился. Тогдашній митрополитъ Ясинскій принялъ его благосклонно и, постригши въ монашескій чинъ, опредѣлилъ учителемъ Стихотворства.

Въ 1706-мъ году учиненъ онъ былъ префектомъ тамошнихъ училищъ, и обучалъ Философіи. Когда Императоръ Петръ Великій прибылъ въ Кіевъ, тогда онъ говорилъ Его Величеству поздравительное слово, и другое потомъ, въ 1709-мъ году, послѣ побѣды подъ Полтавою. Въ 1711-мъ году Его Величество повелѣлъ ему слѣдовать съ собою во время похода противъ Турокъ, въ которомъ онъ отправлялъ должность проповѣдника; а по возвращеніи изъ того похода поставленъ игуменомъ Кіевскаго Братскаго монастыря.

Въ 1715-мъ, Императоръ Петръ Великій, по отставленіи патріаршескаго достоинства, желая исправить порядокъ и церковное правленіе, призвалъ Өеофана въ Москву, и поставилъ псковскимъ

епископомъ. Тогда началъ онъ прилагать крайнее стараніе о изысканіи способовъ къ совершенію помянутаго монаршаго намѣренія. Трудами его, подъ присмотромъ Его Величества, изданъ Регламентъ Духовный, которымъ въ Россіи Правительствующій Сѵнодъ все духовенство управляетъ. Между прочими членами Сѵнода вице-президентомъ былъ пожалованъ.

Въ 1725-мъ, отъ Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны пожалованъ архіепископомъ новгородскимъ.

Въ 1728-мъ, Государя Императора Петра Второго вѣнчалъ царскимъ вѣнцемъ, какъ и Императрицу Анну Іоанновну въ 1730-мъ году.

Въ 1736-мъ, старая его каменная болѣзнь умножилась, коею онъ напослѣдокъ скончался 8-го Сентября. Съ самаго 1720-го году завелъ у себя особливую школу для 60-ти человѣкъ учениковъ, о воспитаніи и обученіи которыхъ крайнее прилагалъ попеченіе, опредѣливъ изъ собственныхъ своихъ доходовъ всѣ потребныя на то иждивенія и учредивъ библіотеку, состоявшую изъ 4000 книгъ. Четырьмя сряду Государями любимъ и почитаемъ былъ: Императоромъ Петромъ Великимъ, Императрицею Екатериною Алексѣевною, Петромъ Вторымъ и Императрицею Анною Іоанновною. Изъ знатныхъ духовныхъ персонъ никто его ученѣе не былъ, и у народа былъ за то въ особливомъ почтеніи. Кромѣ великаго числа поученій, которыя онъ говорилъ по большей части въ присутствіи Монарховъ, трудовъ его въ печать изданныхъ осталось:

1) *Первое ученіе отрокомъ.* Катехисмъ Православныя Вѣры, который на многіе иностранные языки переведенъ, и въ европейскихъ разныхъ школахъ по оному обучаютъ, въ 1714-мъ году.

2) *Право воли монаршей.* Гдѣ доказываетъ, что отъ монаршей власти зависѣть должно опредѣленіе наслѣдника престола. Въ 1718-мъ.

3) *Толкованіе о Блаженствахъ.* Нравоучительная книга, которая отъ ученыхъ весьма почитается. Въ 1722-мъ.

4) *Изслѣдованіе о Крещеніи.* Равной ли силы обливаніе и погруженіе? Въ 1724-мъ.

5) *Изслѣдованіе, въ какой силѣ императоры римскіе назывались понтифексами.* Въ коемъ сочинитель показалъ многое свое знаніе въ древней и новой римской исторіи.

6) *Плачъ Россіи.* То есть описаніе болѣзни и кончины Петра Великаго, которое сначала издано на россійскомъ языкѣ, а послѣ самимъ сочинителемъ переведено на латинскій, подъ титуломъ *Lacrymæ Roxolanæ.* Въ 1725-мъ.

Нѣкоторые, изъ особливаго почтенія къ памяти Ѳеофановой, а наипаче для прославленія его разума и трудовъ, вознамѣрились, собравъ всѣ его сочиненія, издать оныя въ печать, какъ уже двѣ части его проповѣдей, и дѣйствительно напечатаны въ Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ въ 1760-мъ и 1761-мъ годахъ.

Ст. 8. *Тѣло то жъ и въ немъ духъ.* Т. е. подобное тѣло и въ немъ душу.

Ст. 11. *Или другой ключъ.* Природа ли различныя страсти людямъ раздѣлила; или такому различію страстей другого начала искать должно?

Ст. 12. *На Хрисиппа.* Вымышленное имя, какъ и слѣдующія во всей сатирѣ.

Ст. 15. *Съ торгу всѣхъ позднѣе.* Разумѣется, *выходитъ*, какъ въ простомъ разговорѣ часто упо-

требляется, напримѣръ: *Я лишь на дворъ, а онъ съ двора;* вмѣсто: *Я лишь поѣхалъ на дворъ, а онъ съ двора съѣхалъ.* Притомъ явствуетъ изъ сего, что Хрисиппъ торговый человѣкъ, для того что съ торгу всѣхъ другихъ позднѣе приходитъ.

Ст. 16. *Вчерашній часто обѣдъ.* Обѣдъ, составленный изъ остатковъ вчерашняго кушанья.

Ст. 17. *Чѣмъ въ приходской праздникъ попъ отпоетъ молебенъ.* Приходскимъ праздникомъ называется день святого, во имя котораго церковь въ приходѣ построена. Прихожане въ такіе дни обыкновенно многіе молебны служатъ, и для того, при которой церкви не одинъ попъ, тамъ попы съ крайнею скоростію оные отправляютъ.

Ст. 25. *На злобу воздуха...* вмѣсто: *на злой воздухъ,* или *на худую погоду.*

Ст. 34. *Въ четверти дѣлилъ искуснѣй.* Четверть есть мѣра хлѣбная, въ которой четыре осьмушки; въ аршинѣ 16 вершковъ, въ ведрѣ восемь кружекъ.

Ст. 36. *Безъ слуги обойтись умѣетъ.* Часто слуги не имѣетъ, чтобъ сберечь деньги, потребныя на его содержаніе, и для того самъ себѣ служитъ.

Ст. 41. *А кушанье подано.* Сей стихъ есть подражаніе слѣдующихъ латинскихъ:

Dote tuum nummum gallam nupsisse celatum est
Fongilio juveni: post quam damnabilis, inquit,
Inualuit luxus.

Ѳеофанъ Прокоповичъ въ сатирѣ россійской.

Ст. 43. *За излишество Хрисиппъ пищи суетится.* Должно намъ собирать для пропитанія собственнаго и домашнихъ, чего натура и божескіе законы отъ насъ требуютъ. Напротивъ того, безумно, если кто, имѣя все потребное для себя и своихъ, печется о излишнемъ для одного только сребролюбія.

Ст. 54. *Изъ большой пріятно брать кучи* и проч. Подражаніе Гораціевой сат. 1. книги 1.

At suave est ex magno tollere acervo.
Dum ex parvo nobis tantumdem haurire relinquas:
Cur tua plus laudes cumeris granaria nostris?
Ut, tibi si sit opus liquidi non amplius urna,
Vel cyatho: & dicas, magno de flumine mallem.
Quam ex hos fonticulo tantumdem sumere: eo fit,
Plenior ut si quos delectat copia justo,
Cum ripa simul avulsos ferat Aufidus acer.

Ст. 55. *Но если изъ малой.* Скупой говоритъ, что пріятно брать изъ большой кучи; а когда я изъ малаго мѣшка столько жъ на содержаніе свое трачу, сколько онъ изъ большаго, то уже нѣтъ причины излишнее богатство предпочитать.

Ст. 57. *Тому подобенъ мнѣ мнится.* Скупаго уподобляетъ сатирикъ такому человѣку, который, имѣя нужду въ одной чашѣ воды, могъ бы оную достать изъ ручейка, тащится однако жъ на большую рѣку, и не разсуждаетъ о томъ, что между тѣмъ, пока онъ воду изъ нея черпать станетъ, берегъ подъ нимъ обвалится и онъ самъ потонуть можетъ, чего, въ ручейкѣ черпая, опасаться нельзя. Ежели кто отъ малаго достатка можетъ получать нужное для своего содержанія, тотъ тщетно подвергаетъ себя бѣдствіямъ для пріобрѣтенія большихъ сокровищъ.

Ст. 74. *Крезуса богатѣе.* Крезъ, царь лидійскій, государствовалъ послѣ Аліата втораго, въ лѣто по созданіи міра 3496, и былъ богатѣе и сильнѣе всѣхъ царей, жившихъ въ его время, такъ, что богатство его въ пословицу принято.

Ст. 80. *Въ тюрьмѣ очутится.* За долги отъ заимодавцовъ въ тюрьму посаженъ будетъ.

Ст. 84. *Два, три плутца.* То есть, заимодавцы Клеарховы останутся разорены, а между тѣмъ, пока самъ Клеархъ въ тюрьмѣ сидѣть будетъ, два или три плута, которые его объѣдали, или которые ему въ долгъ съ великимъ ростомъ давали, разжирѣютъ.

Ст. 91 и 92. *Три дни брюху дани лучше не дастъ, нежъ не знать, что привезъ съ Гиляни.* То есть, легче ему три дня не ѣсть, нежели не знать, какія вѣсти привезъ гонецъ изъ Гиляни. *Гилянь* есть персидская провинція, завоеванная Петромъ Великимъ въ 1722-мъ году, и въ то время, когда сатира сія писана, была подъ Россійскою державою; но въ 1734-мъ году, по силѣ мирнаго договора, Персіи возвращена.

Ст. 95. *Кто выѣхалъ, въѣхалъ.* Разумѣется, изъ города и въ городъ.

Ст. 101. *Когда же Менандръ новизнъ наберетъ.* Горацій въ 18-мъ письмѣ книги I говоритъ о любопытномъ человѣкѣ, который до новизнъ охочь, что онъ обыкновенно болтливъ бываетъ, и сіи два порока между собою нераздѣльны.

Любопытнаго бѣги, говорливъ онъ: всегда отверзтыя уши не умѣютъ ввѣренное сохранить; а слово, однажды выпущенное изъ устъ, летитъ невозвратно.

Percuntantorem fugito: nam garrulus idem est:
Nec retinent patulae commissa fideliter aures;
Et semel emissum volat irrevocabile verbum.

Ст. 103. *Не давно то влитое ново вино.* Какъ новое вино распираетъ бочку и обручи разрываетъ, такъ сердце Менандрово отъ многихъ собранныхъ вѣстей спокойно быть не можетъ по тѣхъ поръ, пока оныя чрезъ его уста наружу не выйдутъ.

Ст. 106. *И слышалъ тѣ изъ вѣрныхъ устъ вѣсти.* Охотники до вѣстей обыкновенно увѣряютъ, что они сказываемыя ими новизны слышали отъ знатныхъ и достовѣрныхъ людей, чтобъ тѣмъ болѣе имъ вѣрили, и чтобъ притомъ доказать, что они тѣ вѣдомости изъ самаго источника черпаютъ.

Ст. 107. *И тебѣ съ любви.* Обыкли еще такіе люди показывать, будто они изъ особливой любви вѣсти другимъ объявляютъ за тайну, и просятъ прилежно, чтобъ никому ихъ не открывать, хотя сами жаднѣе всего ищутъ, кому бы оныя разсказать.

Ст. 108. *Составить онъ знаетъ мнѣнію.* Охотники до вѣстей не довольны тѣмъ, чтобъ разсказать слышанное; но ежели они что нибудь необстоятельно слышали, то сами вымышляютъ обстоятельства такія, которыя съ ихъ мнѣніемъ и склонностію сходны. Голую вѣдомость прикрасить, а непріятную въ добрую перемѣнить стараются.

Ст. 110. *Рѣдко двумъ ту жъ вѣдомость.* Правда всегда непремѣнна; а кто лгать любитъ, тотъ всякому лжетъ отмѣннымъ образомъ, потому что вымышленныя обстоятельства легко забываются.

Ст. 111 и 112. *И самъ своей наконецъ.* Нерѣдко случается охотникамъ до новизнъ вѣритъ той самой лживой вѣдомости, которую сами выдумали, когда оная, по всему городу разнесшись, наконецъ дойдетъ до нихъ изъ дому какого нибудь знатнаго человѣка.

Ст. 113 и 114. *Сказавъ, тебя какъ судья бѣжитъ.* Разсказавъ тебѣ всѣ свои вѣдомости, бѣжитъ отъ тебя къ другому и къ третьему съ тѣми же вѣстями не инако, какъ судья бѣжитъ отъ убогаго челобитчика, о которомъ знаетъ, что ничего ему въ подарокъ принесть не въ состояніи.

Ст. 117 и 118. *Стерегись сосѣдомъ Лонгина не завтракавъ.* Стерегись для того, что, непрестанно съ тобою разговаривая, не дастъ тебѣ времени кушать.

Ст. 122. *Хоть больну дочь видишь.* Важная причина, для которой надлежало посѣтить Груннія.

Ст. 124. *Плачется.* Расказчикъ ни одного малѣйшаго обстоятельства пропустить не хочетъ, и всѣ неважныя околичности для того только жадно описываетъ, чтобъ тѣмъ распространить рѣчь свою.

Ст. 134. *На ту стать ножики и вилки разложитъ.* То есть, расположитъ ножики и вилки такимъ образомъ, каково положеніе его новаго пруда.

Ст. 149. *Въ столъ.* То есть, во время обѣда, или ужина.

Ст. 150. *Не столько зернъ, что въ снопахъ.* По настоящему порядку слова должны расположены быть такимъ образомъ: *Не столько зернъ въ снопахъ, что мужикъ навяжетъ въ день,* и частица *что* надлежитъ къ снопамъ.

Ст. 151. *Не столько купецъ божбы учинитъ.* Обыкновенно купцы во время продажи чрезмѣрно клянутся и при торговлѣ часто употребляютъ божбу, чтобы взять двойную или тройную цѣну.

Ст. 157. *Что весь ухо.* Что должно его только слушать, а самому не говорить.

Ст. 162. *Чуть, какъ ходитъ, ступитъ.* Притворяясь кроткимъ, столь нѣжно и осмотрительно ступаетъ, что едва на пальцы опирается.

Ст. 165. *Молебны пѣть и свѣчи класть.* Молитвы и приношенія похвальны, но притворство въ такихъ случаяхъ мерзко предъ Богомъ, Который требуетъ отъ человѣка чистаго и сокрушеннаго сердца съ добрымъ намѣреніемъ.

Ст. 173. *Другое всяко не столь дѣло годно Богу.* Притворную набожность являющіе за крайнюю добродѣтель вмѣняютъ подаяніе церковнымъ служителямъ. Хотя и то не послѣднее, однако взаимная любовь Богу угоднѣе, которая между такими людьми рѣдко случается.

Ст. 193. *Застроилъ огромный домъ, который оставитъ дѣтей его по-міру.* Для того, что на строеніе того дому большую часть своего имѣнія истощилъ.

Ст. 195. *При поздомъ потомствѣ.* То есть, во время позднихъ потомковъ, которые по прошествіи многихъ вѣковъ на свѣтѣ жить будутъ.

Ст. 196. *Съ родословными писцы, съ творцами въ знакомствѣ.* Родословные писцы служатъ къ доказательству древности его рода, а сочинители книгъ, или стихотворцы, къ прославленію его ума, искусства, честности и щедроты, выхваляя то, чего въ немъ не находятъ.

Ст. 198. *Во что ему стали тетради.* Сколь дорого онъ заплатилъ за тетради, которыя другой сочинилъ, а онъ только имя свое къ нимъ приписалъ, или которыя подъ его именемъ въ свѣтъ изданы.

Ст. 208. *Далъ ли кто власть надъ огнемъ, иль укрощать воду* Показалъ ли кто правильный и легкій способъ, какъ надлежитъ искусно употреблять огнестрѣльное оружіе, и по морю плавать безопасно.

Ст. 209. *Побѣждены ль кѣмъ враги.* Получилъ ли кто побѣду надъ непріятелями своего отечества, и усмирилъ ли ихъ собственнымн военными трудами.

Ст. 213. *Всѣ поступки образцы.* Всѣ его поступки такъ совершенны, что всякій ихъ въ образецъ себѣ брать долженъ.

Ст. тотъ же и 214. *Что въ умъ ему ссiало, не оспоритъ воѣки.* Самолюбивые обыкновенно думаютъ, что лучше ихъ никто не смыслитъ, и потому мнѣніе свое всякимъ разсужденіямъ другихъ предпочитаютъ.

Ст. 216. *Во знакъ благодарства.* За превосходный умъ Гликоновъ царь долженъ почитать себя ему обязаннымъ.

Ст. 217 и 218. *Въ умъ свой не можетъ вмѣстить, что не всѣ вздыхаютъ* и проч. Гликонъ почитаетъ себя безмѣрно пригожимъ, и всѣми изрядными свойствами украшеннымъ.

Ст. 220. *По своимъ годамъ въ починъ счастья людей числитъ.* То есть, думаетъ, что съ того года родъ человѣческій счастливымъ быть началъ, въ которомъ онъ родился.

Ст. 221. *Смысленна тварь.* Разумѣются *люди.* Аристотель генеральный характеръ человѣка сими словами изъясняетъ: *Человѣкъ есть разумное животное.*

Ст. 225. *Отважнѣй чернцовъ.* Монахи, при постриженіи, между прочимъ, отрицаются отъ всѣхъ суетъ мірскихъ.

Ст. 233. *Подобенъ скоту становится.* Уподобляется скоту, теряя смыслъ отъ пьянства.

Ст. 236. *Раздвинетъ всѣхъ, какъ корабль.* Всѣхъ раздвинетъ, чтобъ себѣ открыть путь, какъ корабль, когда плыветъ, разсѣкаетъ волны.

Ст. 237. *Что много злата съ плечъ убудетъ.* Продираясь сквозь толпу людей, много сотретъ золота съ парчеваго кафтана.

Ст. 241. *Съ здоровьями кубки.* Онъ начинаетъ за здоровье каждаго пить.

Ст. 242. *Зависѣть отъ его словъ.* Исполнять его приказы.

Ст. 243 и 244. *Знакъ ти окомъ подастъ.* Мигнетъ въ знакъ благодарности.

Ст. 247. *Вещество то, что плоть ему дало.* Вещество то, изъ котораго сдѣлана его плоть, его тѣло, земля та.

Ст. 248. *Было не такое же, но нѣчто сіяло предъ прочими.* Не походило на вещество, изъ котораго сотворены прочіе люди, но нѣчто превосходнѣйшее было. Ювеналъ, обличая такое же мнѣніе высокоумныхъ, говоритъ:

Ten' o delicias extra communia censes
Ponendum: qui tu gallinæ filius albæ;
Nos viles pulli nati infelicibus ovis!

Ст. 250. *Съ чего онъ.* Разумѣется: сдѣланъ.

Ст. 252. *Шепчутъ на ухо ядовиты губы.* Вмѣсто *ядовитыя уста*, какія обыкновенно бываютъ у клеветниковъ, каковъ Созимъ въ слѣдующемъ описаніи представляется. Злословящіе люди поносятъ другихъ заочно, а въ глаза являются пріятелями. Созимъ шепчетъ на ухо для того, чтобъ Ирканъ его не слышалъ.

Ст. 256. *Зашилъ себѣ глотку.* То есть, приличнѣе бы ему было молчать.

Ст. 257 и 258. *Чтобъ хотя одинъ глупецъ.* Созимъ, начавъ говорить, могъ бы оказать свою глупость, а пока молчитъ, по тѣхъ поръ еще оной примѣтить въ немъ не можно, и кто нибудь изъ подобныхъ ему простаковъ, обманувшись его осанкою, будетъ почитать его умнымъ.

Ст. 259. *Созимъ дѣло говоритъ.* Хотя Созимъ справедливо Ирканову спесь обличаетъ, но стихотворецъ за лучшее признаетъ, вмѣсто тщетнаго заочнаго злословія, самому Иркану дружески совѣтовать, чтобъ онъ гордость оставилъ, потому

что сколько такой поступокъ хваленъ, столько злословіе безчестно.

Ст. 261. *Но о всѣхъ такъ судитъ.* Созимъ, по природной своей злобѣ, смѣется не только одному Иркану гордому, но и о всѣхъ столь же строго судитъ безъ изъятія, исчисляя пороки каждаго, чтобъ тѣмъ обнесть и обезславить иногда самыхъ пріятелей и кровныхъ своихъ.

Ст. 262. *Чистую удачливо удитъ* и проч. Созимъ разглашаетъ, что Силванъ, для удовольствія своей страсти, подкупаетъ жену сосѣдову; что, за недостаткомъ кушанья у Прокофья, изъ-за стола голоденъ выходитъ, и что Настя бѣлится и румянится; а Климентъ столь неразуменъ и къ дѣламъ неспособенъ, что безъ дьяка ни за что самъ приняться не умѣетъ, и проч. *Чистую*, то есть цѣломудренную, или которая такою притворяется. *Удачливо удитъ*, то есть, склоняетъ къ своему намѣренію деньгами или подарками, что ему и удается.

Ст. 266. *Красота ея въ ларцѣ.* Въ сундукѣ, въ которомъ она запираетъ румяны и бѣлила.

Ст. 277. *Можетъ въ умныхъ клевета* и проч. Ласкатель опаснѣе и вредительнѣе злословящаго человѣка, для того что клевета приводитъ насъ въ чувство, такъ, что иногда дѣйствительно находимъ въ себѣ пороки, коихъ до того мы примѣтить не могли, слѣдственно оная нѣсколько служитъ къ нашему исправленію; напротивъ того, ласкательство сильно умножаетъ число безумныхъ, потому что мы больше вѣримъ всему тому, что намъ пріятно; а отъ сего происходитъ, что когда намъ ласкатели приписываютъ излишнія похвалы, тогда мы, принимая оныя за сущую правду, величаемся и сами себя превозносимъ.

Ст. 282. *Истребятъ до корени.* Ложныя похвалы насъ напыщаютъ, и мы, будучи уже довольны собою, не стараемся заслужить себѣ доброе имя чрезъ добродѣтели, въ той надеждѣ, будто мы давно оное пріобрѣли. Посему ласкательство истребляетъ въ насъ ревность къ добродѣтели, которая многотрудна, потому что мы болѣе склонны къ порокамъ.

Ст. 284. *Самолюбіемъ душа ни одна не скудна.* Ласкательство пріятно намъ больше для того, что почти всѣ мы самолюбивы; а самолюбіе подаетъ намъ поводъ безъ испытанія признавать въ себѣ тѣ совершенства, которыя ласкатель ложно намъ приписываетъ.

Ст. 285. *И однимъ свидѣтелемъ чаемъ.* Когда кто нибудь выхвалитъ въ насъ хотя одно изрядное свойство, тотчасъ мы, по своему самолюбію, свидѣтельство его пріемлемъ за истину, и думаемъ, что уже мы совершенно добродѣтельны, и для того ослабѣваемъ въ многотрудномъ пути добродѣтелей.

Ст. 291. *Котору мнѣ выслушать нельзя не зѣвая.* Хотя Титова рѣчь столь глупа, что нельзя оную выслушать не зѣвая, однако Трофимъ удивляется его разсказамъ, и самъ, съ притворнымъ вниманіемъ слушая, побуждаетъ другихъ оныя также слушать.

Ст. 292. *У Тита на ужинѣ.* Когда Трофимъ ужинаетъ у Тита, тогда всякій кусокъ называетъ небеснымъ, то есть безмѣрно вкуснымъ, хотя тотъ же самый кусокъ столь противенъ, что у него въ горлѣ становится.

Ст. 297 и 298. *Если бъ Титова жена Парису* и проч. *Парисъ*, сынъ Пріама, царя троянскаго, будучи посланъ отъ отца въ Грецію, весьма ласково принятъ былъ отъ греческаго царя Менелая. Жи-

вучи у него въ домѣ, столь сильно влюбился въ Елену, его супругу, что ее тайно похитилъ и увезъ въ свое отечество, за что началась славная Троянская Война, въ которую Троянское Царство раззорено. Хотя красота Еленина была рѣдкая, однако ласкатель Трофимъ предпочитаетъ ей красоту Титовой жены.

Ст. 300. *Титъ высморкать носъ кривой.* Ласкатель столь неумѣренно всѣ Титовы дѣла превозноситъ, что и въ сморканіи носа отмѣнное искусство его хвалитъ. Такъ Ювеналъ говоритъ:

— — Laudare paratus,
Si bene ructavit, si rectum minxit amicus.

Ст. 322. *Дѣтей мать* и проч. Невію все кажется столь подозрительно, что онъ думаетъ, будто его жена учитъ дѣтей мотать и долги наживать, чтобъ чрезъ то умалять его богатство.

Ст. 332. *Бѣдство временно.* То есть, бѣдство кончится какою нибудь утратою; и въ самомъ дѣлѣ лучше отъ легковѣрія что нибудь весьма нужное потерять, нежели, ничему не довѣряя, вѣчно безпокоиться.

Ст. 343. *Въ себѣ не воленъ.* Не силенъ утолить свою страсть.

Ст. 352. *И въ многихъ случаяхъ.* Въ семъ мѣстѣ сатирикъ нарочно пресѣкаетъ описаніе завидливаго зоила, чтобъ не наскучить Ѳеофану.

Ст. 361 и 362. *Пастырь о стадѣ своемъ прилежный радѣетъ.* То есть, прилежно печется о правленіи ввѣреннаго себѣ словеснаго стада, и часто проповѣдуетъ слово Божіе.

Ст. 377. *Касторъ любитъ лошадей.* Касторъ, братъ Поллюксовъ; оба, по баснословію древнихъ, были дѣти Юпитеровы. Зри о томъ у Гиралдія въ исто-

ріи боговъ. Отъ сего стиха до послѣдняго есть подражаніе слѣдующихъ Гораціевыхъ сатиры его I, книги 2.

Castor gaudet equis, ovo prognatus eodem
Pugnis. Quot capitum vivunt, totidem studiorum
Millia; me pedibus delectat claudere verba.

Ст. 381. *И я не безъ пятенъ.* То есть, и я не безъ погрѣшеній.

═

САТИРА IV.

КЪ МУЗѢ СВОЕЙ.

—

Муза! не пора ли слогъ отмѣнить твой грубый,
И сатиръ ужъ не писать! Многимъ тѣ не любы,
И ворчитъ ужъ не одинъ, что гдѣ нѣтъ мнѣ дѣла,
Тамъ мѣшаюсь, и кажу себя чрезчуръ смѣла.
Много видѣлъ я такихъ, которы противно
Не писали никому, угождая льстивно,
Да мало счастья и тѣ возмогли достати,
А мнѣ чего по твоей милости ужъ ждати?
Всякое злонравіе тебѣ непріятно,
Смѣло хулишь, да къ тому жъ и говоришь внятно;
Досаждать злымъ вся жадна, то твое веселье;
А я вижу, что въ чужомъ пиру мнѣ похмѣлье.
Вонъ Кондратъ съ товарищи, сказываютъ, дышетъ
Гнѣвомъ, и стряпчихъ собравъ челобитну пишетъ,
Имѣя скоро меня ужъ на судъ позвати,
Что хуля Клитесовъ нравъ, тщуся умаляти
Пьяницъ добрыхъ, и съ ними кружальны доходы.
А Никонъ тверды одни любящій доводы
Библею, говорятъ, всю Острожской печати
Съ доски до доски прошолъ, и не три тетради
Наполнивъ, мудрые въ нихъ доводы готовитъ,

Что нечистой въ тебѣ духъ бороду злословитъ,
Что законоломное и невѣрныхъ дѣло
Полосатой мантію ризою звать смѣло.
Иной не хочетъ писать указъ объ отказѣ,
Что о взяткахъ говоришь обычныхъ въ приказѣ:
Однимъ словомъ, сатира, что чистосердечно
Писана, колетъ глаза многимъ всеконечно.
Ибо всякъ въ семъ зеркалѣ какъ станетъ смотрѣти,
Мнитъ, зная себя, лице свое ясно зрѣти.

Муза, свѣтъ мой! слогъ твой мнѣ творцу ядовитый;
Кто всѣхъ бить нахалится, часто живетъ битый,
И стихи, что чтецамъ смѣхъ на губы сажаютъ,
Часто слезъ издателю причиной бываютъ.
Знаю, что правду пишу, и именъ не значу,
Смѣюсь въ стихахъ, а въ сердцѣ о злонравныхъ плачу;
Да правда рѣдко люба, и часто не кстати.
Кто же отъ тебя когда хотѣлъ правду знати?
Вдругорь скажу, не нравна; угодить не можно
Всегда правду говоря, а хвалить хоть ложно,
Хоть излишно, повѣрь мнѣ, болѣе пристойно
Тому, кто, живя съ людьми, ищетъ жить покойно.

Чего жъ плакать, что народъ хромаетъ душою?
Если правдой все идти, таскаться съ сумою.
Таковъ обычай уйми, чтобъ шляпъ не носили
Маленькихъ, или живутъ пусть люди, какъ жили.
Лучше насъ пастыри душъ, которыхъ и правы
И должность есть исправлять народные нравы:

Да молчать; на что вступать со всѣмъ свѣтомъ въ ссору?
Зимой дровъ никто не дастъ, ни льду въ лѣтнюю пору.
Буде смѣешь указать ты на Ювенала,
Персія, Горація, мысля, что какъ встала
Имъ отъ сатиръ не бѣда, многая слава;
Что какъ того жъ Боало причастникъ былъ права,
Такъ ужъ и мнѣ, что слѣды ихъ топчу, довлѣетъ
То жъ счастье. Позволь сказать, что умъ твой шалѣетъ.
Истая Зевсова дочь перо ихъ водила;
Тебя чуть ли не съ другимъ кѣмъ память родила.
Въ нихъ шутки вмѣстѣ съ умомъ цвѣтутъ превосходнымъ,
И слова гладко текутъ, какъ рѣка природнымъ
Токомъ, и что въ рѣчахъ кто зритъ себѣ досадно,
Не въ досаду себѣ мнитъ, что сказано складно.
А въ тебѣ что таково? безъ всякой украсы
Болтнешь, что не дѣлаютъ чернца однѣ рясы.
Такъ ли теперь говорятъ, такъ ли живутъ въ людяхъ?
Медъ держи на языкѣ, а желчь всю прячь въ грудяхъ,
И врагъ смертный будучи, тщись другомъ казаться,
Если хочешь нѣчто быть, и умнымъ назваться.
Зачнемъ, Муза, въ похвалахъ перья притупляти,
Ну-тка станемъ Туллію привѣтство писати.
Туллій, знаешь ты, лукавъ, что если разсудно
Истолковать, то въ немъ умъ выхвалить не трудно.
Оставя убо, что есть, сдѣлаемъ такова,

Каковъ бы онъ долженъ быть; тропа та не нова;
Всякъ такъ пишетъ, кто хвалитъ у насъ кого хочетъ,
Тому, кого въявь поетъ; самъ въ сердцѣ хохочетъ.
Туллій не нравенъ тебѣ? выбери другова:
Вотъ хорошъ Силванъ; онъ тихъ, не добьешься слова
У него чрезъ цѣлый день, и хотя ты знаешь,
Что онъ съ глупости молчитъ; если пожелаешь,
Можешь сильно доказать, что мужъ онъ не простый,
Но съ разсудка обуздалъ языкъ свой преострый.
И Квинтій право хорошъ; въ десть книгу составить
Можешь, коль дѣла его захочешь прославить.
Видишь, какъ пріятенъ онъ, честно всѣхъ примаетъ,
Учтиво вѣкъ говоритъ, всякаго ласкаетъ,
И всякому силится быть онъ благодѣтель;
Не однажды, какъ сулитъ, словъ тѣхъ Богъ свидѣтель.
Полно того; а съ чего таковъ онъ бываетъ?
Писать не зачѣмъ; добро, что мало кто знаетъ.
Не пиши того, что онъ за тѣмъ столь умиленъ
И добръ ко всѣмъ, что вредитъ никому не силенъ.
Да много такихъ, о комъ списать стопу цѣлу
Можно; легко ихъ узнать, хоть нѣтъ въ спинѣ мѣлу.
Буде жъ не сроденъ тебѣ родъ тѣхъ стиховъ гадкихъ,

Запой въ Амариллиныхъ объятіяхъ сладкихъ
Счастливаго Титира, иль Филена скучну
Любовь къ Ирисѣ. Титиръ жизнь благополучну
Не смѣнитъ на царскую славу и обильность;
Филенъ носитъ на лицѣ жалкую умильность;
Ведетъ ли стадо поить, иль пасти на полѣ,
Смутенъ станетъ, и текутъ съ глазъ слезы дотолѣ,
Пока Ирисъ идучи мимо ускоряетъ
Смѣясь, и гордясь его рану растравляетъ.
Вскинь глаза на прошлу жизнь мою, и подробно
Изслѣдуй; счастье ко мнѣ ласково и злобно
Бывало, больше въ своей злобѣ постоянно.
Почерпнувъ довольну тутъ печаль, нечаянно
Новымъ ужъ родомъ стиховъ наполнимъ тетради
Прилично чтецамъ своимъ, и что больше кстати
Намъ здѣсь смертнымъ, какъ печаль? тужить не напрасно
Можемъ, приближаяся къ смерти повсечасно.
Есть о чемъ писать, была бъ лишь къ тому охота,
Было бъ кому работать, безъ конца работа;
А лучше вѣкъ не писать, нежъ писать сатиру,
Что приводитъ въ ненависть меня всему міру.
Но вижу, Муза, ворчишь, жмешься и краснѣешь,
Являя, что ты хвалить достойныхъ не смѣешь,
А въ ложныхъ хвалахъ терять ты не хочешь время.
Достойныхъ право хвалить не нашихъ плечъ бремя,
Къ тому жъ человѣчья жизнь рѣдко однолична;

Пока пишется кому похвала прилична,
Добродѣтель его вся вдругъ ужъ улетаетъ,
И смраденъ въ пятнахъ глазамъ нашимъ представляетъ
Себя, кто мало предъ тѣмъ бѣлъ, какъ снѣгъ, казался.
Куды тогда трудъ стиховъ моихъ ужъ дѣвался?
Пойду ль уже чучело искать я другое,
Кому бъ стихи прилѣпить? иль хотя иное
Въ немъ вижу сердце, ему жъ оставя, образу
Себѣ въ людяхъ навлеку, кои больше глазу
Вѣрить станутъ своему, нежель моей бредни,
Не мѣряя доброту по толпѣ въ передни.
Изодравъ тѣ, скажетъ кто, сочини другіе,
Третіе, десятые, какъ-бы намъ такіе
Плыли съ пера безъ труда стихи и безъ поту.
Пусть онъ самъ отвѣдаетъ ту легку работу;
А я знаю, что когда хвалы принимаюсь
Писать, когда, Муза, твой нравъ сломить стараюсь,
Сколько ногти ни грызу, и тру лобъ вспотѣлый,
Съ трудомъ стишка два сплету, да и тѣ не спѣлы,
Жестки, досадны ушамъ, и на тѣ походятъ,
Что по цѣлой азбукѣ святыхъ житья водятъ.
Духъ твой лѣнивъ, и въ зубахъ вязнетъ твое слово
Не забавно, не красно, но сильно, не ново;
А какъ въ нравахъ вредно что̀ усмотрю, умняе
Сама ставши, подъ перомъ стихъ течетъ скоряе.
Тогда я стихотворцемъ самъ себя поздравлю,

И чтецовъ моихъ зѣвать тщетно не заставлю;
Проворенъ, веселъ спѣшу, какъ вождь на побѣду,
Или какъ попъ съ похоронъ къ жирному обѣду.
Любовны пѣсни писать, я чаю, тѣхъ дѣло,
Коихъ столько умъ не спѣлъ, сколько слабо тѣло.
Зря красны губки, душа встрѣтится съ душою,
Которую на краяхъ тѣ носятъ съ собою;
Молочны груди ладонь мою привлекаютъ,
И жарки взгляды моихъ взглядовъ поджидаютъ.
Довольно моихъ поютъ пѣсней и дѣвицы
Чистыя, и отроки, коихъ отъ денницы
До другой невидимо колетъ любви жало.
Шутокъ тѣхъ минулося время, и пристало
Ужъ мнѣ горько каяться, что дни золотые
Такъ непрочно протекли, пиша пѣсни тыя.
Кои въ веснѣ возраста жаркой любви служатъ,
Какъ невольники въ цѣпяхъ, пусть о себѣ тужатъ,
Вина сущи своему безпокойству сами;
Я отвыкъ себя ковать своими руками.
Мнѣ ужъ слѣпое дитя долженъ безпрестанно
Поводы веселія подавать, и странно
Ему, чаю, все то, что къ печали склоняетъ.
Если веселить меня собою не знаетъ,
Тотчасъ съ нимъ разстануся; съ нимъ ужъ водить дружбу
Въ лишни я часы готовъ, но не даюсь въ службу.
Къ чему жъ и индѣ искать печали причину?
Не довольно ли она валится на спину,
Хоть бы ея не искать? если въ мои лѣта
Минувши скрыться не могъ отъ вражья навѣта,

Если счастье было мнѣ мало постоянно;
Я ль одинъ тому примѣръ? — весь свѣтъ непрестанно
Терпитъ отмѣны, и то чудно лишь бы было,
Если бъ мое въ тѣхъ валахъ судно равно плыло.
Теперь счастливо плыву; того съ меня полно.
Забываю прошлое, и какъ мнѣ невольно
Будущее учредить время, такъ и мало
О томъ суечусь, готовъ принять, что ни пало
Изъ руки Всевышняго Царя въ мою долю.
О числѣ моихъ дней жду тихъ Его же волю;
Честна жизнь не трепетна и весела идетъ
Къ неизбѣжному концу, вѣдая, что внидетъ
Тѣми дверьми въ новые вѣки непрестанны,
Гдѣ тишина и покой царствуетъ желанный.
Однимъ словомъ, сатиру лишь писать намъ сродно,
Въ другомъ неудачливы: съ нравомъ же несходно
Моимъ, не писавъ прожить въ лѣности съ тобою.
Каковъ бы мой ни былъ рокъ, смѣлою рукою
Злой нравъ станемъ мы пятнать вездѣ неостудно.
И правда, ужъ того и уняться трудно,
Когда тотъ, кто латынью чуть помазалъ губы,
Хвастаетъ наукою и, оскаливъ зубы,
Смѣется и скучитъ всѣмъ долгими рѣчами,
Мня, что мудрость говоритъ къ намъ его устами;
Когда хлѣбникъ въ золотѣ и цугомъ катится;
Раздутый ужъ матери подъячій стыдится,
И бояръ однихъ въ родню принять ему нравно;
Когда мельникъ, кой съ волосъ стрясъ муку недавно,

Кручинится, и ворчитъ, и жмуритъ глазами,
Что въ палатѣ подняли мухи пыль крылами.
Такимъ однимъ сатира наша быть противна
Можетъ; да ихъ нечего щадить, и не дивна
Мнѣ любовь ихъ, какъ и гнѣвъ ихъ мнѣ страшенъ мало.
Просить у нихъ не хочу, съ ними не пристало
Вестись, чтобъ не почернѣть, касаяся сажи;
Вредить не могутъ тѣ мнѣ, пока въ сильной стражи
Нахожуся матери отечества правой.
А коимъ Богъ чистой духъ далъ, и разумъ здравой,
Беззлобны беззлобные наши стихи взлюбятъ,
И охотно станутъ честь, надѣясь, что сгубятъ,
Можетъ быть, иль уменьшатъ злые людей нравы.
Сколько тѣмъ придастся имъ и пользы и славы.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ САТИРѢ ЧЕТВЕРТОЙ.

Сія сатира издана въ началѣ 1731-го года, въ коей стихотворецъ говоритъ къ Музѣ своей, чтобъ болѣе сатиръ не писать, а между тѣмъ посторон-нимъ образомъ злонравныхъ пятнаетъ.

Ст. 1. *Муза! не пора ли слогъ отмѣнить твой грубый.* Начало взято съ Боалова примѣра, который такъ начинаетъ свою сатиру:

Muse, changeons de stile et quittons la satire,
C'est un mechant metier que celui de médire.

Ст. 13. *Кондратъ.* Вымышленное имя, какъ и слѣдующіе Никонъ, Туллій и прочія.

Ст. 16. *Хуля Клитесовъ нравъ.* Стихотворецъ, подъ именемъ Клитеса, пьяницъ разумѣетъ, какъ въ стихѣ 225-мъ и слѣдующихъ III сатиры.

Ст. 19. *Острожской печати.* Библія на россій-скомъ языкѣ въ первый разъ напечатана въ го-родѣ Острогѣ, повелѣніемъ острожскаго князя Кон-стантина Васильевича, которая хотя гораздо не-исправнѣе изданной въ Москвѣ въ 1663-мъ году, однако суевѣры для древности оную предпочитаютъ.

Ст. 22. *Бороду злословитъ.* Кондратъ всю свою злость устремляетъ противъ 135 и 137-го стиховъ первой сатиры.

Ст. 26. *Что о взяткахъ говоришь.* Смотри са-тиры I, стр. 148, и сатиры III, стр. 113.

Ст. 33. *И стихи, что смѣхъ чтецамъ на губы сажаютъ.* Подражаніе Боаловой сатиры 7-мой, стр. 7, гдѣ онъ пишетъ:

Et le mot pour avoir rejoui le lecteur
A couté bien souvent de larmes à l'auteur.

Ст. 43. *Хромаетъ душою.* Хромые, ступая, обыкновенно припадаютъ на одну которую нибудь ногу; а злонравные, говоря, всей совѣсти не открываютъ, но нѣчто таятъ про себя, какъ-бы короткую совѣсть имѣли.

Ст. 46. *Чтобъ шляпъ не носили маленькихъ.* Въ нынѣшнія времена въ обычай вошло быть злонравнымъ, такъ какъ носить маленькія шляпы. Если ты не можешь вывесть изъ моды маленькихъ шляпъ, то оставь и людей каждаго въ своемъ правѣ.

Ст. 47. *Пастыри душъ.* Разумѣются духовныя власти.

Ст. 50. *Зимой дровъ никто ни дастъ.* Ежели церковные учители противъ злонравныхъ строгость употреблять станутъ, то лишиться могутъ всего потребнаго къ прохладному житью. Дрова зимою, а лѣтомъ ледъ весьма нужны.

Ст. 51. *Ювенала, Персія, Горація.* Всѣ трое были славные римскіе сатирики. Первый родился въ 36-мъ году послѣ Рождества Христова отъ Флакка и Фульвіи, въ 22-е лѣто царства Тиверіева; умеръ на 31-мъ году своего возраста. Второй былъ сынъ неизвѣстнаго отца, и жилъ во время императора Домиціана, отъ котораго сосланъ былъ въ Египетъ за неприличную любовь къ нѣкоторому танцовщику. Третій прославился во время цесаря Августа, у котораго, за превосходный умъ, былъ въ особливой

милости. Зри у Гиралдія въ исторіи стихотворцовъ, и Морерiевъ лексиконъ.

Ст. 54. *Того жъ Боало причастникъ былъ права.* Боало имѣлъ то же право и ту же удачу. Боало Депрео, французскій сатирикъ, родился въ 1637-мъ году, и былъ искусный подражатель древнихъ стихотворцовъ. Главная забава нашего стихотворца состояла въ сатирахъ его и письмахъ, которыя достойны сравняться съ древними. Лудовикъ XIV, король французской, особливо доволенъ будучи его стихами, опредѣлилъ ему жалованья на каждый годъ по 2000 ливровъ (400 рублей), которое онъ получалъ по самую свою смерть, случившуюся въ 1711-мъ году.

Ст. 55. 58. *Что слѣды ихъ топчу.* Что имъ слѣдую и подражаю.

Ст. 57. *Истая Зевсова дочь.* Тебѣ, говоритъ сатирикъ къ Музѣ своей, не можно равняться съ Гораціемъ, Персіемъ, Ювеналомъ и Боало, которыхъ разумъ имѣлъ особливыя дарованія. Ихъ перомъ водила Муза, истинная дщерь Юпитерова; а ты подлинно онаго не дочь, и Память, мать твоя, отъ другого отца тебя родила. Смотри примѣчаніе подъ 8-мъ стихомъ сатиры I.

Зевсъ у древнихъ Грековъ то жъ, что *Юпитеръ* у Римлянъ.

Ст. 66. *Медъ держи на языкѣ.* То есть, весь гнѣвъ твой и злобу скрывай въ сердцѣ, а словами льсти.

Ст. 74. *Тропа та.* Тотъ обычай, чтобъ хвалить злонравнаго человѣка, не новый.

Ст. 88. *Не однажды, какъ сулитъ, словъ тѣхъ Богъ свидѣтель.* Не однажды Бога призываетъ въ свидѣтели при обѣщаніи какой либо помощи или дружбы.

Ст. 94. *Хоть нѣтъ въ спинѣ мѣлу.* Сила сего стиха есть та: хоть нѣтъ на спинѣ знака, мѣломъ начерченнаго. Когда солдатъ въ строю въ чемъ погрѣшитъ во время ученія, то одинъ изъ унтеръ-офицеровъ напишетъ ему на спинѣ крестикъ мѣломъ, въ знакъ должнаго ему за ту вину наказанія.

Ст. 95. *Родъ стиховъ гадкихъ.* Гадкими стихами стихотворецъ называетъ тѣ, въ которыхъ содержится ложная похвала.

Ст. 96, 97 и 98. *Запой въ Амариллиныхъ объятіяхъ.* То есть, пиши эклоги о лѣсахъ, стадахъ, и любви пастуховъ. *Амарилла*, *Ирисъ*, *Титиръ*, *Филенъ* суть имена пастушьи. Въ семъ родѣ стиховъ прославились у Грековъ Ѳеокритъ, у Латинъ Виргилій.

Ст. 105. *И подробно изслѣдуй.* Здѣсь сатирикъ совѣтуетъ Музѣ своей писать элегіи, то есть жалостныя пѣсни, взявъ поводъ отъ своего житія.

Ст. 109. *Новымъ ужъ родомъ стиховъ.* Новымъ нашему сатирику, который до того элегій не писывалъ.

Ст. 117. *Но вижу, Муза, ворчишь* и проч. Отъ сего стиха по 142 есть подражаніе слѣдующихъ Боаловой сатиры 7-мой.

Mais à ce grand effort envain je vous anime:
Je ne puis pour louer rencontrer une rime.
Dès que j'y veux rever, ma veine est aux abois.
J'ai beau frotter mon front, j'ai beau mordre mes doigts;
Je ne puis arracher du creux de ma cervelle
Que des vers plus forcés que ceux de la pucelle.

Ст. 120. *Не нашихъ плечъ бремя.* Хвалить мы не въ силахъ.

Ст. 124. *Въ пятнахъ.* То есть, въ порокахъ.

Ст. 128 и 129. *Иль хотя иное въ немъ вижу сердце.* Когда я похвальные стихи кому пишу, а

онъ между тѣмъ изъ добродѣтельнаго человѣка сдѣлается негоднымъ, въ такомъ случаѣ пристойно ли мнѣ оныя приписать не кстати другому, или первому оставить, хотя уже ему за случившеюся въ нравахъ перемѣною не приличны?

Ст. 132. *Не мѣряя доброту по толпѣ въ передни.* Не мѣряя добродѣтели человѣка по толпѣ ласкателей, которые по всякое утро собираются ему льстить въ его передней. Ласкатели почитають силу человѣка, а народъ вообще хвалитъ добрый нравъ.

Ст. 143. *Что по цѣлой азбукѣ святыхъ житья водятъ.* Нѣкто, прозваніемъ Максимовичъ, стихами описалъ и по азбукѣ расположилъ житія святыхъ печерскихъ. Сія книга напечатана въ Кіевѣ въ листъ, и пальца въ два толщины; однако жъ въ ней, кромѣ именъ святыхъ и Государя Цесаревича Алексѣя Петровича, которому приписана, ничего путнаго не найдешь.

Ст. 151. *Любовны пѣсни писать.* Большую часть стиховъ стихотворецъ прибавилъ въ сію сатиру, будучи въ Парижѣ на 32-мъ году отъ рожденія.

Ст. 153. *Зря красны губки* и проч. Пусть тотъ пишетъ любовные стихи, кто умомъ не зрѣлъ и слабъ тѣломъ; а я инако намѣренъ препровождать опредѣленное для любви время въ забавахъ съ любовницею, которыя ей пріятнѣе стиховъ.

Ст. 157. *Довольно моихъ поютъ пѣсней.* Сатирикъ сочинилъ многія пѣсни, которыя въ Россіи и понынѣ поются.

Ст. 158. *Отъ денницы до другой.* То есть, непрестанно.

Ст. 163. *Въ веснѣ возраста.* То есть, въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ.

Ст. 165. *Пусть о себѣ тужатъ, вина сущи.* Подражаніе слѣдующаго италіянскаго стиха:

Caggion del suo mal pianga se stesso.

Ст. 167. *Слѣпое дитя.* Купидонъ, сынъ Венеринъ, богъ любви, у древнихъ изображался младенцемъ, у котораго глаза завязаны, для того что любовь людей ослѣпляетъ отъ сильнаго дѣйствія страсти того, кто любитъ.

Ст. 171 и 172. *Съ нимъ ужъ водить дружбу.* Я охотно досужные часы на любовь употреблять готовъ, но такимъ образомъ, чтобъ всегда могъ обуздать ту свою страсть, а не такъ, чтобъ ей повиноваться, или какъ рабу исполнять волю своего господина.

Ст. 180. *Въ тѣхъ валахъ.* Въ томъ непрестанномъ теченіи и перемѣнѣ дѣлъ человѣческихъ.

Ст. тотъ же. *Равно.* Всегда въ одинакомъ состояніи; и подлинно чрезвычайно бы было человѣку прожить весь вѣкъ въ непремѣнномъ состояніи, когда всѣ твари въ свѣтѣ перемѣнамъ подвержены.

Ст. 181. *Счастливо плыву.* То есть, препровождаю теченіе жизни.

Ст. 187. *Честна жизнь.* Честный человѣкъ всегда живетъ въ веселіи и безъ страха.

Ст. 188. *Къ неизбѣжному концу.* То есть, къ смерти, которая всѣмъ необходима.

Ст. 189. *Тѣми дверьми въ новые вѣки непрестанны.* Смертію преходимъ въ другую безконечную жизнь, которой по смерти ожидать должны всѣ тѣ, кои о безсмертіи души не сомнѣваются.

Ст. 194. *Каковъ бы мой ни былъ рокъ.* То же самое изобразилъ Горацій въ слѣдующихъ стихахъ книги II, сат. 1, ст. 45.

Seu me tranquilla senectus — —

Expectat, seu mors atris circumvolat alis;
Dives, inops, Romæ, seu sors ita iusserit, exul,
Quisquis erit vitæ, scribam, color.

Ст. 196. *И правда ужъ отъ того и уняться трудно.* Отъ сего стиха по 26 есть подражаніе слѣдующихъ Ювеналовыхъ стиховъ сатиры 1.

Cum tener uxorem ducat spado, Mævia Tuscum
Figat aprum, et nuda teneat vemabula mamma:
Patricios omnes opibus cum provocet unus,
Quo tondente gravis juveni mihi barba sonabat:
Cum pars Niliacæ plebis, cum verna Canopi
Crispinus, Tyrias humero revocante lacernas
Ventilet aestivum digitis sudantibus aurum,
Necsufferre queat majoris pondera gemmæ:
Difficile est Satyram non scribere.

Ст. 211. *Вестись, чтобъ не почернѣть.* Чтобъ чрезъ поврежденіе совѣсти не учиниться имъ подобнымъ.

Ст. 213. *Матери отечества правой.* Императрицы Елисаветы Петровны, Государыни правосудной.

Ст. 216 и 217. *Надѣяся, что сгубятъ* и проч. Злонравнымъ однимъ стихи мои будутъ противны, а добродѣтельные и благоразумные люди оными довольны будутъ, надѣясь, что тѣ стихи истребятъ, или по меньшей мѣрѣ убавятъ число злонравій въ народѣ, и сіе есть прямое намѣреніе сатиръ.

Ст. 218. *Тѣмъ.* Чрезъ то много славы и пользы получатъ добродѣтельные люди, потому что они, читая мои стихи, собою подадутъ примѣръ и прочимъ къ ихъ исправленію.

САТИРА V.

САТИРЪ И ПЕРІЕРГЪ.

—

САТИРЪ.

Сильна Пана воля будь, хоть мнѣ смерть случится,
Не возможно ужъ съ людьми въ городѣ ужиться.
Нравы наши межъ собой чрезъ мѣру различны,
Къ тому жъ уборы ихъ мнѣ совсѣмъ не приличны:
Безпокоятъ чрезъ мѣру. Красотѣ радѣя,
Какъ осла златомъ себя тягчатъ; руки, шея,
Ноги, чресла спутаны: недруги покоя
Зимой отъ стужи, лѣтомъ не кроютъ отъ зноя.
Провалитесь отъ меня тягости златыя
Глупцамъ чтительны, и вы, кудри, накладныя;
Довольно уже страдалъ я въ вашемъ обманѣ.

ПЕРІЕРГЪ.

Ба! что вижу я! Сатиръ въ штанахъ и въ кафтанѣ,
Кривы ноги въ сапогахъ его оказуютъ,
И рога, что̀ теперь вскрылъ; такъ изобразуютъ
Урода наши писцы. Какое то чудо,
Откуду, кто, и куды? испытать не худо.
Позволь мнѣ, буде не въ гнѣвъ, у тебя спроситься,
Кто ты таковъ? откуду, и куды? мнѣ мнится,
По виду чужестранецъ ты: если въ чемъ можно

Услужить, я весь готовъ къ приказамъ не ложно.

САТИРЪ.

Прочь отъ меня не ложно мнѣ къ службѣ готовый,
Ты человѣкъ, знаю я; обманъ сей не новый
Въ вашемъ родѣ; обыкли вы всѣ льстить словами,
И дружбу свою являть устъ лише краями,
Злобны сердцемъ. Оставь мя пожалуй въ покоѣ;
Ничего не требую. — — — — —

ПЕРІЕРГЪ.

— — — — — Неправо худое,
Не знавъ меня, обо мнѣ мнѣніе имѣешь;
Когда мысль мою и нравъ ты уразумѣешь,
Не скажешь, что люди всѣ межъ собою сходны.
Я самъ знаю, что весьма въ нашемъ родѣ плодны
Недостатки, и много есть чего гнушаться;
Люблю жъ добрыхъ, а злыхъ тщусь людей удаляться.
На любопытство мое откройся, какъ другу,
Узришь, что усты сулю и сердцемъ услугу.

САТИРЪ.

Ничего не требую, въ лѣсъ свой возвращаюсь;
Но удовольствую тя, пока раздѣваюсь.
Цѣлый часъ, по милости что̀ зовете моды,
Не станетъ весь вздоръ сей снять; безконечны годы
Жизни вашей чаялъ бы тотъ, кто примѣчаетъ,
Сколько въ бездѣлкахъ часовъ человѣкъ теряетъ.
Проводите утро все, тѣло убирая
И волосы на главѣ, столько жъ скидывая
Платье уйдетъ времени; хоть брюхо довольно

Можно въ четверть насытить, вамъ мнится не полно
Три часа для ужина, столько жъ для обѣда;
Въ бесѣдахъ остатки дня безплодныхъ, сосѣда
Съ вредомъ, или въ забавахъ, какъ вы говорите,
Летятъ; буде случитесь одни, почь всю спите.
Но къ вопросу твоему слово обращаю.
  Сатиромъ меня весь строй мой довольно, чаю,
Являетъ; Панъ славное Пенелопы чадо,
Кой владѣя лѣсами, хранитъ купно стадо,
Пасомое на лугахъ, и благополучны
Браки дѣлаетъ, первый далъ свирѣли звучны
Пастухамъ; царемъ его нашъ родъ почитаетъ,
Веселый съ природы богъ на всякъ день желаетъ
Новой причины къ смѣху; наше того дати
Житье не можетъ въ лѣсахъ. Жизнь мы провождати
Обыкли просту весьма; того лишь желаемъ,
Что намъ сродно, лишностей всякихъ отбѣгаемъ.
Того ради Панъ обыкъ чрезъ всяки три лѣта
Разсылать нѣсколько насъ во всѣ края свѣта,
Всякаго въ различныя мѣста, въ разны грады.
Межъ людьми мы живучи, дѣйствія, обряды,
И нравъ примѣчаемъ всѣхъ; къ нему жъ возвращаясь,
Сказуемъ, онъ слушаетъ съ смѣху надсаждаясь.
Минулось ужъ два года, какъ царскую волю
Исполнять мнѣ череда пришла, въ мою долю
Палъ сей городъ, гдѣ дожить третій годъ нѣтъ силы.

ПЕРІЕРГЪ.

Обычай столько тебѣ сдѣлалъ лѣса милы.

САТИРЪ.

Не лѣсъ милъ, ваше житье мнѣ несносно стало.

ПЕРІЕРГЪ.

Какъ же можешь исполнить во время такъ мало
Указъ царевъ? набралъ ли извѣстій довольно,
Чтобъ его увеселить? Мнѣ мнится, не полно
Ста лѣтъ, чтобъ человѣка вызнать, хоть отчасти
Столь многовидны его суть нравы и страсти.

САТИРЪ.

Вызнать васъ, намѣренье въ умъ мнѣ не входило:
Смѣха причину набрать дѣло мое было,
Въ чемъ довольно преуспѣтъ и мѣсяца много.
Во всѣхъ почти вашихъ нѣтъ поступкахъ иного,
Куда ни вскинешь глаза, нельзя не смѣяться.
Знаю, трудно тебѣ въ томъ со мной соглашаться;
Цвѣты вещей, каковы собой тотъ не воленъ
Видѣть, но желты всѣ мнитъ, кто желтухой боленъ,
Такъ впоенное съ млекомъ мнѣніе неправо
И повадка не даетъ вамъ разсуждать здраво
О состояньи своемъ, о своихъ поступкахъ,
Хоть вы столь близки къ себѣ, что нѣтъ нужды въ трубкахъ.
Человѣкъ, кой ссоръ бѣжитъ, снося брань, побои,
И въ помочь свою зоветъ ноги лише двои,
Благоразсуднымъ у васъ для того бываетъ,
Хоть совѣсть и видъ его трусомъ быть являетъ.

Другой, кой за взглядъ одинъ, за словце неважно
Ищетъ ссоры и драки, и въ малъ часъ отважно
Не щадитъ и саму жизнь, чтобъ вредить другому,
Храбрый мужъ зовется въ васъ, хоть по мнѣ такому
Безмозглаго дурака имя лишь пристало.
Стенонъ, когда въ бесѣдѣ вретъ, что̀ въ умъ ни вспало,
Не дастъ покоя на часъ языку болтливу;
Слыша его, колесо мельницы шумливу
Воду двигать мнится ти въ звучные обраты.
Отъ хохотанья его трясутся палаты;
Рѣчь своя смѣшна, часто и одинъ смѣется;
Руки, такъ какъ и языкъ, куды удается,
Протягаетъ, учтивства и стыда не зная;
Всѣ однако ласково, тщатся, принимая
Стенона къ себѣ привлечь; какъ день не видаютъ,
Сотью спросятъ о немъ, шлютъ, къ себѣ ожидаютъ
Нетерпѣливно его, какъ лучшу забаву,
Нахала сказуя быть веселаго нраву.
Критонъ цѣлы двадцать лѣтъ надъ книгой трудился,
Въ которой древность коньковъ доказать потщился;
Скончавъ, въ преплетѣ златомъ, глупыхъ по совѣту,
Съ похвальною рѣчію приписалъ Дамету,
Который въ малъ часъ прошолъ всю съ края до края,
Одни лишь прилежно въ ней кашки примѣчая.

Кивкомъ главы наградилъ бдѣнія и поты;
Однакъ того Критона, кой столько работы
И столько потратилъ лѣтъ въ дѣлѣ томъ неплодномъ,
И безумно судью книгъ искалъ въ благородномъ,
Мудрецомъ зовете вы, и чтите Дамета
Искуснымъ защитникомъ наукъ въ ваши лѣта.
Наша братья сатиры инакъ разсуждаютъ
О вашихъ дѣлахъ: всѣ въ нихъ точно примѣчаютъ
Обстоятельства, быстро и существо само
Проницаютъ; по тому смѣху вину тамо
Находятъ, гдѣ вы глаза пяля, порожните
Мѣшки похвалъ, и еще мало то быть мните.
Я знаю, что тѣхъ однихъ если бъ описати
Пану, коимъ рокъ меня привелъ работати
Живя съ вами, было бъ чѣмъ весь годъ забавляться.
Въ многихъ домахъ удалось мнѣ у васъ таскаться,
Каждый мѣсяцъ новаго почти господина
Имѣвъ, чему два мои свойства суть причина.
Разговоръ мой такъ, какъ станъ тѣла былъ забавенъ;
Всякому, кто ни встрѣчалъ меня, былъ я нравенъ,
И въ слуги меня тотчасъ охотно примали;
Шуты бо всегда у васъ въ почтеньи бывали,
Но правдолюбивъ къ тому; хвалить мнѣ не можно
Что хульно, не какъ вы; мысль обыкъ осторожно

Таить, и затѣмъ не могъ долго пробыть въ службѣ
Того, кто вызналъ меня: съ правдой вы въ недружбѣ.

ПЕРІЕРГЪ.

Если безпечальну жизнь ты и лѣсъ твой любишь,
На малъ часъ Паномъ меня почти; не погубишь
Труда. Стихотворецъ я, пѣсню въ твою славу
Сочиню, иль рѣчь твою, чтобъ людей ко нраву
Привесть честному, предать потомству потщуся.

САТИРЪ.

Береги свои стихи, о мздѣ не пекуся,
Угождая всякому; вамъ однимъ пристало
Дѣлать изъ награды все, и за словце мало
За кивокъ одинъ, за взглядъ потребны конечно
Дары, поклоны, служба, благодарство вѣчно.
Всю повѣсть мою тебѣ сказать трудно бремя;
Часть скажу, сколько къ тому позволитъ мнѣ время.
Когда Панъ насъ учредилъ уже всѣхъ къ походу.
Всѣхъ въ платье насъ нарядилъ различнаго роду,
И прилежно кудрями прикрылъ наши роги,
Какъ обычай и у васъ, сапогами ноги.
Съ слезами въ глазахъ, въ сердцѣ съ несноснымъ я болемъ
Вышедъ изъ лѣсу, спѣшилъ вдругъ горой и полемъ.
Прибылъ я въ городъ вашъ въ день нѣкой знаменитой;

Пришедъ къ воротамъ, нашелъ, что спитъ какъ убитой
Мужикъ съ ружьемъ, который, какъ потомъ провѣдалъ,
Поставленъ былъ входъ стеречь; еще не обѣдалъ
Тогда народъ, и солнце полкруга небесна
Не пробѣгло, а почти ужъ улица тѣсна
Была отъ лежащихъ тѣлъ. Узрѣвъ то разъ первой,
Чаялъ, что моръ у васъ былъ; да не пахло стервой,
И видѣлъ, что прочіе тѣхъ не отбѣгали
Тѣлъ люди, и многіе изъ нихъ подымали
Руки, ины головы тяжки и румяны;
Не давала слабость ногъ встать; словомъ всѣ пьяны.
Пьяны тѣ, кои лежатъ, прочи не трезвѣе,
Не обильнѣе умомъ, ногами сильнѣе.
Безразсудно часть бѣжитъ, а куда, не знаетъ;
Въ сластолюбныхъ танцахъ часть навозъ разметаетъ,
И прохожихъ мараетъ грязью, упадая,
Сами мерзки; другіе, весь стыдъ забывая,
Тѣлу полну власть даютъ предъ стыдливымъ поломъ,
И тщатся нахаливой рукой, что подоломъ
Скрылъ обычай, обнажить, что и удается.
Шатаясь долго одинъ, напослѣдокъ бьется
Бахусомъ отягощенъ въ стѣну головою,
И кровью ее кропитъ, и въ смѣхъ надъ собою
Приводитъ смотрителей; другой безразсудну

Прю начавъ, съ кѣмъ встрѣтился, сноситъ битву трудну,
И зубы съ виномъ блюетъ изо устъ смердящихъ.
Многихъ вижу внѣ себя двояко слезящихъ,
Лишась отца, сродника, что животъ скончали,
Иль лишнимъ хмѣля ядомъ, иль остріемъ стали,
Пѣсни безстудны и шумъ повсюду безстройный,
Что и глухаго ушамъ были бъ безпокойны;
Словомъ, крайній тамъ мятежъ, безчинство ужасно;
Народъ весь, какъ безъ ума, казался мнѣ властно.
Когда я умъ углубилъ, о томъ разсуждая,
И вину неистовству такому не зная
Сыскать, приступилъ ко мнѣ старикъ сановитый,
Сѣдою красенъ брадой, брюхомъ знаменитый
Пространнымъ; красно лице жиромъ все оплыло;
Чуть видны подъ лбомъ глаза и голосъ унылой.
«Что ты, дружокъ, думаешь, стоя здѣсь безъ дѣла?»
Сказалъ мнѣ, «по платью зрю и по строю тѣла,
Что ты къ работѣ угожъ; буде ты охоту
Имѣешь служить, я дамъ сносную работу;
Мнѣ нуженъ вѣрный слуга, ты доволенъ мною
Будешь безъ лишнихъ трудовъ, будь лишь чистъ душою;
Но напередъ скажи мнѣ, кто ты, и откуду?»
—Службы ищу, отвѣчалъ я, и готовъ буду,
Коли угоденъ тебѣ, служить чистымъ сердцемъ.
Дѣду слѣдуя отецъ мой торговалъ перцемъ,
И богатствомъ сильнымъ былъ въ ближнемъ градѣ знатенъ,
Почтенный всѣмъ жителямъ купецъ и пріятенъ;

И я бы перецъ еще продавалъ, жирѣя
Съ лакомства другихъ, если бъ, о счастьи радѣя
Моемъ, не потерялъ онъ свое безразсудно.
Въ старости уже своей вздумалъ онъ быть студно;
Съ такимъ богатствомъ меня посадскимъ оставить;
Дворянско имя любовь славы мнѣ доставить
Взбудила его; и такъ торгъ кинувъ, отдался
Въ ватаги господскія, гдѣ весь промотался
Въ пирахъ, въ дарахъ, и за паръ потерялъ жаркòе.
Умеръ самъ нищъ, и мнѣ далъ наслѣдство такое,
Какъ ты видишь, что службой принужденъ кормиться,
И сверхъ того собственной нищеты стыдиться.—
Выслушавъ меня, пошолъ онъ, и за собою
Мнѣ велѣлъ итти, горесть щедрою рукою
Мою облегчить хотѣвъ. Когда шли мы къ дому,
Осмѣлился я спросить у него такому
Во градѣ пьянству вину. Старикъ со слезами
Вздохнувъ, отвѣчалъ: “Дитя! не дивись межъ нами
Безпорядку такову; свѣтъ уже сѣдъ таетъ,
Къ концу приближаяся, злой нравъ истребляетъ
Добрую склонность людей, кои сладку чаютъ
Чашу, что чувствамъ манитъ, хоть въ ней ядъ глотаютъ.
Не довольны жъ злобны, быть и такимъ являться,
Злость подъ добродѣтели видомъ укрыть тщатся,
И ту виною своимъ злочинствамъ быть нудятъ,
Какъ хлѣбомъ умерщвляютъ тѣ, что рыбу удятъ.

Предки наши, кои жизнь и святу и честну
Сами водя, и другихъ на стезю небесну
Наставить крайне пеклись, съ прочими уставы
Учредили хвальными къ расширенью славы
Всевышняго посвятить нѣкіе дни года,
Въ кои оставя всю мысль житейску и рода
Того трудны, кои намъ и нашимъ не нужны,
Воздержались отъ злыхъ дѣлъ, межъ собою дружны.
Всякъ человѣкъ въ оны дни долженъ упражняться
Въ дѣлѣ Божіемъ, и пѣть хвалу Богу тщаться
Всякъ обязанъ безъ пола разности и чина:
Такъ святой уставъ ты зришь, чему сталъ причина.
Точно исполняется одна часть закона;
Всяку работу кинетъ отъ вечерня звона,
И тотъ самый, чья жена и малыя дѣти
Наги уже вмѣстѣ съ нимъ должны гладъ терпѣти,
Впрочемъ, церковь иль пуста, иль полна однѣми,
Кои казаться пришли, иль видѣться съ тѣми,
Которыхъ индѣ нельзя видѣть столь свободно.
Молитвы, что попъ ворчитъ, спѣша сумазбродно,
И не зная, что поетъ, чуть кто примѣчаетъ;
Весь день въ безчестныхъ потомъ злочинствахъ летаетъ:
Праздность приводитъ въ умъ то, что вѣкъ бы не вспало
Намъ въ трудахъ, и нудитъ къ злу какъ коня въ бѣгъ жало.

Сегодня одинъ изъ тѣхъ дней святъ Николаю,
Для чего весь городъ пьянъ отъ края до краю.»
Пока старикъ продолжалъ рѣчь свою умильно,
По двумъ причинамъ боговъ прославлялъ я сильно:
Первая, что въ стропотномъ и столь злобномъ градѣ
Добрый, какъ казался, мужъ встрѣтился, мнѣ къ отрадѣ;
Другая, что изъяснилъ онъ мнѣ, что конечно
Я бы угадать не могъ. Хоть бы мозгъ свой вѣчно
Крутить, никогда бы въ умъ не могло мнѣ впасти,
Что въ угодность весь народъ безразсудной страсти
Мнился Бога чтить, виномъ наполняя брюхо,
И шалѣя въ лѣности. Когда Пану въ ухо
Вѣсть та дойдетъ, знаю я, какъ онъ надсѣдаться
Съ смѣху будетъ; да и я принужденъ былъ жаться,
Часто сморкать, и губы искусать до крови,
Видя, что морщить старикъ начиналъ ужъ брови.
Былъ онъ цѣловальникъ, сынъ портнова съ природы,
И въ домѣ у стряпчаго проживъ млады годы,
Плута чинъ несъ на себѣ по праву наслѣдства,
По должности, по данну воспитанью съ дѣтства
Искуснѣйшій въ городѣ. Одно за мной дѣло
Въ службѣ его было лить воду въ вино цѣло.
Какъ скоро бочка съ виномъ стала порожниться,

Нужно было за водой на рѣку тащиться.
Впрочемъ утрени, часовъ, обѣдни, вечерни
Вѣкъ свой онъ не пропущалъ; ни слѣдуя черни
Праздникъ въ пьянствѣ провождалъ, но продавалъ въ будни
Воду, что въ вино вливалъ въ праздникъ по полудни.
Нѣсколько разъ ужъ я ту должность исправляя,
Гнулъ спину и руки теръ; хотѣлъ знать, какая
Причина, что весь народъ воду покупаетъ?
«Куды ты глупъ!» онъ сказалъ; «вѣдь народъ не знаетъ,
Что воду я въ бочки лью, и вино приходитъ,
А не воду покупать, кто въ кружало входитъ.
Вино, являя на всѣхъ скотскіе признаки,
Влечетъ, инакъ бы не зрѣлъ въ домѣ ни собаки.»
Услышавъ то, хохотать я сталъ изъ всей мочи,
И старикъ буры на мя распяливши очи,
«Чему смѣешься?» спросилъ; на что отвѣчаю:
«Не за долго прежъ сего ты самъ, какъ я чаю,
Съ слезами въ глазахъ тужилъ, что народа нравы
Кончиной свѣта грозятъ, что святы уставы
Въ зло употребляются, и ругаясь пьянству,
Изъяснилъ слѣдства того вредныя гражданству;
А ты же причину зла множишь самъ безстудно.
Дрова метая въ огонь, пожаръ гасить трудно.
Слезы, сожалѣніе, хоть бы не притворны,
Къ исправленію людей средства не проворны.
Противиться долженъ злу, отнять всю причину,
И корень самой изсѣчь, кто того кончину

Видѣть хочетъ; безъ того весь свой трудъ погубитъ.
Вино долженъ перевесть, кто пьяныхъ не любитъ;
А ты вино продая, пьяныхъ осужаешь.
Къ тому же вседневно ты народъ весь прельщаешь,
Кой, душѣ вѣря твоей, цѣной покупаетъ
Съ виномъ воду, что съ рѣки даромъ достать знаетъ;
А ты, богомольный мужъ, въ праздникъ по уставу
Молишься, посвятивъ тотъ день въ Божію славу.
Изъ чистыхъ устенъ Тому молитвы лишь внятны;
Больше тѣхъ добры дѣла Ему суть пріятны.
Сколько часто ни молись, Онъ твои обманы
Видитъ, и дастъ тяжкія за то тебѣ раны.»
«Видно,» отвѣчалъ старикъ, «что умъ твой по тѣлу
Грубъ, и не въ людяхъ ты росъ; такъ ты врешь не къ дѣлу.
Кромѣ того, что товаръ дорогъ мнѣ приходитъ
Въ лавку, сколько, знаешь ли, въ подаркахъ исходитъ
Судьѣ, дьяку и писцу, кои пишутъ, правятъ
И крѣпятъ указы мнѣ? и сколько заставятъ
Башмаковъ однихъ избить, пока тѣ достану?
Сколько жъ даромъ испою Сенькѣ да Ивану,
Ходакамъ, и ихъ слугамъ, что и спятъ съ стаканомъ?
Не ужто жъ мнѣ Богъ велитъ торговать съ изъяномъ?»

Вымолвивъ, тотчасъ меня сбилъ съ двора, молебенъ
Обѣщався пѣть, чтобъ Богъ, каковъ мнѣ потребенъ,
Умъ даровалъ, языка отнявъ половину.
Сосѣдъ нашъ былъ знатному слуга господину,
Къ которому въ тотъ же день я присталъ слугою;
Дворецкаго правилъ чинъ съ такою жъ душою,
Какъ прежній хозяинъ мой кладывалъ поклоны.
Знатный его господинъ дворянства законы
И знатность рода храня, вѣкъ не суетился
Знать, что въ домѣ дѣлалось; въ забавахъ лишь тщился
И въ уборахъ провождать дни, мѣсяцы, годы,
Ему оставя верстать съ расходомъ приходы.
Богатъ подданныхъ числомъ, и богатъ землею,
Должниковъ всегда водилъ толпу за собою.
Я господской глупости вначалѣ смѣялся,
Пока большую въ слугѣ глупость быть дознался;
Не доволенъ, что деньги шли чрезъ его руки,
И что изъ сокровищъ часть, безъ опаства муки,
Могъ большую проводить въ свой карманъ искусно;
(Хозяинъ самъ росписи честь думалъ быть гнусно)
Не доволенъ, что жена, и дѣти, и внуки
Въ парчѣ ходятъ; домъ въ Москвѣ, домъ, гдѣ бы отъ скуки
За городомъ погулять, и оба пышнѣе,
И что не въ долгъ строены, хозяйскихъ прочнѣе;

Несчетныхъ и малую богатствъ его долю
Спрятавъ въ свой сундукъ, пустить не хочетъ на волю;
Беретъ въ домъ всякой припасъ, нужной господину
Иль дорого, или въ долгъ; большу жъ половину
Безвѣстно переносилъ въ домъ свой, и оттуду
Въ лавку, гдѣ купленъ припасъ. На всякій день груду
Мяса съ поварни, стклянокъ изъ погреба кучи,
Изъ амбаровъ хлѣбъ такимъ образомъ, какъ тучи
Морскія воды въ морѣ, кругомъ водить тщился.
Къ сему дѣлу съ прочими я ему годился;
Но вѣкъ его не могли плутни утаиться.
(Постигнетъ злодѣевъ казнь, хоть хрома тащится.)
Пойманъ въ кражѣ, обнаженъ богатствъ похищенныхъ,
И видѣлъ я ужъ съ сумой дѣтей разоренныхъ,
Какъ хлѣба просятъ они, въ лоскутахъ обшитыхъ.
Я одинъ изъ числа слугъ его съ двора сбитыхъ
Къ Хирону (такъ знатнаго звали господина)
Въ домъ принятъ, что былъ я той премѣны причина.
Бездѣтенъ, и безъ жены съ деревню палаты
Хиронъ имѣлъ, и еще мнились тѣсноваты;
Хоть платьемъ цѣлые три набиты чуланы,
На всякій день новые шилъ себѣ кафтаны;
Пространный столъ, что семьѣ поповской съѣсть трудно,

Въ тридцать блюдъ, еще ему мнилось яство скудно.
Народъ весь зная того въ государствѣ силу,
По утру сквозь тѣсныя передни на силу
Къ нему кто-кто доступалъ; просьбы и поклоны
Какъ Юпитеръ принималъ, и кивкомъ на оны
Однимъ весь отвѣтъ давалъ, иль власть свою чая
Кѣмъ являть, или, какъ мню, говорить не зная;
Отродокъ бо глупости гордость есть конечно.
И подлинно, Хиронъ мой завирался вѣчно,
Не смысля, бѣдный, двухъ словъ сказать къ дѣлу складно;
Однако жъ толпа льстецовъ, кои изъ рукъ жадно
Рвали сытные куски, и большихъ желали,
Лишь отворитъ ротъ, глаза распяливъ зѣвали;
Всяку рѣчь, сколь ни глупа, хвалить насажались;
Смутны по его лицу, или улыбались;
Готовы, если бъ то онъ сказать былъ намѣренъ,
Признать, что сажа бѣла и снѣгъ собой черенъ.
Была ль смѣху, самъ суди, довольна причина,
Примѣчая иль гостей, или господина?
Но сей большу подалъ мнѣ, когда въ кратко время
Плѣшиво счастье ему показало темя.
Хиронъ, кой дворецкаго своего недавно
За кражу зло наказалъ, желая жить славно,
И мало зная свои сберегать доходы,
Чужимъ добромъ дополнялъ лишніе расходы:

Вв҃ѣренну царску казну грабилъ, полнъ надежды,
Что онъ лишь уменъ одинъ, прочіе жъ невѣжды.
Распознавать дѣлъ его или не умѣютъ,
Иль силы его страшась объявлять не смѣютъ.
Ѣздокъ, кой въ землѣ ему прежде неизвѣстной,
Видитъ на пути своемъ лѣсъ вкругъ себя тѣсной,
Рѣки, болота, гòры и страшны стремнины,
И оставя битой путь, спѣшитъ въ пути ины,
И заблуждается тамъ, гдѣ меньше онъ чаетъ
Трудностей, и наконецъ погибель встрѣчаетъ;
Такъ въ теченіи житья, гдѣ предлежатъ многи
Бѣдства и страхъ, гинетъ тотъ конечно, кто ноги
Сведетъ съ пути, на коемъ разставила вѣхи
Добродѣтель, сгладивъ всѣ опасны помѣхи.
Хиронъ оную презрѣлъ, и казнь зла наспѣла;
Вдругъ съ богатствомъ вся его слава улетѣла,
И какъ прежде презиралъ весь свѣтъ подъ собою,
Такъ предъ всѣми ползалъ ужъ низокъ, головою
Землю бья, и подлыми поступки безстудно
Ища милости у всѣхъ. Слаба душа трудно
Средину можетъ держать; въ свѣтлый день гордится
Чрезчуръ, и подла чрезчуръ, какъ небо затмится.
Изъ друговъ Хирону былъ Менандръ всѣхъ любѣе,
Не для того, что ему мнился всѣхъ умнѣе
И зналъ лучшіе во всемъ подавать совѣты,
Но къ любовницамъ носилъ письма и отвѣты,
И ночныя устроялъ всѣ его забавы.

Дворянинъ былъ, не холопъ, хоть не имѣлъ славы,
И по должности своей тѣмъ быть не стыдился
Доволенъ, что всякъ къ нему съ подаркомъ тащился,
Кто у Хирона достать милость былъ намѣренъ.
Такъ честь презирается, когда не умѣренъ
Имѣнія властвуетъ гладъ въ корыстныхъ грудяхъ.
Къ тому жъ Менандръ (рѣдко бо злонравіе въ людяхъ
Найдешь безъ пары одно) сколь лакомствомъ гнусенъ,
Столь неблагодаренъ былъ. Хирономъ искусенъ
Пользоваться въ счастіи того, какъ настала
Премѣна, какъбы съ нимъ вѣкъ дружба не бывала,
Бѣжалъ его, все забывъ, добро и заслуги,
Какъ обыкли вы бѣжать липчивы недуги.
Онъ Хирона больше всѣхъ укорялъ за глупость,
За гордость, и какой ему не свой порокъ, скупость,
Обнародивъ все, что тотъ объявлялъ за тайну
Какъ другу, а тѣмъ его велъ въ погибель крайну,
Поступокъ гнушенія не меньше, нежъ смѣха
Достойный. Всѣхъ благихъ дѣлъ главная помѣха
Неблагодарство вредитъ тому, кто являетъ,
А для него и тому, кто претерпѣваетъ.
Скоро утомляются добро дѣлать люди,
Сколь награжденье, что ждутъ, велико ни буди;
Суди жъ, когда въ Менандрѣ сходномъ примѣчаютъ,

Что виноградъ насадивъ, терніе ращаютъ?
Не имѣютъ ли совсѣмъ заткнуть свои уши
Къ плачу бѣдныхъ, чьи къ деньгамъ ненасытны души.
Менандровъ я бывъ слуга, ему утаити
Не хотѣлъ, сколь нравъ его мнѣ казался быти
Вреденъ ему и другимъ; но рѣчь презирая
Мою, не знаешь, сказалъ, ты, въ людяхъ какая
Дорога къ счастью ведетъ. Есть ли хвалить буду
Хирона, или бѣды за то не избуду,
Иль тѣхъ дружбы, что̀ его на мѣсто засѣли,
Вѣкъ не добьюсь. Хирона уже улетѣли
Свѣтлые дни; нечего отъ него ужъ ждати;
Выжавъ сокъ весь, лимонъ мы обыкли бросати.
И не худо разсуждалъ; съ такими рѣчами,
Съ такимъ поступкомъ Менандръ полными руками
Встрѣченъ отъ наслѣдника Хироновой власти;
Кой слушалъ его хулы, какъ бы самъ вѣкъ пасти
Не могъ, ни могла бъ быть рѣчь Менандра подобна
И объ немъ; столь мысль людей прельщаться удобна.
Сей новый Менандровъ другъ Ксенонъ назывался,
Коему и власть и чинъ высокій достался
Въ двадцать лѣтъ, юность когда и въ уздѣ ретива.
Сего уже разнуздавъ богиня плѣшива,
Ты самъ суди, какъ съ одной рыскалъ на другую
Пропасть, потерявъ совсѣмъ дорогу прямую.

Часто смотря на него надсажался съ смѣху,
Хоть меня шутомъ Менандръ ему далъ въ утѣху.
Не умѣренъ въ похоти, самолюбивъ, тщетной
Славы рабъ, а больше тѣмъ невѣжа примѣтной;
На ловлѣ съ младенчества воспитанъ съ псарями,
Вѣкъ ни чему не учась, смѣлыми словами
И дерзкимъ лицемъ о всемъ хотѣлъ разсуждати,
(Какъ бы знанье съ властію раздѣльно бывати
Не могло) всѣмъ свой совѣтъ онъ предпочитая,
И почтенныхъ сѣдиной молчать заставляя,
Хотя искусъ требуетъ и труды и лѣта.

ПЕРІЕРГЪ.

Довольно объ немъ; одна та его примѣта
Дуракомъ кажетъ. Свое кто вѣкъ почитаетъ
Мнѣніе лучшимъ, въ томъ лбу смыслъ не обитаетъ.
Скажи, гдѣ по немъ служилъ, и что ты примѣтилъ?

САТИРЪ.

Какъ отъ Ксенона отсталъ, Милонъ меня встрѣтилъ,
Не убогой гражданинъ, кой зналася со мною,
Когда еще я вино разводилъ съ водою.
Наскучило уже мнѣ жить въ господскомъ домѣ,
Гдѣ счастье людей растетъ на слабой соломѣ,
И гдѣ долженъ всякій день быть досадъ свидѣтель,
Которыя безвинна терпитъ добродѣтель,
Гдѣ безъ шуму и безъ лжи часъ нельзя пробыти.
Тѣмъ Милону радъ я былъ, и въ службу вступити
Его столь скорѣй спѣшилъ, что мужъ онъ казался

Всему свѣту тихъ и святъ; да въ сѣть я попался.
Прожилъ я съ нимъ пять недѣлъ, одинъ во всемъ домѣ
Слуга худо кормленный, и спя на соломѣ.
Дѣвка въ поварнѣ одна; я съ утра до ночи
Пятерымъ хозяевамъ служа со всей мочи,
Надсажался; и снесъ бы трудъ, если бъ стерпѣти
Могъ стропотной семьи нравъ; но жена и дѣти,
И самъ Милонъ часъ пробыть безъ шуму не сильны,
И столь яры у себя, сколь въ людяхъ умильны;
Мала вещь, мало словце имъ причина ссоры,
И крикъ межъ собой несутъ, что дрожатъ подпоры
И стѣны дома. Добро, если бъ межъ собою
Ссорясь, въ трудахъ дали мнѣ нѣсколько покою.
Но та бѣда, ссоры ихъ всегда такъ кончались,
Что тучи надъ головой моей разрывались:
Какъбы долженъ за всю ихъ шалость отвѣчати
Я одинъ, и вины ихъ казнь претерпѣвати.
Однажды въ избу я вшедъ, нашолъ всю въ соборѣ
Семью, горитъ куча свѣчъ, попъ въ святомъ уборѣ
Сказалъ въ себѣ: Господа собрались молиться,
Посмотрю, страху тутъ нѣтъ, чтобъ могли браниться.
Но въ тотъ самый часъ одинъ изъ дѣтей, не знаю,

Зачѣмъ пошедъ, матерній платокъ, кой при краю
Лежалъ стола, уронилъ. Буря тотчасъ встала;
Отецъ сперва, потомъ мать волноваться стала,
И молитвы, и кресты, и земны поклоны
Различно сына ругать не даютъ препоны;
Винный извиняется, братья заступаютъ
Ворча, слово за слово ссору подымаютъ,
Шумъ и громъ: ужъ не слыхать ни чтенья, ни пѣву.
Попъ, видя, что ужъ пришло дѣло не къ издѣву,
Спѣшитъ утолять огонь. Ему подражая
И я прошу перестать, вину представляя
Распри маловажну быть, и что тутъ къ молитвѣ,
Гдѣ любовь нужна, сошлись, не къ брани и битвѣ:
Но вдругъ вижу, что свѣчи и книги летаютъ;
На попѣ ужъ борода и кудри пылаютъ,
И туша кричитъ, бѣжитъ въ ризахъ изъ палаты.
Хозяинъ за мой совѣтъ мнѣ, вмѣсто уплаты,
Налоемъ въ спину стрѣльнулъ; я съ лѣстницъ скатился;
Не знаю, какъ только цѣлъ внизу очутился.
Спадшіе кудри мои тотчасъ схвативъ, роги
Прикрылъ, и ударился безъ оглядки въ ноги.
Слѣдовалъ я въ домъ поповъ, - былъ ему слугою.
Да что рѣчь распространять втунѣ предъ тобою
То сего, то другого ставя господина?
Куда ни вскинь, я сказалъ, глазъ, вездѣ причина

Смѣху довольна у васъ. Одинъ безразсудно
Мечетъ горстью полною то, что отецъ трудно
Досталъ богатство ему, и поздно ужъ плачетъ
Недостатки чувствуя. Другой крѣпко прячетъ
Кучу денегъ, и надъ ней съ гладу помираетъ;
Что ни вложитъ кусокъ въ ротъ, то цѣну считаетъ.
Какъ въ красавицу, иной влюбившися въ славу
И покой, и всякій страхъ презрѣвши, въ кроваву
Бѣжитъ битву, гдѣ иль глазъ оставитъ иль ногу;
Кривъ и хромъ, топчетъ еще и къ смерти дорогу;
Веселъ, что печатныя собою онъ вѣсти
Наполнивъ, по смерти житъ будетъ вѣковъ съ двѣсти.
Хвально идетъ, кто спѣшитъ къ должности усердо,
И кто за отечество жизнь полагаетъ твердо;
Память его честна быть ввѣки заслужила.
Но о комъ я говорю, не та его сила
Въ бой тянетъ; съ ума сошедъ голой, славы ищетъ
Безплодно, и безъ узды конь ретивый рыщетъ.
Старикъ безъ зубъ жаркую и возраста въ цвѣтѣ
Жену взявши, коей ужъ сосѣдъ на примѣтѣ
Прежде свадьбы, гнусная причина бываетъ,
Что старика пальцомъ всякъ казавъ осмѣваетъ.
Что чужіе звать его будутъ отцомъ дѣти.
Другой, удаляяся браку, любви въ сѣти
Не умнѣе впутался, завсегда вздыхаетъ,
Ночь цѣлую не спитъ, съ глазъ, съ ума не спускаетъ

Причину язвы своей, веселъ, скорбенъ сряду;
Зависитъ покой его отъ словца, отъ взгляду;
Сѣдые кудри свои холитъ, вьетъ и мажетъ,
Цвѣтными до пятъ себя тесьмами развяжетъ,
Пѣсни пишетъ и поетъ; сгорбясь танцы водитъ;
Въ дарахъ не одинъ мѣшокъ въ недѣлю исходитъ.
Ирисъ ту же сотерымъ любовь сулитъ вѣрну,
Умильно на сотерыхъ зѣницу та черну
Хитро вскинетъ, и крайкомъ устъ пріулыбнется;
Всѣ видятъ обманъ, одинъ онъ какъ мышка гнется
Въ когтяхъ кошки, но себѣ льститъ, собой доволенъ.
Макринъ весь жолтъ, ужъ оплылъ, водяною боленъ,
Все утро безъ отдыху съ врачами проводитъ,
Куча зелій ему въ ротъ разныхъ, что день, входитъ,
Лишней яствы, воздуха остраго боится:
Но повсядневно Макринъ мертовъ пьянъ ложится.
Молодчикъ собой, богатъ, съ богатымъ приданымъ
Беретъ бабу въ сорокъ лѣтъ, и та несказаннымъ
Самовластіемъ его и домъ его правитъ,
И часто молчать, дрожать предъ собой заставитъ.
Единородный отцу сынъ, кой ожидаетъ
Наслѣдства обильнаго, покой презираетъ,
И съ зарею вставъ, бѣжитъ развозить поклоны,
Господину и слугѣ обще снося оны,
Чтобъ могъ письменъ нѣсколько къ своему прибавить

Имени, и шапку снять предъ собой заставитъ
Подлый народъ; часто жъ вѣкъ тщетою надежды
Кормится. Иной, любя блистанье одежды,
Тягчитъ всегда плоть свою вредительнымъ златомъ,
Чая, что глупецъ не глупъ ужъ въ платьѣ богатомъ.
Мѣщанинъ весь въ золотѣ съ двора не съѣзжаетъ
Безъ цуга, и толпу слугъ за собой таскаетъ
Расшитыхъ тесемками по цвѣтамъ печати,
Что прежъ сего вывѣска была больше кстати.
Въ огромномъ домѣ, и полъ и стѣны золотитъ;
За роспись пустыхъ именъ кучу денегъ платитъ;
Ложныхъ предковъ всѣ дѣла исчислять не слаба
Его память; дуется, пока треснетъ жаба.
Болваномъ Макаръ вчера казался народу,
Годенъ лишь дрова рубить, или тоскать воду;
О безуміи его худая шла повѣсть,
Углемъ чернымъ всякъ пятналъ его плоху совѣсть.
Улыбнулося тому жъ счастіе Макару,
И сегодни временщикъ: ужъ онъ всѣмъ подъ пару
Честнымъ, знатнымъ, искуснымъ людямъ становится,
Всякъ уму наперерывъ чудному дивится,
Сколько пользы отъ него царство ждать имѣетъ.
Поправить взглядомъ однимъ все легко умѣетъ,
Чѣмъ бывшій глупецъ предъ нимъ народъ весь озлобилъ;

Богъ въ благополучіе ваше его собилъ.
Зависть мучитъ между тѣмъ многихъ, коимъ мнится
Себѣ то пристойнѣе мѣсто, и трудится
Не одинъ Макара сбить изъ чужаго мѣста.
Царско ухо всякому завидна невѣста
Пенелопа кажется; женихи толпою
За ней бѣгутъ, и купить ее хоть душою
Склонность рады всѣ. Макаръ скоро поскользнулся
На льду скользкомъ; день его свѣтлый столь минулся
Спѣшно, сколь спѣшно насталъ; въ прежню вдругорь сходитъ
Глупость свою, и съ стыдомъ въ печали проводитъ
Достальную бѣдно жизнь между соболями.
Кои на мѣсто его спѣшатъ, ждутъ и сами
Того же року себѣ; однако жъ пихаетъ
Другъ друга, и напрерывъ туда поспѣшаетъ.
Видѣлъ я столѣтняго старика въ постели,
Въ которомъ лѣта весь видъ человѣка съѣли,
И на трупъ больше похожъ; на бороду плюетъ,
Однако жъ дряхлой рукой и въ очкахъ рисуетъ:
Что такое? вѣдь не гробъ, чтобы ему кстати;
Съ огородомъ пышный домъ, гдѣ бъ въ лѣто гуляти.
А другой видя, что смерть грозитъ ужъ косою,
Ни мысля, что̀ сдѣлаться имѣетъ съ душою,
Хоть чуть видятъ слабые бумагу ужъ взгляды,
Начнетъ писать похоронъ своихъ всѣ обряды,

Сколько архипастырей, поповъ и причету
Предъ гробомъ церковнаго, и сколько по счету
Пойдетъ за гробомъ родни съ горькими слезами,
Съ какими и сколькими провожать свѣчами,
Гдѣ зарыть, и какой гробъ, лампаду златую
Свѣсить, или серебряну, и надпись какую
Сочинить, чтобъ всякому давалъ знать слогъ внятный,
Что лежащій подъ ней прахъ былъ господинъ знатный.

Несчетныхъ страстей рабы, отъ дѣтства до гроба
Гордость, зависть мучитъ васъ, лакомство и злоба,
Съ самолюбіемъ вещей тщетныхъ гнусна воля;
Къ свободѣ охотники, впилась въ васъ неволя.
Такъ какъ легкое перо, коимъ вѣтръ играетъ,
Летуча и различна мысль ваша бываетъ.
То богатства ищете, то деньги мѣшаютъ,
То грустно быть одному, то люди скучаютъ;
Не знаете сами, что хотѣть; теперь тое
Хвалите, потòмъ сіе, съ мѣста на другое
Перебегая мѣсто, и, что паче дивно,
Вдругъ одно желаніе другому противно.

Малый въ лѣто муравей потѣетъ, томится,
Зерно за зерномъ таща, и наполнить тщится
Свой амбаръ; когда же міръ унывать безплоденъ,
Мразами начнетъ, съ гнѣзда станетъ неисходенъ,
Въ зиму наслаждаяся тѣмъ, что нажилъ лѣтомъ.
А вы, что мнитесь ума одаренны свѣтомъ,
Въ темнотѣ вѣкъ бродите; не въ время прилежны,

Въ ненужномъ потѣете, а въ потребномъ лежни.
Коротокъ жизни предѣлъ, велики затѣи,
Своей сами тишинѣ глупые злодѣи,
Состояніемъ своимъ всегда недовольны.
Купецъ, у кого амбаръ и сундуки полны
Богатствъ всякихъ, и можетъ жить себѣ въ покоѣ
И въ довольствѣ, вотъ не спитъ и мыслитъ иное,
Думая, какъбы ему сдѣлаться судьею:
Куда-де хорошо быть въ людяхъ головою.
И чтятъ тебя, и даютъ, постою не знаешь;
Много ль, мало ль для себя всегда собираешь.
Ставъ судьею, ужъ купцу не мало завидитъ,
Когда, по несчастію, пусто въ мѣшкѣ видитъ,
И слыша просителей у дверей вздыхати,
Долженъ встать не выспавшись съ теплыя кровати.
Боже мой! говоритъ онъ, что я не посадской?
Чортъ бы взялъ и чинъ и честь, въ коихъ животъ адской.

Пахарь, соху ведучи, иль оброкъ считая:
Не однажды привздохнетъ, слезы отирая:
За что̀-де меня Творецъ не сдѣлалъ солдатомъ:
Не ходилъ бы въ сѣрякѣ, но въ платьѣ богатомъ,
Зналъ бы лишь одно свое ружье да капрала,
На правежѣ бы нога моя не стояла,
Для меня бъ свинья моя только поросилась,
Съ коровы мнѣ бъ молоко, мнѣ бъ куря носилась;
А то все прикащицѣ, стряпчицѣ, княгинѣ

Понеси въ поклонъ, а самъ жирѣй на мякинѣ.
Пришелъ поборъ, пахаря вписали въ солдаты,
Не однажды дымные вспомнитъ ужъ палаты,
Проклинаетъ жизнь свою въ зеленомъ кафтанѣ,
Десятью заплачетъ въ день по сѣромъ жупанѣ·
Толь не житье было мнѣ, говоритъ, въ крестьянствѣ?
Правда, тогда не ходилъ я въ такомъ убранствѣ;
Да лѣтомъ въ подклѣтѣ я, на печи зимою
Сыпалъ, въ дождикъ, изъ избы я вонъ ни ногою;
Заплачу подушное, оброкъ господину,
Какую жъ больше найду я тужить причину?
Щей горшокъ, да самъ большой, хозяинъ я дома,
Хлѣба у меня чрезъ годъ, а скотамъ солома,
Дальна ѣзда мнѣ была съѣздить въ торгъ для соли
Иль въ праздникъ пойти въ село, и то съ доброй воли:
А теперь чортъ, не житье, волочись по свѣту,
Все бы рубашка бѣла, а вымыть чѣмъ нѣту;
Ходи въ штанахъ, возися за ружьемъ пострѣлымъ,
И гдѣ до смерти всѣхъ бьютъ, надобно быть смѣлымъ.
Ни выспаться нѣкогда, часто нѣтъ, что̀ кушать,
Няражать мнѣ все собой, а сотерыхъ слушать.
Чернецъ тотъ, кой день назадъ чрезмѣрну охоту
Имѣлъ ходить въ клобукѣ, и всяку работу
Къ церкви легку сказывалъ, прося со слезами,
Чтобъ и онъ съ небесными былъ въ счетѣ чинами,

Сегодни не то поетъ: радъ бы скинуть рясу,
Скучили ужъ сухари, полетѣлъ бы къ мясу;
Радъ къ чорту въ товарищи, лишь бы бѣльцомъ быти,
Нѣтъ мочи ужъ ангеломъ въ слабомъ тѣлѣ слыти.

Въ долгой рѣчи малую страстей вашихъ долю,
Исчелъ я тебѣ, твою исполняя волю;
Совершенно описать, смысленныя твари
Сколь глупы, смѣшны собой, смотрѣнны безъ хари,
Года мало. Повѣрь мнѣ, довольно съ собою
Несу, долго чѣмъ смѣшить царя и съ ордою.
Да солнце ужъ начало за гору скрываться;
Я раздѣтъ, прощай, пора мнѣ съ тобой разстаться.
Рѣчь мою про себя крой, буде въ ней какую
Пользу чаешь; не ищи употреблять тую
Къ исправленію людей: мала къ тому сила
Наша съ тобой; исправитъ горбатыхъ могила.

—

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ САТИРѢ ПЯТОЙ.

Стихотворецъ предъ отъѣздомъ своимъ въ чужіе краи, сочиняя сію сатиру, намѣренъ былъ подражать осьмой Боаловой, которая написана *на человѣка;* но потомъ усмотрѣвъ, что она почти вся состоитъ изъ рѣчей французскаго сатирика, и выбравъ изъ нея нѣсколько пристойныхъ стиховъ, издалъ сію пятую сатиру въ Лондонѣ въ 1737-мъ году. Намѣреніе его было описать въ ней смѣха достойныя человѣческія страсти, какъ самъ изъявляетъ отъ стиха 78-го по 81.

Писана она разговоромъ между *Сатиромъ* и *Періергомъ*, то есть, *любопытнымъ.* Откуда тотъ Сатиръ, какъ тутъ введенъ, и за чѣмъ, самъ изъясняетъ отъ 50-го стиха по 69. Здѣсь довольно знать только то, что Сатиры, по баснословію древнихъ, суть родъ лѣсныхъ полубоговъ, которыхъ тѣло отъ пояса внизъ козлиное, а вверхъ человѣческое, съ рогами и обыкновенными ушами. Стихотворцы описываютъ Сатировъ смѣшливыхъ и сластолюбивыхъ.

Ст. 1. *Сильна Пана.* Панъ, богъ лѣсовъ и начальникъ Сатировъ. Смотри о немъ отъ стиха 50-го по 55.

Ст. тотъ же. *Хоть мнѣ смерть случится. Хотя бы Панъ велѣлъ меня лишить жизни.* Сатиры, Фауны

и Сильваны не были безсмертны, но только долгую жизнь имѣли. Смотри у Гиралдія въ Исторіи боговъ томъ 1, столбецъ 43.

Ст. 5. *Красотѣ радѣя.* О людяхъ говоритъ.

Ст. 6 и 7. *Руки, шея, ноги, чресла спутаны.* Руки запонками, шея галстухомъ, ноги подвязками и башмаками спутаны.

Ст. 9. *Тягости златыя.* Такъ богатое платье называетъ Сатиръ.

Ст. 10. *Кудри накладныя.* Разумѣется парикъ.

Ст. 15. *Наши писцы.* То есть, живописцы или маляры.

Ст. 17. *Позволь мнѣ, буде не въ гнѣвъ.* Тутъ Періергъ начинаетъ съ Сатиромъ говорить.

Ст. 23. *Въ нашемъ родѣ.* То есть, въ человѣческомъ.

Ст. 37. *Моды.* Слово Французское *Mode*, просто называется *Поветрьемъ.* Смотри примѣчаніе въ сатирѣ 2, подъ стихомъ 159-мъ.

Ст. 38. *Вздоръ сей.* О платьѣ говоритъ.

Ст. 46. *Сосѣда съ вредомъ.* Поколику въ разговорахъ другихъ пересуждаете.

Ст. 48. *Одни, ночь всю спите.* Для того, что съ товарищемъ разнаго пола не вся ночь во снѣ проходитъ.

Ст. 51. *Панъ.* Богъ лѣсной, инако *Сильваномъ* отъ стихотворцевъ нерѣдко называемый сынъ Пенелопы. По баснословію древнихъ, обладалъ онъ всѣми Сатирами, лѣсами, садами, и присутствовалъ при брачныхъ союзахъ. Онъ же изобрѣлъ дудку.

Ст. 85. *Вліянное съ млекомъ.* Вперенное въ мысль нашу чрезъ воспитаніе издѣтства. Горацій изрядно

полагаетъ причиною нашихъ нравовъ воспитанiе, говоря такъ:
Quo semel est imbuta recens, servabit odorem Olla diu. То есть, *чѣмъ новой горшокъ нальешь, долго пахнуть будетъ.*

Ст. 88. *Нѣтъ нужды въ трубкахъ.* То есть, зрительныхъ, чрезъ кои отдаленныя вещи ясно разсматриваемъ и различаемъ.

Ст. 90. *Ноги лише двои.* Которыми отъ ссоръ и дракъ прочь бѣжитъ.

Ст. 100 и 101. *Слыша его, колесо мельницы въ звучные обраты.* Такъ онъ громко и непрестанно говоритъ, что, слыша его кажется, будто вода съ шумомъ бьетъ въ мельничное колесо, которое обращается съ сильнымъ звукомъ.

Ст. 103. *Рѣчь своя смѣшна, часто и одинъ смѣется.* Самъ своимъ словамъ, какъ бы весьма забавнымъ, смѣется, и часто наединѣ смѣется, потому что слушатели никакой забавы въ нихъ не находятъ.

Ст. 104. *Руки протягаетъ.* Продерзкаго руки вольны, которой оныя протягаетъ безъ стыда ко всѣмъ недозволеннымъ мѣстамъ.

Ст. 108. *Шлютъ.* Разумѣется, *за нимъ.*

Ст. 112. *Древность коньковъ.* На которыхъ по льду катаемся. Коньки употреблены здѣсь вмѣсто всякой неважной вещи, къ испытанiю которой приложенный трудъ суетенъ бываетъ.

Ст. 117. *Наградилъ бдѣнiя и поты.* Заплативъ за всѣ Критоновы труды однимъ кивкомъ головы, или малымъ поклонцемъ.

Ст. 120. *Судью книгъ искалъ въ благородномъ.* Надѣялся, что дворянинъ изрядно разсуждать умѣетъ о добротѣ книгъ.

Ст. 127. *Глаза пяля.* Удивляющіеся какой нибудь вещи весьма прилежно, какъ говорятъ, выпучивъ или выпяливъ глаза, на нее смотрятъ.

Ст. 144. *Паномъ меня почти.* Думай, что я Панъ, царь твой, и разкажи мнѣ о тѣхъ, коимъ ты служилъ, живучи обще съ людьми.

Ст. 146 и 147. *Рѣчь твою предать потомству потщуся.* То есть, исторія твоя послужитъ къ исправленію худыхъ нравовъ позднихъ потомковъ.

Ст. 149 по 159. *Вамъ однимъ пристало.* Неблагодарные, кои благодѣянія полученныя забываютъ, суть безчестны; но тѣ еще безчестнѣе, которые за учиненныя благодѣянія, а наипаче за малую услугу, требуютъ великаго возмездія; ибо великодушнаго дѣло оказанное добро забывать и помнить обиду, чтобъ оную исправить.

Ст. 158. *Какъ обычай и у васъ. Рогатыми* называютъ тѣхъ, коихъ жена въ обѣщаніяхъ брачныхъ не вѣрна.

Ст. 162 и 163. *Что спитъ какъ убитый мужикъ.* Пренебреженіе должности, бывающее отъ пьянства, сверхъ прочихъ отъ онаго происходящихъ худыхъ слѣдствій, весьма вредительно гражданству. Примѣръ сего сатирикъ показываетъ здѣсь въ караульщикѣ, который поставленъ стеречь входящихъ въ городъ, но за пьянствомъ спитъ, не зная, кто въ оный входитъ.

Ст. 165. *И солнце полкруга небесна не пробѣгло.* Значитъ, что еще не было полудня.

Ст. 171. *Тяжки и румяны.* Каковы бываютъ головы у пьяныхъ. Прилагательное *румяны* употреблено для того, чтобъ показать, что тѣ тѣла не мертвыя.

Ст. 174. *Ногами сильнѣе.* Нѣсколько еще бродить могутъ и съ хмѣлю еще не падаютъ.

Ст. 177. *И прохожихъ мараетъ грязью.* Падая и шатаясь, брызгаетъ на мимо идущихъ грязью.

Ст. 179. *Тѣлу полну власть даютъ.* Всѣ тѣлесныя дѣйствія исполняютъ безъ всякаго воздержанія.

Ст. тотъ же. *Предъ стыдливымъ поломъ.* То есть, предъ женскимъ.

Ст. 183. *Бахусомъ отягощенъ.* Вмѣсто: виномъ безмѣрно упоенъ. Бахусъ, Юпитеровъ сынъ, у баснословцевъ почитается за бога винограда и пьянства.

Ст. 187. *И зубы съ виномъ блюетъ.* Изрыгаетъ выбитые въ пьянствѣ зубы.

Ст. 188. *Внѣ себя двояко.* Разумѣется двоякая скорбь, т. е. пьянство и печаль о лишеніи родителя или сродника.

Ст. 190. *Иль остріемъ стали.* Стихотворцы, и нерѣдко историки, *желѣзо* вмѣсто *оружія* употребляютъ, такъ, какъ здѣсь *сталь.*

Ст. 210. *Дѣду слѣдуя отецъ.* Сатиръ подъ именемъ отца разумѣетъ *посадскаго*, и издѣвается надъ поступками гражданъ того имени, кои, для славолюбія, жадно проискивая себѣ дворянства, проживаютъ все свое имѣніе и приводятъ дѣтей въ убожество и несчастіе.

Ст. 221. *За паръ потерялъ жаркое.* За дворянское имя потерялъ все богатство.

Ст. 226 и 227. *Горесть щедрою рукою мою облегчить хотѣвъ.* Обѣщався несчастіе мое облегчить щедрымъ награжденіемъ.

Ст. 231. *Свѣтъ уже сѣдъ таетъ.* Свѣтъ, уже престарѣвъ, лишается силъ своихъ. Сѣдина есть знакъ старости, и часто говоримъ о человѣкѣ, который отъ дня въ день слабѣетъ и сохнетъ, что онъ таетъ. Здѣсь говорится о старикѣ притворнаго богочтенія, то есть о такихъ людяхъ, кои

чрезъ осужденіе ближняго стараются оказать себя добродѣтельными.

Ст. 233 и 234. *Кои сладку чаютъ чашу.* Пріятно имъ то, что чувства услаждаетъ, хотя душѣ отъ того крайній вредъ и самая смерть слѣдуетъ.

Ст. 236. *Злость подъ добродѣтели видомъ укрыть тщатся.* Такъ въ настоящемъ примѣрѣ видимъ, что пьяницы жизнь свою извиняютъ праздникомъ въ Божію славу.

Ст. 238. *Какъ хлѣбомъ умерщвляютъ.* Хлѣбомъ, которымъ питаются животныя, умерщвляютъ. Извѣстно, что рыбаки на уду кладутъ иногда хлѣбъ, или тѣсто, которымъ обманутыя рыбы живота лишаются.

Ст. 239. *Предки наши* и проч. Сатирикъ приводитъ причину установленія праздниковъ, и показываетъ образъ, какъ оные препровождатъ должно.

Ст. 252. *Отъ вечерня звона.* Праздники начинаются съ вечера, и обыкновенно вечерня поется завтрашнему святому. Благоговѣйные люди съ того часа, какъ оная начнется, оставляютъ недоконченную работу.

Ст. 262. *Жало.* То есть, шпора.

Ст. 267. *Въ стропотномъ и столь злобномъ градѣ.* Сатиръ такъ о городѣ томъ разсуждаетъ по словамъ старика, своего хозяина. Люди обыкли разсуждать о дѣлахъ по чужимъ рѣчамъ, и мало стараются сами изслѣдовать истину.

Ст. 276 и 277. *Принужденъ былъ жаться* и проч. Обыкновенныя дѣйствія того, кто отъ смѣха удержать себя старается.

Ст. 278. *Морщить старикъ начиналъ ужъ брови.* То есть, начиналъ ужъ сердиться; ибо сіе свойственно гнѣвающимся, чтобъ морщить брови и лобъ.

Ст. 290. *По полудни.* Для того, что по утру упражнялся въ службѣ Божіей, а по полудни въ воровскихъ промыслахъ.

Ст. 297. *Являя на всѣхъ скотскіе признаки.* Отнимая смыслъ, которымъ человѣкъ отъ скотовъ разнится.

Ст. 302. *Какъ я чаю.* Сей знакъ сомнительства здѣсь стихотворецъ употребилъ для того, что Сатиръ, примѣтивъ различіе стариковыхъ дѣлъ съ его рѣчьми, сомнѣвается, онъ ли то былъ, что не задолго говорилъ ему противъ пьянства, или другой кто.

Ст. 314. *Вино долженъ перевесть.* Парламентъ аглійскій, усмотрѣвъ, что народъ вдался въ чрезмѣрное пьянство, въ 1736-мъ году наложилъ на крѣпкія питья весьма высокую пошлину, и повелѣлъ всѣмъ шинкарямъ продавать въ розницу не свыше двухъ галенковъ, и симъ способомъ чрезмѣрное употребленіе вина въ Англіи отчасти пресѣчено.

Ст. 324. *Тяжкія раны.* Значитъ жестокое наказаніе.

Ст. 333. *Что и спятъ съ стаканомъ.* Горькіе пьяницы нерѣдко безъ вина и спать не хотятъ.

Ст. 366. *Какъ тучи.* Вмѣсто *какъ облака*, кои скопляются отъ восхожденія паровъ изъ моря и земли, а потомъ, чрезмѣрно огустѣвъ, дождь на землю проливаютъ.

Ст. 370. *Постигнетъ злодѣевъ казнь.* Подражаніе слѣдующихъ Гораціевыхъ стиховъ:

Raro antecedentem scelestum
Deseruit pede poena claudo.

Стихотворцы казнь изображаютъ гнусною, хро-

мою женщиною съ плетьми и другими оскорбительными орудіями въ рукахъ.

Ст. 376. *Той премѣны.* То есть, которую въ Хироновомъ домѣ произвела отставка дворецкаго, о непорядкахъ котораго, какъ видно, Сатиръ донесъ хозяину. Многіе служители такой поступокъ почитаютъ совѣсти противнымъ, чтобъ человѣка лишить своего хлѣба, не разсуждая о томъ, что главная ихъ должность вѣрно служить господину, и радѣть о его пользѣ. Когда господинъ терпитъ въ чемъ убытокъ, а слуга, зная о томъ, молчитъ, то онъ и въ воровствѣ участіе пріемлетъ.

Ст. 384. *Тѣсныя передни.* За многолюдствомъ тѣхъ, кои хаживали къ нему на поклонъ.

Ст. 386. *Юпитеръ.* Язычники почитали его главнѣйшимъ изъ боговъ; былъ сынъ Сатурновъ, котораго свергши съ неба, обладалъ всѣмъ свѣтомъ.

Ст. 397 и 398. *Готовы, еслибъ то онъ сказать былъ намѣренъ.* Ласкатели въ обществѣ столь вредительны и несноны, что удивительно, для чего по сіе время никакого наказанія ласкателямъ не предписано.

Ст. 402. *Плѣшиво счастье ему показало темя.* Стихотворцы описываютъ счастіе съ плѣшивою головою, оставя пукъ волосъ на самомъ только лбу, и для сей причины говорятъ, что надобно счастье ловить, пока оно къ намъ смотритъ; а когда лицо свое назадъ оборотитъ, тогда онаго ухватить не за что, и изъ рукъ нашихъ уйдетъ. *Темя* употреблено здѣсь вмѣсто *затылка*, потому что и оно къ задней части головы принадлежитъ.

Ст. 423. *И какъ прежде презиралъ,* и проч. Обыкновенно гордые приходятъ въ крайнее малодушіе, когда ихъ какое несчастіе постигнетъ. Добродѣ-

тель одна постоянна, великодушна въ бѣдахъ, и кротка въ благополучіи.

Ст. 427. *Въ свѣтлый день.* То есть, въ счастіи.

Ст. 428. *Какъ небо затмится.* Какъ несчастіе приключится.

Ст. 439. *Имѣнія властвуетъ гладъ въ корыстныхъ грудяхъ.* Безмѣрное сребролюбіе, коимъ заражено сердце, и которое во всемъ корысти ищетъ. *Грудь* вмѣсто *сердца* часто у стихотворцовъ употребляется.

Ст. 440. *Рѣдко бо злонравіе въ людяхъ найдешь безъ пары одно.* Для того, что скупость съ лихоимствомъ, самолюбіе съ глупостію соединены бываютъ, какъ и другіе многіе пороки.

Ст. 449. *Обнародивъ все, что тотъ объявлялъ за тайну.* Нѣтъ ничего безумнѣе и злѣе, какъ несчастіе пріятеля умножать другимъ злополучіемъ, возбуждая противъ него людей сильныхъ и открывая онаго рѣчи, которыя другому сказаны за тайну.

Ст. 452. *Всѣхъ благихъ дѣлъ главная помѣха неблагодарство.* Неблагодарный человѣкъ тѣмъ поноснѣе и вредительнѣе, чѣмъ больше отнимаетъ склонность къ благодѣяніямъ. Изрядно о томъ Плавтъ разсуждаетъ:

— — — Ingrato homine nihil impensius est;
Nimium praestat impendiosum te, quam ingratum dicier:
Illum laudabunt boni; hoc etiam ipsi culpabunt mali.

Ст. 458. *Что виноградъ насадивъ.* То есть за добро зло воздается.

Ст. 480. *Богиня плѣшива. Фортуна* или *Счастіе.* Смотри примѣчаніе подъ стихомъ 402-мъ сей сатиры.

Ст. 484. *Хоть меня шутомъ Менандръ.* Менандръ Ксенону отдалъ меня въ шуты, но по большой части

самъ онъ былъ моимъ шутомъ, и я ему больше смѣялся, нежели онъ мнѣ.

Ст. 500. *Когда еще я вино разводилъ съ водою.* То есть, когда, служа цѣловальнику, ливалъ въ вино воду. Смотри примѣчаніе подъ стихомъ 284-мъ сей сатиры.

Ст. 502. *Гдѣ счастье людей растетъ на слабой соломѣ.* То есть, гдѣ счастіе человѣческое столь слабо, какъ солома, или гдѣ счастіе утверждается на весьма слабомъ основаніи.

Ст. 508. *Въ сѣть я попался.* Уловленъ обманомъ такъ, какъ птицы и звѣри въ сѣть попадаютъ.

Ст. 512. *Пятерымъ хозяевамъ.* Видно, что Милонъ былъ женатъ и имѣлъ три сына.

Ст. 542. *Гдѣ любовь нужна.* На молитвѣ требуется взаимная любовь другъ къ другу, какъ Священное Писаніе во многихъ мѣстахъ намъ доказываетъ.

Ст. 556. *Трудно.* Вмѣсто: *Съ великимъ трудомъ.*

Ст. 564. *Кривъ и хромъ топчетъ еще.* Славолюбивый, не смотря на то, что на войнѣ ему глазъ выбитъ, или нога отстрѣлена, паки на оную отправляется, и самую смерть презираетъ для того только, чтобъ его отважныя дѣйствія публикованы были въ вѣдомостяхъ, и чтобъ слава его вѣчно была незабвенна.

Ст. 567. *Хвально идетъ.* Храбро противъ непріятеля ополчиться, и жизнь свою полагать за отечество весьма похвально; напротивъ того, попускаться безразсудно и отважно въ бѣдствія для одного только собственнаго славолюбія, а не для пользы отечества, и не для исполненія своей должности, не только пагубно, но и безразсудно.

Ст. 573. *Жаркую.* Къ забавамъ весьма склонную, какія бываютъ молодыя женщины.

Ст. 582. *Зависитъ покой его.* Не только отъ слова, но и отъ одного взгляду полюбовницы весь его покой зависитъ. Ежели косо на него посмотритъ, печалится; а когда улыбнется, то радуется.

Ст. 587. *Ирисъ ту же сотерымъ.* Не смотря на старость лѣтъ, и противъ всякой благопристойности плѣняясь любовію, упражняется въ дѣлахъ и уборахъ, однимъ молодымъ людямъ приличныхъ; да къ тому жъ столь ослѣпленъ самолюбіемъ, что не можетъ примѣтить обмана Ирисы. Ста человѣкамъ она ту же любовь обѣщаетъ, и даетъ имъ столь явные знаки, что весь свѣтъ оное видитъ, кромѣ одного его.

Ст. 605. *Чтобъ могъ письменъ нѣсколько* и проч. Чтобъ достать чинъ или титло какое, которое прибавитъ къ его имени нѣсколько буквъ, для того, что тогда уже будетъ не просто, напримѣръ *Иванъ*, но *баронъ* или *графъ Иванъ* и проч.

Ст. 607. *Часто жъ вѣкъ тщетою надежды кормится.* Не имѣя удачи въ полученіи желаемаго счастія, во всю жизнь ласкаетъ себя одною тщетною надеждою, что просьбы его будутъ исполнены.

Ст. 606. *Вредительнымъ златомъ.* То есть, богатымъ платьемъ, которое за тягостію своею безпокойно, и потому тѣлу вредно, а карману убыточно.

Ст. 613. *Расшитыхъ тесемками по цвѣтамъ печати.* Ливрея у служителей, каковы лакеи, конюхи и проч., должна быть такихъ же цвѣтовъ, какіе имѣетъ гербъ ихъ господина. Напримѣръ, ежели гербъ чей состоитъ изъ голубого поля съ красною поперегъ полосою, то кафтанъ надлежитъ сшить изъ голубого сукна, а обшлага, также кам-

золъ и штаны изъ краснаго. Кто желаетъ выложить по швамъ или по подолу одному тесьмами, тому должно равнымъ образомъ и въ тѣхъ тесьмахъ изобразить цвѣты своего герба.

Ст. 614. *Что прежъ сего вывѣска была.* Мѣщанинъ выкладываетъ свою ливрею тесьмами по цвѣтамъ своего герба, которой онъ составилъ изъ вывѣски, что висѣла у его лавки.

Ст. 616. *За роспись пустыхъ именъ.* То есть, за родословную роспись, за которую мѣщанинъ, ища себѣ дворянства, весьма дорого платитъ, чтобъ вывесть свой родъ отъ знатныхъ предковъ.

Ст. 618. *Дуется пока треснетъ жаба.* Въ Езоповыхъ басняхъ читаемъ, что малая жаба, увидѣвъ быка, сказала матери своей, что видѣла превеликаго звѣря. Старая жаба спросила у дочери, будетъ ли тотъ звѣрь съ нее величиною? А какъ она отвѣтствовала, что онъ гораздо больше, то мать начала надуваться, дабы сравниться съ нимъ величиною, и до тѣхъ поръ дулась, пока наконецъ треснула. Подобно сему мѣщанинъ, желая сравняться съ вельможею, употребляетъ излишнія иждивенія, и наконецъ вовсе разоряется.

Ст. 627. *Сколько пользы отъ него.* Такъ говорятъ ласкатели о временщикѣ, зная его великую силу.

Ст. 629. *Бывшій глупецъ.* Бывшій прежде его временщикъ, которой былъ его не умнѣе.

Ст. 633. *Изъ чужаго мѣста.* Всякій желаетъ занять то мѣсто, которое Менандру досталось, почитая оное себѣ пристойнѣе, а ему чужое.

Ст. 630 и 635. *Царско ухо всякому.* Всякому милость царева кажется завидною невѣстою, какова была Пенелопа. Каждый всякими происками

старается получить при царѣ силу, подобно тому, какъ греческіе владѣтели всѣми способами домогались имѣть супругою Пенелопу. Пенелопа, дочь Икара и Перибеи, жена Улиссова, была весьма прекрасна и цѣломудренна. Во время двадцатилѣтняго отсутствія мужа ея Улисса, который пробылъ десять лѣтъ при осадѣ Трои, а другія десять лѣтъ странствовалъ по морю, возвращаясь въ отечество, многіе изъ греческихъ царей представляли ей себя женихами, и объявляли, что Улиссъ умеръ, дабы тѣмъ удобнѣе склонить ее къ браку. Чтобъ свободиться отъ ихъ скучныхъ просьбъ, выбрала она изъ нихъ одного, и обѣщалась вступить во второй бракъ, какъ скоро окончитъ начатую работу. Между тѣмъ ночью распарывала то, что днемъ вышивала, и такъ продолжала время до тѣхъ поръ, пока Улиссъ, возвратившись, всѣхъ оныхъ жениховъ побилъ.

Ст. 636. *Хоть душою.* То есть, не жалѣя о погибели своей души, готовъ отважиться на всякія непристойныя дѣла для угожденія временщику Макару.

Ст. 637 и 638. *Поскользнулся на льду.* Человѣкъ, возвышенный на высокую степень, подобенъ тому, кто по льду катается; ибо не малой осторожности требуется, чтобъ крѣпко на ногахъ держаться и не упасть.

Ст. 638. *День его свѣтлый.* Счастливое его время.

Ст. 638 и 640. *Въ прежню вдругорь сходитъ глупость.* Макаръ прежде своего счастія безумнымъ почитался, а получивъ оное вдругъ, учинился разумнымъ. Какъ скоро злополучіе его постигнетъ, то и прежняя глупость къ нему возвратится.

Ст. 641. *Между соболями.* Въ ссылкѣ въ Сибири, гдѣ соболей ловятъ.

Ст. 646. *Въ которомъ лѣта весь видъ человѣка съѣли.* Котораго старость такъ изнурила, что едва подобіе человѣческое въ немъ осталось.

Ст. 653. *Взгляды.* Вмѣсто *глаза.*

Ст. 675. *Малый въ лѣто муравей.* Подражаніе слѣдующихъ Гораціевыхъ стиховъ книги 1, сат. 1. ст. 31.

Parvula (nam exemplo est magni formica laboris)
Ore trahit, quodcunque potest, atque addit acervo,
Quem struit, haud ignara ac non incauta futuri;
Quæ simul inversum contristat aquarius annum,
Non usquam prorepit, et illis utitur ante
Quæsitis sapiens.

Ст. 682. *Въ ненужномъ потѣете.* О ненужномъ дѣлѣ всѣми силами стараетесь; ибо потъ есть знакъ великаго труда и прилежанія.

Ст. 690. *Головою,* то есть: *начальникомъ.* Симъ древнимъ именованіемъ означались *полковники* или *старшины,* напримѣръ: *голова стрѣлецкій,* и *голова кабацкій,* или надзиратель питейныхъ домовъ.

Ст. 691. *Постою не знаешь.* Посадскимъ всего тягостнѣе постой, отъ котораго свободны всѣ тѣ, кои несутъ службу. Содержатели мануфактуръ и фабрикъ отъ Государя Императора Петра Великаго снабжены привиллегіею, чтобъ въ домахъ ихъ постою не ставить.

Ст. 699. *Соху ведучи.* Пàша землю.

Ст. 702. *Въ платье богатомъ.* Крестьянину суконной цвѣтной кафтанъ весьма богатымъ кажется, каковы солдатскіе мундиры.

Ст. 721. *Съѣздитъ въ торгъ для соли.* Крестьяне по большей части ѣздятъ на торги для покупки

соли, потому что все нужное дома имѣютъ. А хотя за дѣлами въ городъ ихъ и позываютъ, но тогда ихъ везутъ, а не сами ѣдутъ.

Ст. 724. *Все бы рубашка бѣла.* По военному уставу, солдатъ въ строю или на караулѣ всегда долженъ имѣть бѣлую рубашку.

Ст. 725. *Ходи въ штанахъ.* Извѣстно, что крестьяне штановъ не носятъ; а кто изъ принужденія дѣлаетъ то, къ чему не привыкъ, тому оное весьма трудно кажется.

Ст. 732. *Чтобъ и онъ съ небесными былъ въ щотѣ чинами.* Разумѣется монашество, которое церковь ангельскимъ чиномъ называетъ. Отъ 686-го стиха по сей есть отчини подражаніе слѣдующихъ Горацiевыхъ стиховъ книги 1, сат. 1.

O fortunati mercatores, gravis annis
Miles ait, multo jam fractus membra labore;
Contra mercator, navem jactantibus austris,
Militia est potior. Quid ! enim concurritur : horæ
Momento cita mors venit, aut victoria laeta.
Agricolam laudat juris legum que peritus,
Sub galli cantum consultor ubi ostia pulsat.

Ст. 740. *Смотрѣны безъ хари.* То есть безъ пристрастія и по природнымъ ихъ свойствамъ, а не такъ, какъ бы въ маскѣ, которая безобразное лице ихъ украшаетъ.

Ст. 742. *Царя и съ Ордою.* То есть, Пана и всѣхъ Сатировъ.

Ст. 747. *Къ испраленію людей.* Смотри стихъ 146-й сей сатиры.

═

САТИРА VI.

Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто, малымъ доволенъ,
Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ воленъ
Мыслей, что мучатъ другихъ, и топчетъ надежну
Стезю добродѣтели къ концу неизбѣжну.
Небольшой домъ, на своемъ построенный полѣ,
Даетъ нужное моей умѣренной волѣ
Не скудный, не лишній кормъ, и средню забаву,
Гдѣ бъ съ другомъ честнымъ я могъ, по моему нра̀ву
Выбраннымъ, въ лишни часы прогнать скуки бремя,
Гдѣ бъ, отъ шуму отдаленъ прочее, все время
Провождать межъ мертвыми Греки и Латины,
Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины,
И учась, знать образцомъ другихъ, что̀ полезно,
Что̀ вредно въ нравахъ, что̀ въ нихъ гнусно иль любезно:
То одно желанія мои составляетъ.
Богатство, высокій чинъ, что̀ въ очахъ блистаетъ
Предъ неискусной толпой, многія печали
Наноситъ и ищущимъ, и тѣмъ, что̀ достали.

Кто бъ не смѣялся тому, кой стежку жестоку
Топчетъ, лѣзя весь въ поту на гору высоку,
Коей вершина остра такъ, что осторожно
Сколь стопы ни утверждать, съ покоемъ не можно
Устоять, и всякой вѣтръ, кой дышетъ опасный,
Порываетъ бѣднаго въ стремнины ужасны.
Любочестный однакъ мужъ на него походитъ.
Рѣдко счастье на своихъ крылахъ кого взводитъ
На высоку вдругъ степень, и если бываетъ
Столько ласково къ кому, долго въ томъ не знаетъ
Устоять, но въ малый часъ толчкомъ его спихнетъ
Однимъ, и, стремглавъ летя, не одинъ членъ свихнетъ;
А безъ помощи того труды безконечны
Нужны и терпѣніе, хоть плоды не вѣчны.
Съ пѣтухами пробудясь, нужно потащиться
Изъ дому въ домъ на поклонъ, въ передняхъ томиться,
Полдни торчать на ногахъ съ холопы въ бесѣдѣ,
Ни сморкнуть, ни кашлянуть смѣя. По обѣдѣ
Та же жизнь до вечера; ночь вся безпокойно
Пройдетъ, думая, къ кому по утру пристойно
Еще бѣжать, передъ кѣмъ гнуть шею и спину,
Что̀ слугѣ въ подарокъ, что̀ понесть господину.
Нужно часто полыгать, небылицѣ вѣрить,
Что одною скорлупой можно море смѣрить;

Господскую сносить спѣсь, признавать, что родомъ
Моложе Владиміра однимъ только годомъ,
Хоть ты помнишь, какъ отецъ носилъ кафтанъ сѣрой;
Кривую жену его называть Венерой,
И въ шальныхъ дѣтяхъ хвалить остроту природну;
Не зѣвать, когда онъ самъ несетъ сумасбродну.
Нужно благодѣтелемъ звать того, другого,
Отъ кого вѣкъ не видалъ добра никакого,
И безъ шапки провожать на морозѣ въ сани,
Хоть въ оную не складешь за плечьми слугъ брани.
Нужно еще одолѣть и препятства многи,
Что̀ зависть кладетъ на всякъ часъ тебѣ подъ ноги:
Всѣ жъ тѣ труды наконецъ въ надеждѣ оставятъ,
Иль въ удачу тебѣ чинъ маленькій доставятъ.
  Тогда должность поведетъ тебя въ поле валить,
Увѣчиться, и противъ смерти груди пялить;
Иль, съ перомъ въ рукахъ, сносить шумъ и смрадъ приказный,
Боясь всегда не проспать часъ къ дѣламъ указный,
И съ страхомъ всегда крѣпить судны приговоры,
Чтобъ тебя не довели съ сильнѣйшимъ до ссоры;
Или торчать при дворѣ съ утра до полночи
Съ отвѣсомъ въ рукахъ, и сплошь напяливши очи,

Чтобъ съ веревки не скользнуть; а между тѣмъ свищетъ
Славолюбіе въ ушахъ, что кто славы ищетъ,
На первой степени тотъ остаться стыдится;
И такъ повторяя трудъ, лѣтъ съ тридцать ну́риться,
Лѣтъ съ тридцать бѣдную жизнь станешь продолжати,
Чтобъ къ цѣли твоей возмогъ весь дряхлъ добѣжати.
Вотъ ужъ достигъ, царскую лишь власть надъ собою
Знаешь; человѣческъ родъ весь ужъ подъ тобою
Какъ червякъ ползетъ, однимъ взглядомъ ты наводишь
Мрачну печаль, и однимъ радости свѣтъ вводишь.
Всѣ тебя, какъ бы божка, кадить и чтить тщатся,
Всѣ больше, нежъ чучела вороны боятся.
Искусство само твой домъ создало пространный.
Гдѣ все, что̀ Италія, Франція и странный
Китайскъ умъ произвели, зрящихъ удивляетъ.
Всякой членъ твой въ золотѣ и въ камняхъ блистаетъ,
Которы шлетъ Индія и Перу обильны,
Такъ, что лучей отъ тебя глаза снесть не сильны.
Спишь въ золотѣ, золото на золотѣ всходитъ
Тебѣ на столъ, и холопъ твой въ золотѣ ходитъ,
И самъ Аполлонъ, тебя какъ въ улицѣ видитъ,
Свитѣ твоей и возку твоему завидитъ.

Ужли покоенъ? Никакъ: покой отнимаетъ
Домъ пышной, и сладкій сонъ съ глазъ прочь отбѣгаетъ,
Кто на нѣжной подъ парчой постелѣ ложится.
Сильна тревога въ сердцахъ богатыхъ таится;
Не столько волнуется море, когда съ сама
Дна движетъ воды его зло буря упряма.
Зависть шепчетъ, буде въ слухъ говорить не смѣетъ,
Безпрестанно на тебя, и хоть одолѣетъ
Десятью достоинство твое, погибаешь
Наконецъ, хотя вины самъ своей не знаешь.
Съ властію славы любовь въ тебѣ возрастая,
Крушитъ тя, гдѣ твой предѣлъ уставить не зная;
Меньше жъ пользуетъ, нежъ пѣснь сладкая глухому,
И нежели паренье подагрой больному.
Вышня честь сокровище тому несказанно,
Кого надежда и страхъ мучатъ безпрестанно.
Еще, если бъ наша жизнь на два, на три вѣки
Тянулась, не столько бы глупы человѣки
Казалися, мнѣнію служа безразсудну,
Меньшу въ пользу большія времени часть трудну
Сносяя, и довольно дней поправить имѣя
Себя, когда прежнія прожили шалѣя.
Да лихъ человѣкъ родясь, имѣетъ насилу
Время оглядѣться вкругъ, и полѣзть въ могилу,
И столь короткую жизнь еще ущербляютъ
Младенство, старость, болѣзнь; а дни такъ летаютъ

Что напрасно будешь ждать себѣ ихъ возврату.
Что жъ столь тяжкой сносить трудъ за столь малу плату
Я имѣю, и терять золотое время,
Отставляя изъ дня въ день злонравія сѣмя
Изъ сердца искоренять? пропадутъ степени
Пышны и сокровища, какъ за пусты тѣни
Басенный песъ опустилъ изъ зубъ кусокъ мяса.
Добродѣтель лучшая есть наша украса;
Тишина ума при ней, и своя мнѣ воля
Всего драгоцѣннѣе. Кому богатствъ доля
Пала и славы, тѣхъ трехъ благъ долженъ лишиться,
Хоть бы крайней гибели и могъ ущититься.
Глупо изъ младенства мы обыкли бояться
Нищеты, презрѣнія, и тѣ всего мнятся
Зла горчае; для того бѣжимъ мы въ другую
Крайность, а должно бъ въ вещахъ знать мѣру прямую.
Всяко однако жъ предѣлъ свой дѣло имѣетъ;
Кто прейдетъ, кто не дойдетъ, подобно шалѣетъ.
Грѣшитъ пѣстунъ Нероновъ, что тмы накопляетъ
Сокровищъ съ бѣдствомъ житья, да и тотъ, кто чаетъ
Въ бочкѣ имя мудреца достать, часто голодъ
И мразъ терпя, не уменъ: въ шестьдесятъ лѣтъ молодъ
Еще дитя, подъ началъ отдать можно дядькѣ,
И сѣчь лозой, чтобъ не былъ склоненъ къ злой повадкѣ.
Сильвій, масло продая, не хуже кормился,

И отъ досадъ нищеты не хуже щитился
Малымъ мѣшкомъ, нежъ теперь, такъ всѣ края свѣта
Сквозь огнь, сквозь мразъ пробѣжавъ, и изнуривъ лѣта
Въ безпокойствѣ, стали быть сундуки, палаты
Огромны сокровищу его тѣсноваты.
Можешь безъ скудости жить, богатствъ не имѣя
Лишнихъ, и въ тихомъ углу покоенъ сѣдѣя
Можешь славу получить, хоть бы за собою
Полкъ людей ты не водилъ, хоть бы предъ тобою
Народъ шапки не снималъ, хоть бы ты таскался
Пѣшь, и одинъ бы слуга тебя лишь боялся.
Мудрая малымъ прожить природа насъ учитъ
Въ довольствѣ, коль лакомство разумъ нашъ не мучитъ.
Достать не трудно доходъ не великъ и сходенъ
Съ состояніемъ твоимъ; а потомъ свободенъ
Отъ прихотной зависти тамъ остановися.
Степенямъ блистающихъ именъ не дивися
И богатствъ большихъ; живи тихъ, ища, что честно,
Что и тебѣ и другимъ пользуетъ нелестно
Къ нравовъ исправленію; слава твоя вѣчно
Между добрыми людьми жить будетъ конечно.
Да хоть бы не вѣдомъ дни скончалъ, и по смерти
Свѣту остался забытъ; силенъ ты былъ стерши
Зубъ зависти, ни трудовъ твоихъ мзда пропала;
Добрымъ быть, собою мзда есть уже не мала.

—

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ САТИРѢ ШЕСТОЙ.

Намѣреніе авторово въ сей сатирѣ видно изъ самаго ея начала, дабы доказать, что тотъ только блаженъ въ сей жизни, кто, малымъ доволенъ будучи, живетъ въ тишинѣ и добродѣтели слѣдуетъ. Сія сатира писана въ 1738-мъ году.

Ст. 1. *Въ жизни сей.* Блаженство будущей жизни есть различное отъ временной, о которомъ въ сатирѣ говорить было бы не прилично.

Ст. 2. *Отъ суетныхъ воленъ мыслей.* Не безпокоится суетными житейскими попеченіями.

Ст. 3. *И топчетъ надежну стезю добродѣтели.* Наблюдаетъ правила добродѣтельнаго житія.

Ст. 4. *Къ концу неизбѣжну.* Къ смерти, которая всѣмъ необходима. Горацій въ письмѣ 16-мъ книги I говоритъ такъ:

— — — Mors ultima linea rerum.

Ст. 5. *Небольшой домъ.* Подражаніе слѣдующихъ Гораціевыхъ стиховъ книги II сатиры 6.

Hoc erat in votis: modus agri non ita magnus.
Hortus ubi, et tecto vicinus jugis aquæ fons.
Et paulum sylvæ super his foret.

Ст. 11. *Межъ мертвыми Греки и Латины.* Въ чтеніи книгъ древнихъ Грековъ и Латинъ. Мѣра стопъ сего стиха не дозволила стихотворцу включить и новѣйшихъ писателей, которыхъ онъ не

меньше старыхъ почитаетъ, для того, что въ философскихъ и математическихъ знаніяхъ оные древнихъ превосходятъ.

Ст. 12. *Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины.* Прилежа къ Физикѣ и Натуральной Исторіи, которыя насъ учатъ знать причины и дѣйствія вещей. Виргилій счастливыми почитаетъ тѣхъ, кои въ сихъ знаніяхъ успѣли.

Felix, qui potuit rerum cognoscere causas.

Ст. 28. *Долго въ томъ не знаетъ устоять.* Счастіе весьма непостоянно; чего ради стихотворцы Фортуну изображаютъ стоящую на шарѣ, который непрестанно вертится.

Ст. 31. *А безъ помощи того.* То есть, счастія.

Ст. 32. *Плоды не вѣчны.* То есть, трудовъ и терпѣнія.

Ст. 36. *Ни сморкнуть, ни кашлянуть смѣя.* Чтобъ господина, къ которому пришелъ на поклонъ, тѣмъ не обезпокоить или не разбудить. Такъ говоритъ французскій сатирикъ Ренье въ сатирѣ 4-й, ст. 29, и слѣдующихъ:

Faire la cour aux grands, et dans leurs antichambres
Le chapeau dans la main, nous tenir sur nos membres,
Sans oser ni cracher, ni toussir, ni s'asseoir,
Et nous couchant au jour, leur donner le bon soir.

Ст. 44. *Моложе Владиміра однимъ только годомъ.* То есть, родъ его начался годъ только спустя послѣ Владиміра, россійскаго самодержца. Владиміръ одинъ началъ владѣть Россіею около 982 года послѣ Рождества Христова.

Ст. 46. *Называть Венерой.* То есть, чрезвычайною красавицею. Венера у язычниковъ почиталась богинею любви, о которой баснословятъ, что родилась изъ морской пѣны.

Ст. 48. *Не зѣвать.* Не имѣть скуки отъ сумасбродныхъ разговоровъ, которые слушая, обыкновенно зѣвается.

Ст. 54. *Что зависть тебѣ кладетъ.* Завидливые стараются всякому въ счастіи препятствовать, опорочивая ихъ предъ тѣми, въ коихъ они милости ищутъ, и уничижая всѣ ихъ труды.

Ст. 55. *Въ надеждѣ оставятъ.* Будутъ только льстить одною надеждою, что впредь труды твои втуне не останутся.

Ст. 56. *Въ удачу тебѣ.* То есть, какъ бы за великое счастіе.

Ст. 57 и 58. *Вялить, увѣчиться* и проч. Таковы суть труды и бѣдствія службы воинской.

Ст. 59. *Иль съ перомъ въ рукахъ сносить.* Судейская должность того требуетъ.

Ст. тотъ же. *Шумъ и смрадъ приказный.* Въ тѣхъ судебныхъ мѣстахъ, въ коихъ отправляются спорныя челобитческія дѣла̀, обыкновенно шумъ и тяжелый запахъ отъ множества людей бываетъ, наипаче въ вотчинномъ.

Ст. 63. *При дворѣ.* Въ семъ стихѣ и двухъ слѣдующихъ описана служба придворная.

Ст. 64. *Съ отвѣсомъ въ рукахъ и сплошь напяливши очи.* Придворные здѣсь уподобляются тѣмъ, кои по веревкѣ пляшутъ, держа въ рукахъ шестъ вмѣсто отвѣса, и непрестанно смотря на ноги и веревку, чтобъ не свернуться. Такъ придворные, будучи всегда въ присутствіи государя, отъ котораго жизнь и имѣніе ихъ зависитъ, должны весьма осторожно поступать, и воздавать со тщаніемъ пристойное почтеніе намѣстнику Божію на земли, не упоминая о томъ, что зависть непрестанно ищетъ ихъ погибели.

Ст. 70. *Чтобъ къ цѣли твоей возмогъ весь дряхлъ добѣжати.* Чтобъ достигнуть до той высокой степени, на которую ты возведенъ будешь тогда, когда за глубокою старостію одряхлѣешь.

Ст. 78 и 79. *Все, что Италія, Франція и странный китайскъ умъ произвели.* То есть, самые лучшіе домовые уборы и украшенія. Извѣстно, что лучшій мраморъ и живописныя картины изъ Италіи привозятся, изъ Франціи обои, столы и прочія вещи, а изъ Китая разная фарфоровая посуда и домовыя украшенія.

Ст. 81. *Которы шлетъ Индія и Перу обильны.* Алмазы, яхонты, жемчуги и прочіе драгоцѣнные каменья, также и золото приходитъ изъ Восточной Индіи, то есть изъ Китая и ближнихъ къ оному мѣстъ, да изъ Перу, провинціи въ Америкѣ, гдѣ такія вещи въ изобиліи находятся.

Ст. 82. *Лучей отъ тебя.* Лучи, происходящіе отъ драгоцѣнныхъ камней и злата, въ которомъ ты блистаешь.

Ст. 83 и 84. *Золото на золотѣ исходитъ тебѣ на столъ.* На золотыхъ блюдахъ подаютъ тебѣ такое дорогое кушанье, что можно и то золотомъ почесть. Французскіе повара имѣютъ въ томъ искусство, чтобъ кушанье такъ дорогое готовить.

Ст. 84. *Холопъ.* Вмѣсто *холопы.* Стихотворцы единственное число вмѣсто множественнаго употребляютъ, напримѣръ *воинъ* вмѣсто *войска.*

Ст. 85. *И самъ Аполлонъ.* Аполлонъ, по баснословію древнихъ, богъ наукъ; онъ же и солнцемъ міръ освѣщаетъ.

Ст. 86. *Свитѣ твоей и возку твоему завидитъ.* Аполонова колесница, которую везутъ четыре коня,

и въ которой обѣгая все небо міру свѣтитъ, золотомъ и дорогими камнями вся блистаетъ, а свита его весьма великолѣпна, потому что къ ней принадлежатъ не только музы, но дни, часы и мѣсяцы, также четыре времени года, и самое время; однако сатирикъ говоритъ, что Аполлонъ завидуетъ свитѣ и возку нашего богача, что богатѣе и великолѣпнѣе его колесницы.

Ст. 87. *Покой отнимаетъ.* Подражаніе слѣдующихъ Сенекиныхъ стиховъ:

Aurea rumpunt tecta quitem,
Vigiles que trahit purpura noctes.
O si pateant pectora ditum!
Quantum intus sublimis agit
Fortuna metus! Brutia choro
Pulsante nitior unda est.

Ст. 93. *Зависть шепчетъ.* Завистливые люди говорятъ про себя тайно, буде вслухъ не смѣютъ, ища твоей погибели.

Ст. 95. *Достоинство твое.* Здѣсь достоинство стоитъ въ именительномъ падежѣ, и значитъ заслуги и изрядныя качества, что у Французовъ называется *Merites*.

Ст. 98. *Гдѣ твой предѣлъ уставить не зная.* То есть, не зная, гдѣ положить мѣры твоимъ желаніямъ, которыя всегда простираешь къ снисканію большой славы и богатства.

Ст. 99. *Меньше жь пользуетъ, нежъ пѣснь сладкая глухому.* Глухой, не имѣя слуха, не можетъ чувствовать сладкаго пѣнія. Равнымъ образомъ и тотъ, кто страстьми мучится, не можетъ наслаждаться богатствомъ и славою.

Ст. 110. *И нежели пареніе подагрой больному.* По-

дагра называется болѣзнь въ ногахъ отъ нѣкоторой внутренней мокроты такъ острой, что никакими лекарствами оную исцѣлить не возможно; а чтобъ отъ нея свободиться, требуется порядокъ и великое воздержаніе въ житіи. То жъ можно сказать и о страстяхъ душевныхъ, къ отвращенію которыхъ всѣ внѣшнія лекарства не довольны. Сіи и слѣдующіе два стиха взяты отъ Гораціева 2-го письма книги I.

Qui cupit aut metuit, juvat illum sic domus, aut res,
Ut lippum pictæ tabulæ, fomenta podagram,
Auriculas citharæ, collecta sorde dolentes.

Ст. 103. *На три вѣки. Вѣкъ* значитъ время ста лѣтъ.

Ст. 108 и 110. *Да лихъ человѣкъ родясь* и проч. Если разсудимъ глупость младенчества, дряхлость старости и болѣзни, которыя намъ въ теченіе жизни случаются, то человѣческая жизнь подлинно такъ коротка, что едва родимся, а ужѐ къ смерти и приближаемся. Сіи стихи взяты изъ слѣдующихъ славнаго англійскаго стихотворца Поппе, написанныхъ въ его: Опытѣ о человѣкѣ:

— — — Life can litte more supply
Than just to loor about us, and to die.

Ст. тотъ же. *А дни такъ летаютъ.* Время наше, когда ужъ прошло, назадъ не возвращается, и потому должно всячески стараться оное въ пользу нашу употреблять.

Ст. 116 и 117. *Отставляя изъ дня въ день.* Отлагая исправлять житіе свое и злые нравы, къ которымъ сердце наше съ самыхъ молодыхъ лѣтъ склонно.

Ст. 118 и 119. *Какъ за пустыя тѣни басенный песъ.* Въ одной изъ Езоповыхъ басенъ читаемъ,

что собака, бѣжавшая съ кускомъ мяса во рту по мосту чрезъ рѣку, увидѣла въ водѣ тѣнь свою, и тотчасъ кинулась ухватить другой кусокъ, который ей казался, а между тѣмъ свой изо рту опустила, который унесло водою. Сему псу не худо уподобляется человѣкъ лакомый, который, ища чѐсти и богатства, теряетъ случай къ пріобрѣтенію добродѣтели.

Ст. 129. *Всяко однако жъ предѣлъ свой дѣло имѣетъ.* Во всякомъ дѣлѣ есть своя мѣра; а недостатокъ или излишекъ равно хуленъ. Такъ высокоумный человѣкъ, который только о славѣ и высокихъ степеняхъ съ богатствомъ печется, равно грѣшитъ, какъ и тотъ, кто за лѣностію своею въ нищетѣ и незнатности остается. Отъ стиха 128-го по сей есть подражаніе слѣдующихъ Гораціевыхъ въ первой сатирѣ книгѣ I.

Est modus in rebus, sunt certi deniqua fines,
Quos ultra citraque nequit consistere rectum.

Ст 131. *Грѣшитъ пѣстунъ Нероновъ.* Учитель Нероновъ, Сенека, который со всею своею философіею весьма лакомъ былъ къ деньгамъ, и по смерти своей оставилъ великія сокровища. Ювеналъ въ сатирѣ 10-й называетъ Сенеку пребогатымъ.

— — — Magnos Senecæ prædivitis hortos
Clausit.

Извѣстно, что онъ повелѣніемъ Нероновымъ самъ себѣ смерть избралъ, отворивъ жилы, и такъ по истеченіи всей крови скончался. Смотри о немъ примѣчаніе подъ стихомъ 11 сатиры I.

Ст 133. *Въ бочкѣ имя мудреца достать.* О Діогенѣ, циническомъ философѣ, слово идетъ, который, чуждаясь всякаго богатства, хвалился нищетою, и живалъ въ бочкѣ, не имѣя другого дома.

Ст. 144. *Покоенъ сѣдѣя. Сѣдѣя* вмѣсто *старѣя.*

Ст. 145. *Хоть бы за собою полкъ.* Можно славнымъ учиниться, хоть бы ты не былъ въ такой силѣ, чтобъ за собою всегда водить большую свиту людей, которые приходятъ къ тебѣ на поклонъ.

Ст. 154 и 155. *Именемъ большихъ.* Большія имена значатъ знатныхъ особъ.

САТИРА VII.

КЪ КНЯЗЮ

НИКИТѢ ЮРЬЕВИЧУ ТРУБЕЦКОМУ.

—

Если бъ я видя кого, что съ рукъ не спускаетъ,
Часовникъ, и пятью въ день въ церковь побываетъ,
Постится, кладетъ свѣчи и не спитъ съ женою,
Хоть отнявъ у бѣднаго ту, что за душою
Одну рубашку имѣлъ, нагимъ ходитъ нудитъ,—
Если бъ я видя сказалъ: Дружокъ, умъ твой, блудитъ;
Тѣмъ путемъ не войдешь въ рай, и буде радѣешь
Душу спасть, отдай назадъ, чѣмъ худо владѣешь.
Вспылавъ ревность наградитъ мою симъ отвѣтомъ:
Напрасно, молокососъ, суешься съ совѣтомъ.
И дѣло онъ говоритъ; еще я тридцатый
Не видѣлъ возвратъ зимы, еще черноватый
Ни одинъ на головѣ волосъ не сѣдѣетъ:
Мнѣ ли въ такомъ возрастѣ поправлять довлѣетъ
Сѣдыхъ, пожилыхъ людей, кои чтутъ съ очками,
И чуть три зуба сберечь могли за губами;
Кои помнятъ моръ въ Москвѣ, и какъ сего года,

Дѣла Чигиринскаго сказуютъ похода?
Напрасно охрипъ бы я, доводя доводомъ,
Что умъ въ людяхъ не растетъ мѣсяцомъ и годомъ;
Что хотя искусъ даетъ разуму подпору,
И искусъ можно достать только въ позднюю пору,
Однакъ какъ время того, кто не примѣчаетъ
Причины дѣлъ, учинить искуснымъ не знаетъ,
Такъ прилежность сильна дать искусъ въ малы лѣта.
Презрѣны слова мои будутъ безъ отвѣта,
И свѣтъ почти весь упрямъ всегда вѣрить станетъ,
Что старикъ трехъ молодыхъ разумомъ потянетъ.
Не одно то мнѣніе съ здравымъ несогласно
Видимъ смыслу втвержено; встрѣчаемъ всечасно
Подобны и злѣйшія. Одни тѣхъ держаться
Любятъ, кои нужны быть и законны мнятся;
Обманъ тѣ свой чувствовать грубой не умѣютъ:
Другіе, хоть знаютъ вредъ, бороться не смѣютъ
Съ упрямою волею, котора ихъ нудитъ
Предъизбирать то, что смыслъ здравый вредно судитъ.
Какъ о причинѣ того спросишь у народа,
Скажетъ, что съ зачатія нашего природа
Слабу душу намъ дала, и къ обману склонну,
И подчиненну страстямъ, и что ту законну
Надъ нами природы власть одолѣть не можно.
Испыталъ ли истину онъ въ томъ осторожно?
Не знаю, Никита, другъ; то одно я знаю,
Что если я добрую лѣнивъ запускаю

Землю свою, обростетъ худою травою;
Если прилежно вспашу, довольно покрою
Навозомъ песчаную, жирнѣе ужъ станетъ,
И довольный плодъ отъ ней тотъ трудъ мой достанетъ.
Каково бъ отъ природы сердце намъ ни пало,
Есть, есть время нѣкое, въ кое злу не мало
Склонность уймемъ, буде всю истребить не можемъ,
И утвердиться въ добрѣ доброму поможемъ.
Время то суть первыя младенчества лѣта.
Чутко ухо, зорокъ глазъ новый житель свѣта
Пялитъ, всяка вещь ему примѣтна, все ново
Будучи, все съ жадностью сердце въ немъ готово
Принять: что туды вскользнетъ, скоро вкоренится,
Буде руки приложить повадка потщится;
На веревкѣ силою повадки танцуемъ.
Большу часть всего того, что̀ въ насъ приписуемъ
Природѣ, если хотимъ изслѣдовать зрѣло,
Найдемъ воспитанія одного быть дѣло,
И зналъ то, мудрымъ умомъ Монархъ одаренный,
Петръ, отецъ нашъ, ни какимъ трудомъ утомленный,
Когда труды Его намъ въ пользу были нужны.
Училища основалъ, гдѣ промыслъ услужный
Въ пути добродѣтелей имѣлъ бы наставить
Младенцовъ, осмѣлился и престолъ оставить
И покой; Самъ странствовалъ, чтобъ отчество знало

Примѣръ въ чужихъ брать краяхъ въ томъ, что не бывало
Прежде въ Москвѣ, сличные человѣку нравы
И искусства. Былъ тотъ трудъ корень нашей славы,
Мужи вышли годные къ мирнымъ и военнымъ
Дѣламъ, внукамъ памятны нашимъ отдаленнымъ.
Но скоро полезныя презрѣнны бываютъ
Дѣла, кои лакомымъ чувствамъ не ласкаютъ.
Кучу къ кучѣ прикопить, домъ построить пышной,
Развести садъ и заводъ, расчистить лѣсъ лишной,
Дѣтямъ ужъ богатое оставить наслѣдство
Печемся, потѣемъ въ томъ: каково жъ ихъ дѣтство
Проходитъ, рѣдко на умъ двумъ или тремъ всходитъ;
И у кого не одна въ бездѣлкахъ исходитъ
Тысяча, малѣйшаго расхода жалѣетъ
Къ наставленію дѣтей; когда же шалѣетъ
Сынъ въ возрастъ пришедъ, отецъ тужитъ и стыдится.
Напрасно вину свалить съ плечъ своихъ онъ тщится:
Богатства сыну копилъ, презрилъ въ сердцѣ нравы
Добры всѣять. Богатъ сынъ будетъ, но безъ славы
Проживетъ, мало любимъ, и свѣту презрѣнный,
Буде въ петлю не вбѣжитъ плутъ ужъ совершенный.

Главно воспитанія въ томъ состоитъ дѣло,
Чтобъ сердце, страсти изгнавъ, младенческо зрѣло
Въ добрыхъ нравахъ утвердить, чтобъ чрезъ то полезенъ
Сынъ твой былъ отечеству, межъ людьми любезенъ
И всегда желателенъ: къ тому всѣ науки
Концу и искусства всѣ должны подать руки.
Судъ трудный мудро рѣшить, исчислять приходы
Пространна царства, сравнить съ оными расходы
Однимъ почти почеркомъ; въ безднахъ безопасный
Водныхъ предъизбирать путь, гдѣ бури ужасны;
Небесъ числить всякаго удобно свѣтила
Путь и бѣглость, и того, сколь велика сила
Надъ другимъ, въ твари всему знать исту причину,
Мудрымъ зваться дастъ тебѣ и, можетъ быть, къ чину
Высшему покажетъ слѣдъ; народъ будетъ цѣлый
Искуснымъ вождемъ тя звать, зря царства предѣлы
Тобою расширены, и вражіи рати
И городы стерты въ прахъ. Но буде уняти
Не знаешь ярость твою, буде непріятенъ
Къ тебѣ доступъ, и тебѣ плачъ бѣдныхъ не внятенъ;
Ежели волю твою не правитъ смыслъ правый,
Словомъ, ежели твои развратны суть нравы,
Дивиться станетъ тебѣ, но любить не станетъ,

Хвалы твои изъ его устъ нужда потянетъ.
Пользы своей лишь въ тебѣ искать онъ потщится,
Гнушаясь тобой; и той готовъ отщетиться,
Только бъ тебя свалить съ плечъ. Слава увядаетъ
Твоя въ малъ часъ; позабытъ человѣкъ бываетъ,
Скоро ненавидимый, и мало жалѣетъ
Кто объ немъ, когда ему черный день приспѣетъ.
Добродѣтель лишь одна можетъ намъ доставить
Покойну совѣсть, предѣлъ прихотямъ уставить,
Повадить тихо смотрѣть счастья грудь и спину,
И неизбѣжную ждать безстрашно кончину.
Добродѣтель потому юнымъ неотмѣнно
Паче всего долгъ внушать, пока совершенно
Вкоренится, притомъ умъ изощрять въ пристойныхъ
Имъ и другихъ знаніяхъ; такъ въ дѣтяхъ, достойныхъ
Къ всѣмъ чинамъ, отечеству дать даръ многоцѣнный.
Если бъ изъ двухъ нуженъ былъ выборъ неотмѣнный,
Съ чистою совѣстію умъ избралъ бы прòстый,
И оставилъ бы я съ злымъ сердцемъ разумъ острый.
Ввѣрилъ бы я все добро тому, кто съ чужого
Стыдится жирѣть добра, хотя онъ немного
Счету знаетъ, и рубить число долженъ въ палку;
А грошъ не далъ бы беречь другому, что въ свалку

Одну свернувъ глотаетъ домъ, и лѣсъ и пашни,
Хоть числитъ онъ лучше всей Сухаревой башни.
Завсегда дѣтямъ твердя строгіе уставы
Наскучишь; истребишь въ нихъ всяку любовь славы,
Если часто предъ людьми обличать ихъ станешь:
Дай имъ время и играть; самъ себя обманешь,
Буде станешь торопить лишно спѣша дѣло;
Наединѣ исправлять можешь ты ихъ спѣло.
Ласковость больше въ одинъ часъ дѣтей исправитъ,
Нежъ суровость въ цѣлый годъ; кто часто заставитъ
Дрожать сына предъ собой, хвальну въ немъ загладитъ
Смѣлость, и безвременно торопѣть повадитъ.
Счастливъ, кто надеждою похвалъ взбудить знаетъ
Младенца; много къ тому примѣръ пособляетъ:
Относятъ къ сердцу глаза вѣсть уха скорѣе.
Примѣръ наставленія всякаго сильнѣе:
Онъ и скотовъ слѣдовать родителямъ учитъ.
Орлій птенецъ быстръ летитъ, щенокъ гончій мучитъ
Курицъ въ дворѣ, лобъ со лбомъ козлята сшибаютъ;
Утята лишь изъ яйца выдутъ, плавать знаютъ.
Не смыслъ учитъ, ни совѣтъ, того не имѣютъ,
Сего нельзя имъ подать; подражать умѣютъ.
Изъ двухъ братьевъ, выросшихъ подъ тѣми жъ глазами,

И коихъ тотъ же крушилъ учитель лозами,
Одинъ добродѣтелей хвальную дорогу
Топчетъ, ни надежда свесть съ нея ни страхъ ногу
Его не могли, въ своей должности онъ вѣренъ
И прилеженъ, ласковъ, тихъ, и въ словахъ умѣренъ,
Ни чьей бѣдности смотрѣть сухими глазами
Не можетъ, сердцемъ даетъ, что даетъ руками.
Другой гордостью надутъ, яростенъ, нещаденъ,
Готовъ и отца предать, къ большимъ мѣшкамъ жаденъ,
Казну крадетъ царскую, и тѣмъ сломя шею,
Весь ужъ сѣдъ въ петлю бѣжитъ, въ казнь должну злодѣю.
Въ томъ, по счастью, добрые примѣры скрѣпили
Совѣтъ; въ семъ примѣры злы оной истребили.
Если бъ я сыновнюю имѣлъ унять скупость,
Описавъ злонравія, и гнусность, и глупость,
Смотри, сказалъ бы ему, сколь Игнатій бѣденъ
Надъ кучею злата; сухъ, печаленъ и блѣденъ
Всякой часъ мучитъ себя. Мнишь ли ты счастливу
Жизнь въ обильствѣ такову? Если бъ чрезъчуръ тщиву
Руку его усмотрѣлъ, пальцомъ указалъ бы
Тюрьму, гдѣ сидитъ Клеархъ, и всю разсказалъ бы
Потомъ жизнь Клеархову, чрезъ мѣру прохладну.
Еслибъ къ подлой похоти видѣлъ склонность жадну,
Привелъ бы его смотрѣть Мелита въ постели,

И гнусны чирьи, что̀ весь носъ его объѣли.
Кормилицу, дядьку, слугъ, бесѣду, сколь можно
Лучшую бы сыну я избралъ осторожно.
Не одни тѣ растятъ насъ, коимъ наше дѣтство
Ввѣрено; со всѣхъ сторонъ находитъ посредство
Вскользнуться внутрь сердца нравъ: все, что окружаетъ
Младенца, произвести въ немъ нравъ помогаетъ.
Такъ не довольно одно изрядное сѣмя
Дать изрядный цвѣтъ иль плодъ: нужно къ тому время
Умѣренно и красно, безъ мразу, безъ зною,
Безъ вихревъ; нужна земля жирна, и водою
Нужно въ пору поливать, и тихо и въ мѣру;
Сѣмя безъ всего того прельститъ твою вѣру.
Филинъ выросъ пьяница; пьяница былъ сродникъ,
Кой вскормилъ. Миртилъ блядунъ, дядька его сводникъ.
У Савки вѣкъ на губахъ правда не садится,
И вретъ, что на умъ взошло, что въ ночь ни приснится;
Помнимъ бабушки его басни безконечны,
Кои намъ жужжалъ ея языкъ скоротечный.
Силвія круглую грудь рѣдко покрываетъ,
Смѣшкомъ сладкимъ всякому льститъ, очкомъ мигаетъ,
Бѣлится, румянится, мушекъ съ двадцать носитъ;
Силвія легко даетъ, кто чего ни проситъ,
Боясь досаднаго въ отказѣ отвѣта;

Такова и матушка была въ ея лѣта.
Обычно цвѣтъ чистоты первый увядаетъ
Отрока въ объятіяхъ рабыни; и знаетъ,
Унесши младенецъ, что̀ небомъ и землею
Отлыгаться предъ отцемъ, наставленъ слугою.
Слуги язва суть дѣтей; родителей злѣе
Всѣхъ примѣръ. Часто дѣти были бы честнѣе,
Еслибъ и мать и отецъ предъ младенцемъ знали
Собой владѣть, и языкъ свой въ уздѣ держали.
Правдой и неправдою мнѣ копится куча
Денегъ, и степень достать высоку жизнь муча,
Нужусь; полвѣка во снѣ, въ пирахъ провождаю;
Въ сластяхъ всякихъ по уши себя погружаю;
Однихъ счастливыми я зову лишь обильныхъ,
И сотью то въ часъ твердя, завидую сильныхъ
Своевольству я людей, и дружбу ихъ тщуся
Всячески снискать себѣ, убогимъ смѣюся:
А однако жъ требую, чтобъ сынъ мой доволенъ
Былъ малымъ, чтобъ смиренъ былъ и собою воленъ
Зналъ обуздать похоти, и съ одними знался
Благонравными, и тѣмъ подражать лишь тщался.
По водѣ тогда мои вотще пишутъ вилы.
Домашній, показанный часто примѣръ, силы
Будетъ важный, и итти станетъ сынъ тропою,
Котору протоптану видитъ предъ собою.
И съ какимъ лицемъ журить сына ты посмѣешь,
Когда своимъ наставлять его не умѣешь
Примѣромъ, когда въ тебѣ видитъ то всечасно,

Что винишь, и ищетъ онъ, что хвалишь, напрасно?
Если молодого мать рака обличаетъ
Кривой ходъ. Прямо сама поди, отвѣчаетъ,
Я за тобой поплыву, и подражать стану.
Не льзя ль добрымъ быть? будь золъ, дѣтямъ не къ изъяну;
Лучше же отъ всякаго убѣгать порока;
Если нельзя, скрой его отъ младенча ока.
Когда гостя ждешь къ себѣ, одинъ очищаетъ
Слуга твой дворъ и крыльцо, другой подметаетъ
И убираетъ весь домъ, третій третъ посуду,
Ты самъ вездѣ суешься, обѣгаешь всюду,
Кричишь, безпокоишься, боясь, чтобъ не встрѣтилъ
Глазъ гостевъ малѣйшій соръ, чтобъ онъ не примѣтилъ
Малѣйшу нечистоту; а ты же не тщишься
Поберечь младенцевъ глазъ, ему не стыдишься
Открыть твою срамоту. Гостя ближе дѣти,
Большу бережь ты для нихъ долженъ бы имѣти.
Не одинъ острый судья, знаю, зубы скалить
Злобно улыбаяся станетъ, и бровь пялить,
И качая головой слово молвитъ важно:
Смотри, нашъ молокососъ какія отважно
Сказки намъ разсказуетъ, и времени цѣну
Малу ставя, скучитъ намъ, лѣпя горохъ въ стѣну.
Не знамо съ чего начавъ, нравовъ ужъ толкуетъ
Вину, воспитанію склонность приписуетъ
Нашу, уча, какъ растить дѣтей: однимъ словомъ,

Продерзость та родилась въ мозгу нездоровомъ.
Никита, другъ! можетъ быть, слово то разсудно
Явится тѣмъ, кои жизнь чая время скудно
Лучше любятъ осудить вдругъ, что съ ихъ не сходно
Мыслью, нежель выслушать доводы свободно.
Тѣхъ я людей увѣрять ни ищу, ни годенъ,
Да всякъ открывать свое мнѣніе свободенъ,
Если не вредно оно, и законовъ сила
Чтительна нужду молчать въ томъ не наложила.
Пусть не чтетъ, кто мои мнитъ мнѣнія неправы;
Досуженъ стишки пишу для твоей забавы.
Ты лишь меня извини, что одно я дѣло
Начавъ, рѣчью отскочилъ на другое смѣло.
Порядокъ скученъ вездѣ, и нѣсколько труденъ:
Блистаетъ въ сумятицѣ умокъ въ чину скуденъ,
И если бъ намъ требовать, чтобъ дѣло за дѣломъ,
Разсуждать, и не скончавъ одно, въ недозрѣломъ
Разговорѣ не ввернуть не кстати другое,
Въ цѣлой толпѣ говорить чуть станутъ ли двое.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ САТИРѢ СЕДЬМОЙ.

Часто мы примѣчаемъ, что люди злыхъ своихъ дѣлъ причину сваливаютъ на слабость тѣла и ума, приписывая такимъ образомъ шалость свою несовершенству природы. Стихотворецъ старается сею сатирою опровергнуть такое неправое мнѣніе, и напротиву доказать, что мы правильнѣе должны приписывать страсти свои воспитанію, котораго потомъ нѣкоторыя правила предписываетъ.

Не должно здѣсь искать подробнаго изслѣдованія такъ важнаго дѣла. Мало бы на то цѣлой книги, не только стишковъ съ триста, которые для забавы писаны, во время авторова посольства при французскомъ дворѣ 1739 года.

Начинаетъ онъ сію сатиру, осмѣвая заразительное мнѣніе людей, которые, одну старость почитая, подтверждаютъ ложно, яко бы здравое разсужденіе съ лѣтами молодыхъ людей совмѣстно быть не можетъ; а потомъ изъяснивъ, отъ чего такія неосновательныя мнѣнія въ людяхъ вкореняются, склоняетъ рѣчь къ своему намѣренію, показывая, что привычка тому начало, и что сію привычку, которую мы отъ частыхъ дѣйствій получаемъ, почти всегда въ гробъ сносимъ; слѣдовательно главная причина злыхъ и добрыхъ нашихъ дѣлъ — воспитаніе.

Ст. 1. *Если бъ я видя кого* и проч. Легко увидитъ читатель, что здѣсь слово идетъ о человѣкѣ суевѣрномъ, который въ однихъ наружныхъ поступкахъ и обрядахъ является богобоязливымъ, а въ самомъ дѣлѣ главную должность человѣка-христіанина, то есть любовь къ ближнему, пренебрегаетъ.

Ст. 3. *Не спитъ съ женою.* Есть такіе, которые, забывъ, что бракъ есть таинство, отъ исполненія брачной должности удерживаются.

Ст. 7. *Тѣмъ путемъ не пойдешь въ рай.* Молитвы, постъ и радѣніе о украшеніи церквей подлинно служатъ къ нашему спасенію, да тѣ одни способы не довольны, если, вмѣсто должной любви къ ближнему, онаго обижаемъ, коимъ путемъ въ рай не войдемъ.

Ст. 11 и 12. *Еще тридцатый не видалъ возератъ зимы.* Еще не исполнилось автору тридцать лѣтъ отъ роду: онъ родился 10 Сентября 1709 году.

Ст. 18. *Дѣла Чигиринскаго похода.* Чигиринъ, столичный городъ Запорожскихъ Казаковъ, осажденъ Турками и отъ осады освобожденъ россійскимъ войскомъ въ 1676 году. Сіи два приключенія, то есть, моръ въ Москвѣ и Чигиринскій походъ, стихотворецъ напоминаетъ, какъ дѣла, кои показываютъ старость человѣка, о которомъ здѣсь слово идетъ.

Ст. 20. *Умъ въ людяхъ не растетъ мѣсяцомъ и годомъ.* Подлинно, умъ въ насъ не растетъ по лѣтамъ, но по прилежанію нашему. Напротивъ того, часто видимъ, что человѣкъ, который въ младенчествѣ казался остроуменъ, достигнувъ совершеннаго возраста, становится слабъ разумомъ, и на-

конецъ почти безсмысленъ; а сіе происходитъ отъ собственнаго нерадѣнія.

Ст. 21. *Искусъ даетъ разуму кодпору.* Чрезъ искусство получаемъ мы только знаніе, а чрезъ оное научаемся о вещахъ и бывающихъ отъ нихъ слѣдствіяхъ разсуждать, и избирать добрые, а отбѣгать злыхъ, въ чемъ одномъ состоитъ разумъ. Горацій, въ письмѣ 2-мъ книги 2, подобное о семъ говоритъ:

Nimirum sapere est objectis utile nugis,
— Veræ numerosque modosque ediscere vitæ.

Ст. 22. *Въ позднюю пору.* То есть, въ старости, которая есть поздняя пора нашей жизни. Для пріобрѣтенія искусства многократное повтореніе случаевъ и оныхъ примѣчаніе нужно, къ чему требуется довольно времени, или многое прилежаніе.

Ст. 23 и 24. *Какъ время того, кто не примѣчаетъ.* Надлежащимъ порядкомъ слова расположены быть должны: *какъ время не знаетъ*, то есть, *не можетъ учинить искуснымъ того, кто не примѣчаетъ причины дѣлъ.* Наблюденіе разныхъ случаевъ, учиненное безъ прилежанія, не можетъ насъ искусными учинить; должно притомъ примѣчать происхожденіе и причину оныхъ, чтобъ можно было основательно разсуждать о ихъ состояніи и о ихъ слѣдствіяхъ.

Ст. 29. *Не одно то мнѣніе съ здравымъ несогласно* и проч. Представивъ образецъ неправаго мнѣнія, сатирикъ начинаетъ изслѣдовать, отъ чего подобныя мнѣнія происходятъ; а потомъ показываетъ, что по большей части худая привычка причиною оныхъ, а не природы несовершенство. Одни добровольно держатся вредныхъ мнѣній, для того, что оныя кажутся имъ или полезны или приличны, и

слѣдовательно нужны; другіе, не въ силахъ преодолѣть свою волю, которая принуждаетъ ихъ слѣдовать тѣмъ мнѣніямъ, хотя помощію здраваго разума оный вредъ и неправость разумѣютъ.

Ст. 37. *Какъ о причинѣ спросить у народа.* Ежели спросишь у народа, для чего онъ здравымъ разсужденіемъ не можетъ преодолѣть своей воли.

Ст. 43. *Никита, другъ.* Сатира сія писана къ Князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому, пріятелю нашего стихотворца.

Ст. 44. *Что если я добрую.* Какъ изрядная земля безъ удобренія заростетъ худою травою, а песчаная чрезъ труды жирна и плодоносна становится, такъ и сердце человѣческое можно исправить или повредить чрезъ воспитаніе.

Ст. 53. *Первыя младенчества лѣта.* Воспитаніе младенца надлежитъ начинать съ самаго того времени, какъ скоро онъ на свѣтъ родился; а когда уже въ одну или другую дорогу устремится, то отвесть его съ пути того трудно.

Ст. 54. *Чутко ухо.* Причина, для которой привычка молодыхъ лѣтъ весьма усиливается, есть двоякая: 1) состояніе нашихъ чувствъ, которыя въ томъ возрастѣ легче вперяютъ изображенія предлежащихъ вещей; 2) жадность къ новизнѣ.

Ст. тотъ же. *Новый житель свѣта.* То есть младенецъ.

Ст. 64. *Петръ, отецъ нашъ.* Императоръ Петръ Великій, названный по достоинству Отцемъ Отечества.

Ст. 69. *Самъ странствовалъ.* Государь Императоръ Петръ Великій дважды ѣздилъ въ чужіе края, а именно, въ 1700-мъ и въ 1715-мъ годахъ, и въ тѣхъ самыхъ поѣздкахъ не только Самъ Себя

въ знаніяхъ потребныхъ Государю наставлялъ, любопытно разсматривая все, что̀ полезное и хвальное у другихъ народовъ примѣчалъ, но съ Собою въ отечество вывезъ искусныхъ людей во всякихъ наукахъ и ремеслахъ, и въ такомъ намѣреніи многихъ дворянъ нарочно съ Собою возилъ, и на Своемъ иждивеніи посылалъ ихъ въ разные европейскіе городы для обученія.

Ст. 70. *Въ томъ, что не было.* Послѣ принятыхъ Императоромъ Петромъ Великимъ трудовъ, уже въ Россіи найти можно все то, чего искалъ Онъ въ въ чужихъ краяхъ.

Ст. 74. *Внукамъ памятна нашимъ отдаленнымъ.* Отъ трудовъ Государя Императора Петра Великаго, которые были корень или начало нынѣшней россійской славы, и отъ странствованія дворянъ въ чужихъ краяхъ для благопристойнаго воспитанія, произошли у насъ люди славные въ дѣлахъ политическихъ и военныхъ, — люди, которые въ будущіе вѣки будутъ памятны нашимъ потомкамъ. *Внуки* вмѣсто *потомковъ.*

Ст. 91. *Главно воспитанія.* Сатирикъ показываетъ нѣкоторыя краткія правила воспитанія. Главное онаго дѣло суть нравы, и потому вначалѣ трудиться должно, чтобъ младенца пріобучить къ добродѣтели; другія знанія, или науки, за тѣмъ уже слѣдовать имѣютъ.

Ст. 97. *Судъ трудный мудро рѣшить* и проч. Всѣ знанія, науки и искусства должно показывать отрокамъ въ томъ намѣреніи, чтобъ разными способами, какъ-бы по степенямъ, приводить ихъ къ благонравію, для того что чрезъ оное токмо средство могутъ современемъ быть полезными отечеству и отъ людей любимы. Знаніе законовъ,

правленія гражданскаго, искусное учрежденіе расходовъ и доходовъ государственныхъ, Мореплаваніе, Астрономія, Физика и прочія науки доставятъ человѣку имя премудраго и, можетъ быть, подадутъ способъ пріобрѣсть себѣ какое нибудь высокое достоинство; но если онъ не добродѣтеленъ, гордъ, жестокосердъ и проч., то люди его любить не станутъ.

Ст. 101. *Числить всякаго удобно.* Астрономія учитъ исчислять путь, который обтекаютъ свѣтила небесныя, и съ какою скоростію они обращаются.

Ст. 102. *Сколь велика сила надъ другимъ.* Ньютонъ, славный англійскій философъ, доказалъ, что всѣ тѣла міра взаимно себя по нѣкоторымъ правиламъ притягиваютъ. Ту силу тѣлъ назвалъ *Attractio* (*притягательная сила*), о которой здѣсь говорится.

Ст. 114. *Хвалы твои изъ его устъ.* Станетъ тебя хвалить не добровольно, но по нуждѣ, для того, что либо тебя боится, либо льститъ для своего интереса.

Ст. 116. *Гнушаясь тобой.* Пользоваться станетъ твоимъ искусствомъ, но въ сердцѣ своемъ гнушаться тобою, какъ злонравнымъ, будетъ.

Ст. тотъ же. *И той готовъ отщетиться.* Но и пользу свою презритъ, если, скучивъ отъ твоихъ непорядковъ, найдетъ способъ тебя избыть.

Ст. 117. *Слава увядаетъ.* Сколь человѣкъ ни искусенъ и ни украшенъ различными знаніями, да и сколь много пользы ни принесъ народу; но скоро минетъ вся его слава, если онъ не умѣлъ заслужить себѣ любовь онаго добронравіемъ.

Ст. 121. *Добродѣтель лишь одна.* Не только добродѣтелью легко можемъ мы снискать любовь отъ людей, но, сверхъ того, она одна сильна

утвердить въ спокойствіи нашу совѣсть, и дать намъ умѣренность въ желаніяхъ, постоянство и терпѣніе во всякомъ состояніи и смѣлость въ ожиданіи нетрепетно смерти.

Ст. 123. *Счастья грудь и спину*. То есть доброе и худое счастіе. Когда намъ счастіе служитъ, то оно къ намъ смотритъ, а когда отъ насъ уходитъ, то спиною оборачивается.

Ст. 130. *Если бъ изъ двухъ нуженъ былъ*. Конечно, должно прежде всего отроковъ обучать добронравію, для того, что ежели бъ кто изъ двухъ, то есть добродѣтельнаго человѣка неученаго, а другаго плута искуснаго и обученаго, котораго ни есть пожелалъ выбрать въ какой чинъ, или опредѣлить къ какому дѣлу, то не полезнѣе ли народу и не правильнѣе ли такой поступитъ, избравъ хотя неученаго, но честнаго человѣка, нежели искуснаго плута.

Ст. 135. *Рубить число долженъ въ палку*. Безграмотные люди зарубаютъ на палочкѣ числа, единицы простою чертою, а десятки крестиками.

Ст. 138. *Лучше всей Сухаревой башни*. На сей башнѣ въ Москвѣ заведена школа для обученія молодыхъ людей начальнымъ основаніямъ Ариѳметики, Геометріи и другихъ частей Математики.

Ст. 139. *Завсегда дѣтямъ твердя*. При воспитаніи, яко главномъ дѣлѣ, наблюдать должно сіи правила: 1) съ успѣхомъ дѣтей наставлять можно исподоволь, и больше ласкою, нежели строгостію, для того что молодые умы, будучи отягощены непрестаннымъ обученіемъ, затмеваются, и тѣмъ больше къ лѣности приходятъ, а строгость всѣваетъ въ нихъ ненависть къ ученію. 2) Не должно ихъ обличать предъ людьми, чѣмъ ума-

ляется въ нихъ любовь славы и добраго имени; ибо часто посрамленный предъ людьми стыда уже не имѣетъ. 3) Не надлежитъ угрожать имъ побоями, чѣмъ отнимается у нихъ похвальная и нужная смѣлость; напротивъ того, отъ всего торопѣть будутъ, что̀ возбраняетъ имъ пользоваться предлежащими полезными случаями.

Ст. 149. *Счастливъ, кто надеждою.* Всего приличнѣе дѣтей побуждать къ добрымъ дѣламъ надеждою похвалъ, чѣмъ учинишь имъ добродѣтель любезну.

Ст. 150. *Много къ тому примѣръ пособляетъ.* Примѣръ много споспѣшествуетъ дѣтямъ къ благонравію, когда они всегда слышать будутъ добрые совѣты, разговоры и наставленія.

Ст. 152. *Примѣръ наставленія всякаго сильнѣе.* Роленъ, слѣдуя Сенекѣ, *въ Правилахъ Наставл. томъ* 1, *стр.* 49, то же мнѣніе подтверждаетъ: *Pour la vertu aussi bien que pour les sciences la voye des exemples est bien plus courte et plus sure que celles des préceptes.*

Ст. 153. *Онъ и скотовъ слѣдовать родителямъ учитъ.* Противъ сего мнѣнія, что *воспитаніе есть причина нравовъ*, сильнѣйшія противоположенія суть: 1) *дѣйства безсмысленныхъ*, которые кажутся не что иное, какъ побужденіе природной склонности; 2) *различіе нравовъ въ двухъ братьяхъ*, кои равномѣрно воспитаны. Сатирикъ тѣми же самыми опроверженіями подкрѣпляетъ свое мнѣніе.

Ст. 159. *Выросшихъ подъ тѣми жъ глазами.* Коихъ вскормилъ тотъ же дядька, та же бабка, та же кормилица.

Ст. 162. *Ни надежда свесть, ни страхъ.* Сіи суть два сильныя орудія къ склоненію сердца человѣ-

ческаго, которыя, чрезъ обѣщаніе награжденій или чрезъ страхъ наказаній, къ весьма многимъ непорядкамъ поводъ подаютъ; а кто имъ противиться умѣетъ, тотъ подлинно много можетъ.

Ст. 165. *Сухими глазами.* То есть, не можетъ смотрѣть не прослезясь.

Ст. 166. *Сердцемъ даетъ, что даетъ руками.* То есть, даетъ отъ всего сердца. Тотъ даръ не совершенъ, который дается съ угрюмымъ лицемъ, и какъ-бы по неволѣ.

Ст. 173. *Если бъ я сыновнюю.* Сатирикъ показываетъ способъ, какъ должно примѣръ употреблять къ исправленію дѣтей. Подражаніе слѣдующихъ Гораціевыхъ стиховъ сат. IV, книги 1:

– – – Insuevit pater optimus hoc me,
Ut fugerem, exemplis vitiorum quæque notando.
Cum me hortaretur, parce frugaliter, atque
Viverem uti contentus eo, quod mi ipse parasset:
Non ne vides, Albi ut male vivat filius? utque,
Barrus inops? magnum documentum, ne patriam rem
Perdere quis velit; a turpi meretricis amore
Cum deterreret: Sectani dissimilis sis.
Ne sequrer mœchas, concessa cum Venere uti
Possem; deprensi non bella est fama Treboni,
Aiebat.

Ст. 174. *Злонравія.* Разумѣется *скупость.*

Ст. 180. *Гдѣ сидитъ Клеархъ.* Клеархъ, промотавъ отцовское имѣніе, за долги въ тюрьму посаженъ.

Ст. 182. *Къ подлой похоти.* То есть, къ блядовству.

Ст. 183. *Смотрѣть Мелита въ постели.* Гдѣ онъ страждетъ отъ нечистой болѣзни.

Ст. 187. *Не одни тѣ растятъ насъ.* Воспитаніе

не отъ однихъ тѣхъ зависитъ, коимъ мы поручены, но все, что̀ младенца ни окружаетъ, новой въ немъ нравъ произвесть можетъ: какъ для возращенія цвѣта одного сѣмени не довольно, но много и другихъ обстоятельствъ къ тому требуется.

Ст. 196. *Прельститъ твою вѣру.* Вмѣсто, *прельститъ твою надежду.* Ты вѣришь, что будетъ изрядный цвѣтъ, для того что посѣялъ изрядное сѣмя; но если другія обстоятельства противны, то сѣмя изрядное произведетъ худой цвѣтъ, или совсѣмъ въ землѣ исчезнетъ.

Ст. 197. *Филинъ выросъ пьяница.* Слѣдуютъ примѣры въ доказательство тому, что все окружающее младенца можетъ служить къ разнымъ перемѣнамъ его нрава. Такъ Филинъ выросъ пьяница для того, что пьяница былъ его сродникъ, который его воспиталъ и проч.

Ст. 202. *Языкъ скоротечный.* То есть, бабушки его языкъ.

Ст. 203. *Сильвія круглую грудь.* Подъ именемъ Сильвіи разумѣются сластолюбныя жены, кои всячески стараются прельщать молодыхъ людей къ невоздержнымъ поступкамъ.

Ст. 207. *Боясь досаднаго въ отказѣ отвѣта.* Боясь, чтобъ тотъ, кому она откажетъ, не назвалъ ее немилосердою, жестокою, окаменѣлою.

Ст. 209. *Обычно цвѣтъ чистоты первый увядаетъ.* Подлинно, дѣти почти уже лишаются своего дѣвства въ объятіяхъ мамокъ и служанокъ домашнихъ; и если что̀ крадутъ у отца и отлыгаются, то въ томъ наставлены бываютъ отъ своихъ слугъ.

Ст. 214 и 215. *Часто дѣти были бы честнѣе, если бъ и мать и отецъ.* Дѣти были бы добродѣтельнѣе, если бы сами родители умѣли воздер-

жаться предъ ними отъ худыхъ поступковъ. Ювеналъ въ сатирѣ 14 говоритъ:

Plurima sunt, Fucsine, et fama digna sinistra,
Et nitidis maculam ac rugam figentia rebus,
Quæ monstrant ipsi pueris traduntque parentes.
Si damnosa senem juvatalea, ludit et haeres
Bullantus, parvosque eadem movuet arma fritillo.

Тамъ же:

Sic natura jubet, velocius et citius nos
Corrumpunt vitiorum exempla domestica, magnis
Cum subeunt animos auctoribus.

Ст. 217. *Правдой и неправдою* и проч. по ст. 232. Ежели отецъ самъ злонравіями изобилуетъ, и оныя предъ сыномъ своимъ повседневно оказываетъ, то весьма бъ безразсудно было требовать отъ сына, чтобъ онъ отъ тѣхъ пороковъ удалялся, и держался противныхъ добродѣтелей, для того что образецъ сильнѣе, нежели совѣты, и будетъ поступать сынъ всегда по примѣру отца своего.

Ст. 229. *По водѣ тогда мои. Вилами по водѣ писать*, старая пословица, которая значитъ *трудъ напрасно терять*.

Ст. 230. *Домашній, показанный часто примѣръ.* Ювеналъ подобное сему пишетъ въ сатирѣ 14.

Sed reliquos fugienda patrum vestigia ducunt,
Et monstrata diu veteris trahit orbita culpae.

Ст. 237. *Если молодого мать рака обличаетъ.* Если я обращаюсь въ порокахъ, и за тѣ самые журю сына, то онъ то же мнѣ отвѣтствуетъ, что въ Езоповыхъ басняхъ молодой ракъ отвѣчаетъ матери, которая его обличала, что не умѣетъ плавать прямо впередъ, но всегда идетъ задомъ: *Поди, матушка, сама прямо, а я буду тебѣ подражать*. Въ комедіи Бурсовой читаемъ слѣдующее:

Ma mère, nous nous ressamblons,
J'ai pris pour façon de vivre,
La facon dont vous vivez:
Allez droit, si vous pouvez,
Je tacherai de vous suivre.

Ст. 240. *Нельзя ль добрымъ быть.* Если тебѣ трудно кажется обуздать свои страсти воздержаніемъ отъ худыхъ поступковъ, то по крайней мѣрѣ не оказывай оныхъ предъ дѣтьми.

Ст. 243. *Когда гостя ждешь къ себѣ.* Ювеналъ въ сатирѣ 13, ст. 59, пишетъ о семъ такъ:

Hospite venturo, cessabit nemo tuorum:
Verre panimentum: nitidas ostende columnas,
Arida cum tota descendat aranea tela:
Hic lau et argentum; vasa aspera tergat alter:
Vox domini furit instantis, virgamque tenentis.
Ergo miser trepidas, ne stercore fœda canino
Atria disspliceant oculis venientis amici,
Ne perfusa luto sit porticus; et tamen uno
Semodio scobis hæc amendat servulus unus:
Illud non agitas, et sanctam filius omni
Adspiciat sine labe domum, vitioque carentem!

Ст. 253. *Острый судья.* Подъ именемъ *судьи* разумѣется всякъ, кто разсуждаетъ о нашихъ дѣлахъ, по-французски *Critique.*

Ст. 264. *Кои жизни чая время скудно.* Многіе всякое предложеніе осуждаютъ безъ всякой причины, не вѣдая, о чемъ дѣло идетъ. Довольно имъ кажется презирать то, чего не знаютъ, и въ томъ не тратить времени, которое лучше въ забавахъ и праздности по ихъ мнѣнію препроводить.

Ст. 278. *Всякъ открывать свое мнѣніе свободенъ.* Стихотворецъ свое мнѣніе о воспитаніи объявляетъ съ тѣмъ, что оно не токмо закону не противно,

но паче съ законами и пользою общества согласно. Сколь бы большое число было добродѣтельныхъ гражданъ, если бы за всякое преступленіе должны были отвѣтствовать наши воспитатели; или ежели бы родители наши въ томъ увѣрены были, что нѣтъ такого младенца, котораго бы чрезъ порядочное воспитаніе не возможно было учинить добродѣтельнымъ.

Ст. 272. *Досуженъ стишки пишу для твоей забавы.* Изъ сего стиха разумѣется, что сатирикъ о семъ дѣлѣ не пофилософски разсуждаетъ, но только пишетъ стихи въ забаву пріятеля, и потому точнаго изслѣдованія въ нихъ искать не должно.

Ст. 273 и 274. *Одно и дѣло начавъ, рѣчью отскочилъ на другое.* Началъ сатиру осмѣяніемъ суевѣрнаго и злобнаго человѣка, а потомъ склоняетъ рѣчь къ воспитанію. Почти всѣ Гораціевы сатиры и письма такимъ образомъ составлены, какъ обыкновенно бываютъ разговоры, и для того онъ тѣ сочиненія назвалъ *Sermones*, то есть *разговоры* или *бесѣды.*

Ст. 276. *Блистаетъ въ сумятицѣ умокъ къ чину скуденъ.* Часто случается, что человѣкъ по видимому остраго ума, говоря безпорядочно и сумасбродно, который, не употребляя разсужденія, поверхностей однѣхъ касается, становится вдругъ тупъ и нѣмъ, когда онъ напослѣдокъ принужденъ бываетъ разговоры свои порядочно предлагать другому, и располагать слова̀ свои такъ, чтобъ одно съ другимъ вязалось. Вольтеръ въ Генріадѣ своей въ пѣсни I, ст. II, говоритъ о семъ нѣчто подобное:

Tel brille au second rang qui s'eclipse au premier.

то есть:

Часто на второй степени блистаетъ, кто на первой помрачается.

Ст. 279. *Не ввергнуть не кстати другое.* Подлинно, сіе смѣха достойно, какъ изрядно Горацій изобразилъ, уподобляя такой разговоръ живописи, коею напримѣръ представленъ бы былъ звѣрь, составленный изъ женской головы, изъ конской гривы, изъ разныхъ перьевъ и изъ различныхъ членовъ разныхъ животныхъ, а кончался бы рыбьимъ хвостомъ, чѣмъ начинаетъ онъ свои стихи о стихотворной наукѣ:

Humano capiti cervicem pictor equinam
Jungere si velit, et varias inducere plumas,
Undique contractis membris, ut turpiter atrum
Desinat in piscem, mulier formosa superne.

Рѣчь *не кстати* служитъ къ оправданію нашего стихотворца, который отъ начатаго дѣла отдалился къ другому кстати, потому что между мнѣніемъ *суевѣрнаго*, которому онъ въ началѣ сатиры смѣется, и между другимъ мнѣніемъ, что *старикъ трехъ молодыхъ разумомъ превосходитъ*, есть нѣкоторое сходство, поколику оба сіи мнѣнія справедливы.

САТИРА VIII.

—

Счастливъ тотъ, кто, на одной ногѣ стоя, двѣсти
Стиховъ пишетъ въ часъ одинъ, и что̀ день, полдести
Измараетъ; не смотря на то, какъ ни пишетъ,
Мало суетясь, какой вѣтръ на дворѣ дышетъ.
Меня рокъ мой осудилъ писать осторожно,
И писать съ трудомъ стихи, кои бы честь можно.
   Когда за перо примусь, совѣсть испытаю,
Не съ страсти ли я какой творцемъ стать желаю,
Не похвалъ ли, коихъ жду отъ тѣхъ трудовъ, жадность,
Не гнѣвъ ли, не зависть ли, иль къ ближнимъ нещадность
Волю ту влагаетъ въ умъ. Сколько бы ни честное
Собою дѣйство было, но можетъ быть злое,
Когда намѣреніе и поводъ неправы.
   Если совѣсть не ворчитъ, людей уже нравы
Предъ себя въ смотръ выведу, и чѣмъ лучше знаю,
Тѣмъ яснѣе отъ вреда пользу различаю,
Готовя однимъ хвалу, другимъ смѣхъ беззлобный.
Избравъ силамъ моимъ трудъ равный и способный,
Пущу перо, но въ уздѣ; хѣрить не лѣнюся;

Много ль, мало ль напишу стишковъ, не пекуся,
Но смотрю, чтобъ здравому смыслу рѣчь служила,
Не нужда мѣры слова безпутно лѣпила;
Чтобъ всякое на своемъ мѣстѣ стоя слово,
Не слабо казалося, ни столь лишно ново,
Чтобъ въ безплодномъ звукѣ умъ не могъ понять дѣло.
Во всемъ между тѣмъ смотрю, не чрезчуръ ли смѣло,
Не досадна ли кому рѣчь, что съ пера сплыла,
Стрегучись, чтобъ, хуля злы нравы, не открыла
Злонравнаго ясная чрезмѣру примѣта.
Видалъ ли искуснаго когда рудомета,
Кой тучну руку сѣчетъ больному въ отраду?
И обвязавъ оную, долго, часто, сряду
Напряженну щупаетъ жилу сверху, съ боку,
И сталь впустивъ, смотритъ, чтобъ не весьма глубоку,
Ни узку, ни широку растворить въ ней рану,
Чтобъ не проткнуть, чтобъ подъ ней не нанесть изъяну.
Того осторожности точно подражаю,
И когда стихи пишу, мню, что кровь пущаю.
Кончивъ дѣло, надолго тетрадь въ ящикъ спрячу.
Пилю и чищу потомъ, и хотя истрачу
Большу часть прежнихъ трудовъ, новыхъ не жалѣю;
Совсѣмъ тѣмъ стихи свои я казать не смѣю.
Стыдливымъ, боязливымъ, и всегда собою
Недовольнымъ быть во мнѣ природы рукою

Втиснено, иль отеческимъ совѣтомъ издѣтства
Здравый смыслъ часто притомъ и труды и бѣдства
Внушалъ мнѣ, если бъ я сталъ смѣлъ и стыдъ оставилъ;
Съ тѣхъ поръ слѣдовалъ туда, куда онъ направилъ.
Вѣрилъ всегда, что лице, на коемъ садится
Часто красный цвѣтъ стыда, вдвое становится
Красивѣе, и даетъ знаки неоспорны
Внутреннія доброты; что языкъ проворный,
Когда бѣжитъ безъ узды, долженъ спотыкаться;
Что смѣлость только тогда хвальна можетъ зваться,
Когда противляемся нашей злобной волѣ,
Иль законно рвемъ вѣнцы изъ рукъ враговъ въ полѣ,
Когда клеветниковъ ложь гнусну обличаемъ,
Иль невинность слабую право защищаемъ;
Что кто выше всѣхъ себя цѣня повышаетъ,
Достойнымъ похвалъ себя самъ не почитаетъ.
Теперь тѣ свойства мои чувствую умиленъ,
Сколь вредны мнѣ, и уже избыть ихъ не силенъ.
Вредны не въ одномъ лишь томъ, что мѣшаютъ смѣло
Стихи писать и казать, и, какъ многи, дѣло
Свое въ люди выводить, самъ то выхваляя.
Часто счастливый случай, кой у пальцевъ края
Моихъ лежалъ, упустилъ, не посмѣвъ вжать въ руку;
Часто безконечныхъ вракъ тяжку снесъ я скуку

Потѣя, сжимаяся, бывъ нѣмѣе клуши,
Стыдясь сказать: пощади дружокъ мои уши.
Между тѣмъ другой, кому боги благосклонны
Дали мѣдное лице, дабы всѣ законы
Стыда чувства презирать не рдясь, не блѣднѣя,
У всякихъ стучитъ дверей, предъ всякимъ и шея
И спина гнется его; въ отказѣ зазору
Не знаетъ, скучая всѣмъ дерзокъ безъ разбору.
Сотью прогнанъ, сотью онъ возвратится сряду,
Ни слугъ, ни господскую помня онъ досаду.
И такъ съ степени въ степень счастье его взноситъ;
Чтобъ избыть его, даютъ ему, что̀ ни проситъ.
Пока я даромъ пять лѣтъ, вздыхая, истрачу
При красавицахъ, одинъ смѣлому удачу
День доставитъ, и его надежду вѣнчаетъ.
Заслуги свои, родъ, умъ, съ устъ онъ не спускаетъ,
Чужія щиплетъ дѣла, о всемъ дерзко̀ судитъ,
Себя слушать и нѣмѣть всѣхъ въ бесѣдѣ нудитъ
И дивиться наконецъ себѣ заставляетъ.
Рѣдко кто рѣчи людей право вѣсить знаетъ,
И склоненъ, испытавъ словъ силу всѣхъ подробно,
Судить потомъ, каковъ мозгъ, кой родить удобно
Могъ тѣ слова: больша часть по числу словъ мѣритъ
Въ насъ разумъ, и глупцами молчаливыхъ вѣритъ.
Часто слышу рѣчь его: Аристъ мужикъ честный

Тихъ, учтивъ, и можетъ быть другу другъ нелестный;
Да въ часъ слова у него не можно добиться,
Сотью жевана изъ устъ рѣчь его тащится
И не долга и тиха; вѣкъ я съ нимъ зѣваю,
И потому разума въ немъ не признаваю.
Древле добродѣтели средину держали
Между двухъ краевъ, гдѣ злы нравы засѣдали;
Въ наши вѣки тотъ уже чинъ дѣлъ отмѣнился.
Кто умѣренный доходъ имѣя, не тщился
Правдой и неправдою золота примѣтны
Копя кучи, накопить богатства несчетны,
Лѣнивецъ онъ, и живетъ въ презрѣніи скудно.
Кто къ дѣлу лишь говоритъ въ мѣру и разсудно:
Угрюмъ, скучливъ; кто свои дѣла смысломъ правитъ,
Малодушенъ, надъ собой смѣяться заставитъ.
Гонимъ за славой путемъ дерзки и безстыдны,
На коемъ славы слѣды ни малы не видны,
И кажемся нагонять сами себѣ любы.
Когда облакъ съ нашихъ мы прогонимъ глазъ грубый,
И нашъ увидимъ обманъ, кой въ пропасть насъ вводитъ,
Ужли для насъ истины солнце ужъ не всходитъ?
Напрасно мы льстимъ себѣ; сколь намъ ни любезенъ,
Сколь ни нравенъ порокъ нашъ мнится и полезенъ,

Хулы достоинъ всегда, и достоинъ смѣха;
Долгаго въ немъ ожидать не можно успѣха.
Слѣдуетъ тому всегда зазоръ, страхъ и скука;
Долга малой сладости и тяжка есть мука.
Что пользуетъ множество людей безразсудно
Привесть въ удивленіе, когда въ одномъ трудно
Часъ они могутъ стоять, и что теперь хвалятъ,
Величаютъ, спустя часъ, хулятъ ужъ и малятъ?
Когда честный, мудрый мужъ, сколь часто случится
Ему на насъ вскинуть глазъ, отъ дѣлъ нашихъ рдится?
Словомъ, добродѣтели кто измѣнилъ истой,
Пусть не приближается къ престолу нечистой,
На коемъ лучшій ея другъ насъ управляетъ.
Нераздѣльна отъ нея Анна въ лице знаетъ
Вѣрныхъ добродѣтели слугъ, и тѣмъ обильны
Дары сыплетъ; лучей снесть глазъ Ея не сильны
Злонравные, коихъ вся надежда въ обманѣ,
Какъ рукъ Ея перуна Скиѳы, Агаряне.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ САТИРѢ ВОСЬМОЙ.

—

Осмѣяніе безстыдной нахальчивости есть главное намѣреніе сей сатиры, въ которой издатель потомъ вкратцѣ коснувся нынѣшнему неправому суду о дѣлахъ человѣческихъ, заключаетъ похвалами Государыни Императрицы Анны Іоанновны. Она писана въ Парижѣ въ концѣ 1739 года.

Ст. 1. *Счастливъ тотъ, кто на одной.* Для обличенія безстыдства и нахальчивости, стихотворецъ начинаетъ сатиру сію описаніемъ своей собственной стыдливости и несмѣлости, которыя два свойства самъ въ себѣ признаваетъ, и потомъ уже подробно изъясняетъ, съ какою осторожностью сатиры писать должно, и каковъ быть долженъ слогъ стиховъ, чтенія достойныхъ.

Ст. 4. *Мало суетясь, какой вѣтръ.* Мало печалясь о томъ, въ какихъ обстоятельствахъ онъ находится, и каковы люди, коихъ обличаетъ и проч.

Ст. 10. *Къ ближнимъ нещадность.* Склонность вредить ближнему.

Ст. 11. *Волю ту.* То есть, желаніе быть стихотворцемъ.

Ст. 14. *Если совѣсть не ворчитъ.* Если совѣсть во мнѣ не обличаетъ никакой страсти, которая бы меня стихи писать побудила.

Ст. 22. *Не нужда мѣры.* Нужда мѣры стиха, который состоять долженъ изъ тринадцати слоговъ.

Ст. 24. *Ни столь лишно ново.* Стихотворцы съ похвалою иногда необыкновенные образы реченія и новизну какъ въ выдумкѣ, такъ и въ самомъ реченіи употребляютъ, лишь бы та новость была читателю вразумительна. Не могу умолчать здѣсь о изрядныхъ правилахъ, которыя Горацій для стихотворныхъ сочиненій предписываетъ во 2-мъ письмѣ, книги 2-й.

— — Qui legitimum cupiet fecisse poëma,
Cum tabulis animum censoris sumet honefti:
Audebit quæcunque parum splendoris habebunt,
Et sine pondere erunt, et honore indigna ferentur,
Verba movere loco, quamuis in vita recedant,
Et versentur adhuc intra penetralia Vestæ.
Obfcurata diu populo, bonus eruet, atque
Proferet in lucem speciosa vocabula rerum:
Quæ priscis memorata Catonibus atque Cethegis,
Nunc situs informis premit et diserta vetustas
Asdciscet nova, qua genitor produxerit usus
Vehemens, et liquidus, puroque simillimus amni.
Fundetopes, Latiumque beabit divite lingua:
Luxuriantia compescet, nimis aspera sano
Levabit cultu, virtute carentia tollet:
Ludentis fpeciem dabit, et torquebitur; ut qui
Nunc Satyrum, nunc agrestem Cyclopa movetur.

То есть:

— — Кто ищетъ правильное твореніе выдать,
Къ разсмотру принявъ свои тетради, вдругъ приметъ
Сердце честнаго судьи, и рѣчи, которы
Или мало явственны, иль слабы, иль подлы,
Благодушно выхѣритъ, хоть тѣ не охотно
Покинутъ мѣсто свое, хоть тѣ неисходны

Весты тайнолюбныя кроются въ затворахъ,
Ласковъ на свѣтъ выведетъ мрачныя народу
Рѣчи многосильныя, которы знакомы
Катонамъ и Цетегамъ, а теперь подъ плѣснью
Гнусною и древностью забытой стенаютъ;
Присвоитъ и новые, которыхъ однако жъ
Обычай самъ породилъ и произвелъ въ люди.
Быстръ и свѣтелъ, и рѣкѣ подобнѣйшій чистой
Изліетъ сокровища, и ублажитъ Римлянъ
Славное отечество языкомъ обильнымъ.
Все, что въ сочиненіяхъ излишно, убавитъ;
Здравымъ украшеніемъ все, что въ нихъ сурово,
Загладитъ и умягчитъ; все, что ни пріятно,
Ни важно, немилостивъ выкинетъ и вытретъ.
Станетъ казаться играть онъ, но въ самомъ дѣлѣ
Будетъ въ поту мучиться, какъ изображаяй
Сатира, иль Циклопа лѣснаго плясальщикъ.

Ст. 25. *Чтобъ въ безплодномъ звукѣ умъ не могъ понять дѣло.* Невразумительныя слова по справедливости *безплоднымъ звукомъ* назвать можно.

Ст. 26. *Не чрезчуръ ли смѣло.* Прилагательное *смѣло* надлежитъ къ рѣчи *слово* въ предъидущемъ стихѣ 23-мъ.

Ст. 29. *Ясная тому примѣта.* То есть, ясное описаніе.

Ст. 31. *Кой тучну руку сѣчетъ.* Въ коей жилы лежатъ глубоко, и потому во время пусканія крови большая осторожность требуется.

Ст. 34. *И сталь впустивъ.* Разумѣется лекарское орудіе для пусканія крови; называется съ французскаго *ланцетомъ.*

Ст. 36. *Чтобъ не проткнуть, чтобъ подъ ней не нанесть изъяну.* То есть, чтобъ, проткнувъ жилу, не коснуться артеріи или напрягательной жилы,

отъ чего люди, кровію истекши, жизни лишаются.

Ст. 52. *Языкъ проворный.* Вмѣсто *весьма говорливаго человѣка*, каковы бываютъ нахалы или несговорчивые люди.

Ст. 55. *Когда нудимся прогнать.* Когда нашимъ злымъ склонностямъ сопротивляясь, стараемся оныя преодолѣть; то въ такомъ случаѣ смѣлость, спокойство духа и мужество особливо похвальны.

Ст. 56. *Иль законно реетъ вѣнцы.* То есть, когда мы воюемъ съ непріятелемъ отечества, и побѣду надъ нимъ получить стараемся; и притомъ если законно воюя, больше похвалы мужествомъ, нежели хулы заслуживаемъ. *Вѣнецъ* знакъ побѣды.

Ст. 61. *Тѣ свойства мои.* То есть, *стыдливость и несмѣлость.*

Ст. 72. *Мѣдное лице.* Въ которомъ цвѣтъ никогда не перемѣняется.

Ст. 78. *Помня онъ досаду.* То есть, учиненную ему отъ господина или слуги суровымъ отказомъ или прогнаніемъ со двора, и проч.

Ст. 84. *Онъ.* То есть, нахальчивый.

Ст. 87. *И дивиться наконецъ.* Такими поступками наконецъ людей удивляться себѣ заставитъ, такъ, какъ умному и важному человѣку.

Ст. 88. *Рѣдко кто рѣчи людей.* Для того заставляетъ себѣ, какъ умному, дивиться, что рѣдко кто знаетъ или хочетъ брать на вѣски силу и связь рѣчей его.

Ст. 99 и 100. *Древле добродѣтели* и проч. Люди не только по пространству рѣчей разсуждаютъ о разумѣ человѣка, но и о всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ неправое мнѣніе имѣютъ. Прежде сего добродѣтель стояла въ срединѣ, а теперь поставляютъ оную на краяхъ. Напримѣръ прежде сего

между *малодушіемъ* и *отважностію* стояла *храбрость* и *мужество*, а теперь *продерзостъ* и *нахальчивость* за добродѣтель почитаются.

Ст. 105. *И живетъ въ презрѣніи скудно.* Не только живетъ въ скудности, но и въ презрѣніи. Ювеналъ въ сатирѣ 3 говоритъ:

Nil habet infelix paupertas durius in fe,
Quam quod ridiculos homines facit.

Ст. 109. *Гонимъ за славой.* Ищемъ славы тамъ, гдѣ оной слѣдовъ не видно.

Ст. 111. *И кажемся нагонять сами себѣ любы.* Сами себѣ лаская думаемъ, что уже слава въ рукахъ нашихъ.

Ст. 113. *И нашъ увидимъ обманъ. Обманъ* значитъ здѣсь *погрѣшеніе ума*, по-латински *error.* Разсуждая вышеписаннымъ образомъ о добродѣтеляхъ, слѣпо разсуждаемъ; а еще и болѣе того погрѣшаемъ, когда, видя удачу въ злыхъ дѣлахъ, оныя признаваемъ быть полезными.

Ст. 120. *Долга малой сладости и тяжка. Малой сладости*, которую подаетъ успѣхъ злыхъ дѣлъ, *долгая и тяжкая мука*, какова есть зазоръ, страхъ и скука, бывающая отъ раскаянія.

Ст. 121 по 125. *Что пользуетъ множество*, и проч. Сверхъ того, что злыхъ дѣлъ удача не долговременна, и что за нею слѣдуетъ непосредственно зазоръ, страхъ и раскаяніе мало намъ пользуетъ, злонравіемъ простой и безразсудной народъ приводить въ удивленіе, которой непрестанно мнѣніе свое перемѣняетъ.

Ст. 125 и 126. *Когда честный мудрый мужъ* и проч. Хотя простой и безразсудный народъ дивится удачѣ нашихъ злыхъ дѣлъ, но всякъ благо-

разумный и честный человѣкъ, видя такія наши дѣла, стыдится и отвращается.

Ст. 127. и слѣд. *Словомъ добродѣтели кто измѣнилъ* и проч. Императрица Анна, бывъ искреннѣйшимъ другомъ добродѣтели, знала ея слугъ отъ измѣнниковъ различать, и какъ тѣхъ щедро награждала, такъ сихъ ненавидѣла и презирала. *Добродѣтели истой*, то есть, истинной и древнихъ временъ добродѣтели, а не такой, какую мы неправо почитаемъ.

Ст. 128. *Нечистый.* Разумѣется такой, который къ оному священному мѣсту, каково есть императорскій престолъ, приближаться не можетъ.

Ст. 130. *Отъ нея.* То есть, отъ добродѣтели.

Ст. 133. *Коихъ вся надежда въ обманѣ. Обманъ* здѣсь значитъ *коварство* или *навѣтъ*. Злонравные инако не могутъ ожидать себѣ пользы, кромѣ той надежды, что насъ коварствомъ своимъ обмануть могутъ.

Ст. 134. *Какъ перуна рукъ ея Скиѳы, Агаряне.* Злонравные не могутъ снесть лучей глазъ ея, такъ какъ Скиѳы и Агаряне не въ силахъ противустать ея оружію; ибо *перунъ* значитъ здѣсь оружіе, котораго силу Татаре и Турки, подъ именемъ Скиѳовъ и Агарянъ означенные, въ послѣдней четырехлѣтней войнѣ почувствовали.

ПѢСНИ, БАСНИ, ПИСЬМА

И

ЭПИГРАММЫ.

ПѢСНЬ I.

—

Тщетную мудрость міра вы оставьте,
Злы богоборцы! обративъ кормило,
Корабль свой къ берегу истины направьте,
Теченье ваше досель блудно было.
Признайте Бога, иже управляетъ
Тварь всю своими созданну руками.
Той простеръ небо; да въ немъ намъ сіяетъ,
Далъ солнце, свѣта источникъ, съ звѣздами.
Той луну, солнца лучи преломляти
Научивъ, темный шаръ свѣтить заставилъ.
Имъ зрятся чудны сіи протекати
Тѣлеса воздухъ, и въ нихъ той уставилъ
Теченій мѣру, порядокъ и время,
И такъ увѣсилъ всѣ махины части,
Что нигдѣ лишна легкость, нигдѣ бремя;
Другъ друга держатъ и не могутъ пасти.
Его же словомъ въ воздушномъ пространствѣ,
Какъ мячикъ легкій, такъ земля катится;
Въ травъ же зеленомъ и дубравъ убранствѣ
Тутъ гора, тамо долина гордится.
Той изъ источникъ извелъ быстры рѣки,
И пескомъ слабымъ велѣлъ сохраняти
Морямъ свирѣпымъ свой предѣлъ вовѣки,
И вѣтрамъ легкимъ далъ съ шумомъ дышати.

Разны животныхъ оживилъ Онъ роды;
Часть перомъ легкимъ въ воздухѣ тѣла бремя
Удобно взноситъ, часть же сѣчетъ воды,
Ползетъ иль ходитъ грубѣйшее племя.
Съ малой частицы мы блата сплетенны
Того жъ въ плоть нашу всесильными персты,
И устенъ духомъ его оживлены;
Онъ намъ къ понятью далъ разумъ отверзтый.
Той черный облакъ жаркимъ раздѣляя
Перуномъ, громко гремя устрашаетъ
Землю и воды, и дальнѣйша края
Темнаго царства быстръ звукъ достигаетъ;
Низитъ высокихъ, низкихъ возвышаетъ;
Тутъ даетъ, что̀ тамъ восхотѣлъ отъяти.
Горамъ коснувся дымѣтъ понуждаетъ:
Маніемъ міръ весь силенъ потрясати.

ПѢСНЬ II.

—

Видишь, Никита, какъ крылато племя
Ни землю пашетъ, ни жнетъ, ниже сѣетъ;
Отъ руки вышней однакъ въ свое время
Пищу довольну, жизнь продлить, имѣетъ.

*

Лилеи въ полѣ, какъ зришь, многоцвѣтной
Ни прядетъ, ни тчетъ Царь мудрый Сіона;
Однако въ славѣ Своей столъ примѣтной
Не имѣлъ одежды. Ты голосъ закона,

*

Въ сердцахъ природа кой отъ вѣкъ вложила,
И Богъ во плоти подтвердилъ, внушая,
Что честно, благо, пусть того лишь сила
Тобой владѣетъ, злости убѣгая.

*

О прочемъ помыслъ Отцу Всемогущу
Оставь, Который съ облакъ устремляетъ
Перуны грозны и бурю ревущу;
Тучу въ пріятно ведро̀ обращаетъ.

*

Что̀ завтра будетъ, искать не крушися;
Всякъ настоящій день даръ быть считая,

Себѣ полезенъ, и инымъ потщися
Учинить, вышне наслѣдство жадая.

*

Властелинъ Міра нужду твою знаетъ;
Не лишитъ пищи, не лишитъ одежды,
Кто Того волю смиренъ исполняетъ,
Не отщетится своей въ Немъ надежды.

—

ПѢСНЬ III.

Того вы мужа, что̀ пріятна зрите
Лицемъ, что̀ въ сладкихъ словахъ, кленясь небомъ
Дружбу сулитъ вамъ, вы, друзья, бѣгите!
Ядъ подъ мягкимъ хлѣбомъ.

*

Если бы сердце того видѣть можно,
Видно бъ, сколь злобна мысль, хоть мнятся правы
Того поступки, и сколь осторожно
Свои таитъ нравы.

*

Помочи въ нуждахъ отъ него не ждите:
Одному только онъ себѣ радѣетъ;
Обязать службой себѣ не ищите:
Забывать умѣетъ.

*

Что у другого въ рукахъ ни увидитъ
Лишно чрезмѣрно въ рукахъ тѣхъ быть чаетъ,
И неспокойнымъ сердцемъ то завидитъ;
Всѐ себѣ желаетъ.

*

Когда вредитъ кто, кому лише сможетъ,
Вредитъ безъ всякой бѣдному причины;
Сильно въ несчастье впадшему поможетъ
Достичь злой кончины.

Ни старость честна, ниже святость сана,
Ни слабость пола языкъ обуздати
Его не можетъ; вся суть имъ попрана;
Всѣхъ обыклъ пятнати.

*

Кому свое съ нимъ счастіе благое
Не дало знаться, тотъ хулъ убѣгаетъ.
Божіе имя щадитъ онъ святое,
Что Бога не знаетъ.

*

О, Царю Небесъ! иже управляешь
Тварь всю Твоими созданну руками,
Почто въ немъ наши язвы продолжаешь?
Просимъ со слезами.

*

Пусти нань быстры съ облакъ Твои стрѣлы,
Законоломцамъ скованы въ погибель,
И человѣческъ радостенъ родъ цѣлый
Узритъ его гибель.

—

ПѢСНЬ IV.

—

Лучшаго пути довольно не зная,
Страстьми жъ имѣя ослѣпленны очи,
Родъ человѣческъ изъ краю до края
Заблуждаетъ въ мракѣ безлунныя ночи,
И въ бездны страшны несмѣлыя ноги
Многихъ ступили, спаслися немноги.

❊

Коимъ простерши счастье сильну руку,
И нехотящихъ отъ стези опасной
Отторгнувъ, должну отдалило муку:
Но стопы оныхъ не смыслъ правя ясной,
Его же помочь одна лишь надежна
И тѣмъ бы гибель была не избѣжна.

❊

Но падежъ рода нашего конечный
Предупреждая новымъ дѣйствомъ власти,
Произвелъ Мудрость Царь міра предвѣчный,
И послалъ тую къ людямъ, да ихъ страсти
Обуздавъ, нравовъ суровость исправитъ,
И на путь правый ихъ ноги наставитъ.

❊

О, коль всесильна отца Дщерь пріятна!
Въ лицѣ умильномъ красота блистаетъ;
Рѣчь хотя тиха, честнымъ ушамъ внятна,

Сердца и нудитъ и увеселяетъ:
Не знаетъ гнѣва и страха причины;
Единой правды ищутъ правды сыны.

*

Толпу злонравій влеча за собою,
Зракъ твой не сильна снесть ложь убѣгаетъ,
И добродѣтель твоею рукою
Славны побѣды въ малъ часъ получаетъ;
Тако внезапнымъ лучемъ когда входитъ
Солнце, и гонитъ мракъ, и свѣтъ наводитъ.

*

Къ востоку крайны пространны народы,
Ближны Некреямъ, ближны Оксидракомъ,
Кои пьютъ Ганга и Инда рѣкъ воды,
Твоимъ тѣ первы освѣщенны зракомъ,
Съ слоновъ низшедши, счастливы пріемлютъ
Тебя, и сладкій гласъ твой всюду внемлютъ.

*

Потомъ и черныхъ Еѳіопъ предѣлы,
И плодоносный Нилъ, что̀ наводняетъ
Царство богатствомъ слано, славно дѣлы,
Пользу законовъ твоихъ ощущаетъ;
И людей разумъ грубый ужъ не блудитъ
Въ грязи, всякъ къ нёбу мысленный взоръ нудитъ.

*

Позналъ свою тму, и твою вдругъ славу,
Вавилонъ видѣвъ тя широкостѣнный;
И кои всяку презрѣли державу,
Твоей склонили выю усмиренны
Дикіе Скиѳы и Ѳраки суровы,

Давъ твоей власти въ себѣ знаки новы.
По долгихъ трудахъ стопы утвердила
Седмью введена друзьями твоими
Въ Грекахъ счастливыхъ, и вдругъ взросла сила,
Взросло ихъ имя. Наставленный ими
Народъ, владѣтель міра, далъ судъ труденъ,
Тобой иль дѣйствомъ рукъ былъ больше чуденъ.

❊

Едва ихъ праздность, невѣжества мати
И злочинствъ всякихъ отъ тя отлучила,—
Власть ужъ ихъ тверда не могла стояти.
Презрѣнна Варваръ отъ Сѣвера сила
Западный прежде, потомъ же Востока
Престолъ низвергла въ мгновеніе ока.

❊

Была та гибель нашего причина
Счастья; десница врачей щедра дала
Покровъ, подъ коимъ бѣжаща богиня
Нашла отраду, и ужъ низпослала
Европѣ цѣлый лучъ новаго свѣта;
Врачей не умретъ имя въ вѣчны лѣта.

❊

Мудрость обильна свиту многолюдну
Ужъ безопасна изъ царства въ другое
Водила всюду; видѣли мы чудну
Премѣну. Нѣмо суевѣрство злое
Пало, и знаемъ служить Царю славы
Сердцемъ смиреннымъ и чистыми нравы.

❊

На судахъ правда прогнала навѣты
Ябеды черной; въ войну идемъ стройны;
Храбростью ищемъ, искусствомъ, совѣты
Вѣнцы изъ рукъ брать побѣды достойны:
Мѣдныя всходятъ въ рукахъ нашихъ стѣны,
И огнь различны чувствуетъ премѣны.

*

Зевсовы нашихъ не чуднѣе руки;
Пылаетъ съ громомъ молнія жестока,
Коей рвемъ землю и камни, и звуки
Страшны наводимъ въ мгновеніе ока.
Съ вѣтрами спорясь, морь воды ужасны
Пространныхъ сѣчемъ смѣлы безопасны.

*

Бездны ужасны водъ преплывъ, находимъ
Міръ отдѣленный отъ вѣкъ безконечныхъ.
Въ воздухъ, въ свѣтила, на край неба всходимъ,
И путь и силу числимъ скоротечныхъ
Тѣлесъ, лучъ солнца дѣлимъ въ цвѣтны части;
Чувствуетъ тварь вся силу нашей власти.

—

ПИСЬМО I.

КНЯЗЮ

НИКИТѢ ЮРЬЕВИЧУ ТРУБЕЦКОМУ.

—

Беллоны часто видѣвъ не блѣднѣя
Уста кровавы, и пламень суровый,
И чело многимъ покрыто имѣя
Листомъ побѣднымъ, я чаялъ, ты новый
Началъ родъ жизни; я чаялъ, ты, спѣлый
Плодъ многовидныхъ трудовъ собирая,
Въ покоѣ правишь крайніе предѣлы
Пространна царства, что вблизи Китая.
Слава другую теперь вѣсть мнѣ трубитъ;
Слышу, что нужны труды твои судитъ
Матерь народовъ, коихъ она любитъ,
Сколько Ее Богъ, и бдѣть тебя нудитъ,
Чтобъ чинъ и правда цвѣла въ пользу люду,
И въ судѣ страсти вѣски не качали;
Чтобъ былъ обидчикъ слабъ себѣ въ остуду,
И слезы бѣдныхъ на землю не пали.
Нудитъ пріятно, кто въ путь правой славы
Ввлекаетъ славы любителя иста.
Сколько отрады сулятъ твои нравы
Честны и тихи! сколько твоя чиста

Совѣсть сулитъ тѣмъ, коихъ сильны лица
Тѣснятъ, и нужда, и ябедъ навѣты,
И крушитъ коихъ слѣпая дѣвица,
Дая во всемъ имъ косные отвѣты!
Въ общей я пользѣ собственную чаю.
Когда въ столичномъ градѣ обитаешь,
Чаще, надежнѣй твоихъ ожидаю
Писемъ и вѣсти, буде еще чаешь
Меня достойнымъ другомъ твоимъ зваться.
И такъ довольно терпѣлъ я урону;
Косно безъ нихъ мнѣ скучны дни течь мнятся,
Какъ попамъ праздникъ безъ пиру, безъ звону,

—

ПИСЬМО II.

КЪ СТИХАМЪ СВОИМЪ.

—

Скученъ вамъ, стихи мои, ящикъ, десять цѣлыхъ
Гдѣ вы лѣтъ тоскуете въ тѣни за ключами:
Жадно воли просите, льстите себѣ сами,
Что приметъ весело васъ всякъ гостей веселыхъ,
И взлюбитъ, своей ища пользы и забавы;
Что много и вамъ и мнѣ достанете славы.
Жадно волю просите, и ваши докуки
Нудятъ меня дозволять то, что вредно знаю
Намъ будетъ; и не хотя вотъ ужъ дозволяю
Свободу. Когда изъ рукъ пойдете ужъ въ руки,
Скоро вы раскаетесь, что сносить не знали
Темноты, и что себѣ лишно вы ласкали.
Славы жадность, знаю я, многимъ носъ разбила:
Пока въ васъ цвѣтъ новости лестной не увянетъ.
Народъ всегда къ новости лакомъ, чтитъ васъ станетъ,
И умнымъ понравится голой правды сила.
Палъ ли тотъ цвѣтъ? больша часть чтущихъ васъ присудитъ,
Что продерзостный мой умъ въ васъ безпутно блудитъ,
Безстройнымъ злословіемъ назовутъ васъ смѣло,

Хоть гораздо разнится злословіе гнусно
Отъ стиховъ, кои злой нравъ пятнаютъ искусно,
Злонравнаго охраня имя весьма цѣло.
Меня межъ бодливыми причислятъ быками;
Мало кто склоненъ смотрѣть чистыми глазами.
Другіе, что въ такомъ я трудѣ упражнялся,
Ни возрасту своему приличномъ, ни чину,
Хулить станутъ; годенъ всякъ къ похулкѣ причину
Сыскать, и не пощадятъ того, кой старался
Прочихъ пороки открыть. Станете напрасно
Вы внушать, и доводить словомъ своимъ ясно,
Что молодыхъ лѣтъ плоды вы не ущербили
Ни малаго мнѣ часа къ другимъ дѣламъ нужны̀мъ;
Что должность моя всегда нашла мя досужнымъ;
Что полезны иногда подобные были
Людямъ стихи. Лишній часъ, скажутъ имѣть трудно,
И стихи писать, всегда дѣло безрасудно.
Зависть васъ пошевеля, найдетъ, что я новыхъ
И древнихъ окралъ творцовъ, и что вру по-русски
То, что̀ по-римски давно ужъ и по-французски
Сказано красивѣе. Не чудно съ готовыхъ
Стиховъ, чаетъ, здраваго согласно съ закономъ
Смысла, мѣрны двѣ строки кончить тѣмъ же звономъ.
Когда ужъ засаленнымъ вдругъ вамъ время пройдетъ.
Подъ пылью, моли на кормъ кинуты забыты
Гнусно лежать станете, въ одинъ свертокъ свиты
Иль съ Бовою, иль съ Ершомъ; и наконецъ дойдетъ

[Буде пророчества духъ служитъ мнѣ хоть мало]
Вамъ рокъ обвертѣть собой иль икру, иль сало.
Узнаете вы тогда, что поздно ужъ сѣти
Боится рыбка, когда въ сѣть уже попалась;
Что, сколь ни сладка своя воля имъ казалась,
Не безъ вреда своего презираютъ дѣти
Совѣты отцовскіе. Въ рѣчахъ вы признайте
Послѣднихъ моихъ любовь къ вамъ мою. Прощайте.

БАСНЬ I.

ОГОНЬ И ВОСКОВОЙ БОЛВАНЪ.

—

Искусный въ дѣлѣ своемъ восколей прилежно
Трудився, вылилъ болванъ, всѣ выразивъ нѣжно
Въ немъ уды, части, власы, такъ, что живо тѣло
Болванчика того быть всякъ бы сказалъ смѣло.
Окончавъ все, не умно забылъ отдалити
Болванъ отъ огня, гдѣ воскъ случилось топити.
Въ жару растопился воскъ, расползлося тѣло
Болванчика; пропалъ трудъ, пропало все дѣло.

Кто дѣло свое вершивъ, утвердить желаетъ
Въ долги вѣки, долженъ все, что тому мѣшаетъ,
Отдалять, и что вредитъ, искоренять скоро:
Безъ того дѣло его не можетъ быть споро.

—

БАСНЬ II.

ПЧЕЛЬНАЯ МАТКА И ЗМѢЯ.

—

Змѣя къ пчельной на цвѣткѣ подкравшися маткѣ,
И подражая льстецовъ прегнусной повадкѣ,
Скучными стала взносить ее похвалами,
Славя въ ней силу, красу надъ всѣми пчелами,
Добрый чинъ, коимъ та пчелъ другихъ управляетъ,
И пользу, что отъ трудовъ ея получаетъ
Все племя пчелъ, и весь свѣтъ. Потомъ же склоняя
Къ цѣли своей хитру рѣчь: «Заслуга такая
Въ вѣки бъ, де, могла твою утвердить державу,
Еслибъ было чѣмъ тебѣ щитить свою славу
И власть противъ всякаго, кто вредить желаетъ,
Но беззлобіе твое злобныхъ ободряетъ
Сердца, видя, что тебя Богъ давъ пчелъ корону,
Орудія отъ враговъ не далъ въ оборону.
Всѣ скоты могутъ вредить, и отмщать досады,
А ты безопасности отъ ихъ ждешь пощады.
Взыди къ Іовишу просить на небо ты жала;
Никому такъ, какъ царю, лютость не пристала.»
Простерши крылья Пчела, отъ звѣря лукавна
Отлетѣла, сказавъ:—Рѣчь мнѣ твоя не нравна.

Отъ внѣшнихъ враговъ щитятъ меня мои дѣти,
Внутреннихъ любовь къ моимъ не дасть мнѣ имѣти.
Изрядно жъ Богъ въ образъ мя царямъ хотѣлъ дати,
Чтобъ, будучи добрыми, какъ злымъ быть, не знати. —

Злыхъ совѣтовъ правящимъ подъ небомъ народы
Бѣгать должно, и добрымъ, не злымъ быть съ природы.

—

БАСНЬ III.

ВЕРБЛЮДЪ И ЛИСИЦА.

—

Увидѣвъ Верблюдъ Козла, кой окруженъ псами,
Храбро себя защищалъ противъ всѣхъ рогами,
Завистью тотчасъ вспылалъ. Смутенъ, безпокоенъ
Въ себѣ ворчалъ идучи: «Мнѣ ли рокъ пристоенъ
Такъ бѣдный? я ли, кой царь скотовъ могу зваться,
Украсы роговъ на лбу вытерплю лишаться?
Сколь тѣми бы возрасла еще моя слава!»
Въ такихъ углубленному помыслахъ, лукава
Встрѣтившись Лисица, вдругъ остра примѣчаетъ
Въ немъ печаль его, вину тому знать желаетъ,
Всю возможную сулитъ ревностну услугу.
Верблюдъ подробно все ей изъяснилъ, какъ другу.
—Подлинно, сказала та, одними ты скуденъ
Рогами, да знаю въ томъ способъ я нетруденъ.
Въ ближнемъ, что видишь, лѣсу нору близъ дороги
Найдешь, въ нее голову всунувъ, тотчасъ роги
На лбу будутъ, малый страхъ претерпѣвъ безъ раны.
Тамъ свои берутъ быки, козлы, и бараны.—

Лестный былъ ея совѣтъ; Левъ жилъ въ норѣ хищный;
Да въ головѣ, кая рогъ ищетъ, умъ нелишный.
Верблюдъ скокомъ побѣжалъ въ лѣсъ, чтобъ достать скору
Пользу, въ нору голову всунулъ безъ разбору;
Радъ добычи Левъ, тотчасъ въ гостя уцѣпился,
Съ ушьми былъ тогда Верблюдъ, въ нихъ ногтьми вцѣпился.
Тянетъ Левъ, узналъ Верблюдъ прелесть, стало больно;
Деретъ изъ щели главу, та идетъ не вольно.
Нужно было, голову чтобъ вытянутъ здраву,
И уши тамъ потерять, не наживъ рогъ славу.

Славолюбцы! васъ поютъ, о васъ басни дѣло:
Верблюжее нанялъ я для украсы тѣло.
Кто древо, какъ говорятъ, не по себѣ рубитъ,
Тотъ большова не доставъ, малое погубитъ.

—

БАСНЬ IV.

ЯСТРЕБЪ, ПАВЛИНЪ И СОВА.

—

Говорятъ, что нѣкогда птичій воевода
Убитъ былъ; на его чинъ изъ воздушна рода
Трое у царя Орла милости просили;
Ястребъ, Сова и Павлинъ, и всѣ приносили,
Чтобъ правость просьбы явить, правильны доводы.
Ястребъ храбрость представлялъ и многіе годы,
Въ кои службы на себѣ военной несъ бремя;
Сова сулила не спать вѣкъ въ ночное время;
Павлинъ хвасталъ перьями и хвостомъ пригожимъ.
Кто, мнишь, казался Царю въ воеводы гожимъ?
Сова; Ястребу отказъ, отказъ и Павлину.
Орелъ, своего суда изъяснивъ причину,
Сказалъ: что Ястребъ хоть храбръ, хоть и многи лѣты
Въ военной службѣ служилъ, достойно примѣты
Ничего не учинилъ; почему ужъ мало
И впредь плода ожидать; въ комъ бо славы жало
Съ младыхъ лѣтъ не дѣйствуетъ, сѣдина безплодна;
Что Павлину перья такъ, какъ и гордость, сродна,

А Сова нравомъ тиха, ссоръ она напрасно
Не ищетъ, знаетъ себя защищить согласно
Своимъ силамъ, когда кто вредить ей желаетъ;
Недремно та бодрствуетъ пока унываетъ,
Прочее племя во снѣ. Таковъ воевода
Годенъ къ безопасности цѣлаго народа.

БАСНЯ V.

ГОРОДСКАЯ И ПОЛЕВАЯ МЫШЬ.

—

Издавна въ дружбѣ къ себѣ вѣрною познанну,
Градскую нѣкогда Мышь Полевая въ гости
Зазвала въ убогую нору непространну,
Гдѣ безъ всякой пышности отъ воздуха злости
Щитяся, вела вѣкъ свой въ тишинѣ покойный.
Мохъ одинъ около стѣнъ, на полу солома
Составляла весь уборъ хозяйкѣ пристойный;
Щель лишь, гдѣ лежитъ запасъ лѣтній, ей знакома;
Умѣренный кормъ даетъ нора небольшая.
Торовата для гостя крупы и горохи,
И оглоданный кусокъ отъ окорка края
Подноситъ, и черствые ему хлѣба крохи,
Разнствомъ яствъ пріятнѣе обѣдъ учинити
Желая; но гордымъ той зубомъ, пожимаясь,
Того другого куснетъ, и невкусно быти
Все находитъ: а бѣдна хозяйка, стараясь
Гостю пищу лучшую себя угодити,
Ѣстъ сама вялый ячмень и гнилу мякину.
Напослѣдокъ онъ такъ къ ней началъ говорити:
«Какую, дружокъ, тому имѣешь причину,
Что скучную на горахъ пустыхъ межъ лѣсами

Жизнь избрала, и людей обществу любезну,
И городовъ красотѣ, обильныхъ сластями,
Такъ бѣдную предпочла жизнь и неполезну?
Оставь, повѣрь мнѣ, твое жилище такъ дико,
И мнѣ слѣдуй: всякому животну земному
Земной рокъ палъ, и хотя мало, хоть велико,
Неизбѣжную смерть ждетъ всякому знакому.
Для того, можно пока, отложивъ все бремя
И печалей и суетъ, живи наслаждаясь
Міра вещьми, и помни, сколь коротко время
Жизни твоей, на всякъ часъ къ концу приближаясь.»
Лестны подруги слова не трудно склонили
Мышь Лѣсную, и тотчасъ изъ норы легонько
Выскочивъ, въ намѣренный обѣ путь вступили,
Въ темный часъ въ городъ войти имѣя тихонько.
Средину неба ужъ ночь самую объяла,
Когда обѣимъ былъ входъ въ огромны палаты,
Златотканна гдѣ парча обильно блистала
На кроватяхъ костяныхъ; остатки богаты
Гдѣ пышной вчерашнія ужины храненны
Въ многихъ зрились корзинцахъ. Тогда Полевую
Гостью уложивъ на тѣ парчи позлащенны,
Гражданка бѣжитъ, тащитъ, то ту, то другую
И подноситъ лакому яству, прикушая
Сама прежде, какъ слуги обыкли чинити.
Поселянка на златыхъ себя растягая
Коврахъ, радости въ себѣ не можетъ вмѣстити
Въ премѣнѣ счастья такой: пируя обильно,
Веселымъ другу себя гостемъ являть ищетъ.

Межъ тѣмъ вдругъ у дверей стукъ, поднявшійся сильно
Обѣихъ съ ложа согналъ. По комнатѣ рыщетъ
Безъ ума въ дрожи, въ поту одна за другою;
Еще страхъ удвоился, когда зазвучали
Крикомъ меделянскихъ псовъ своды. Ужъ съ душою
Въ зубахъ Лѣсная тогда другу, что съ печали,
Съ стыда и страха поднять чуть голову можетъ,
—Нѣтъ, такая, говоритъ, жизнь мнѣ неугодна:
Лучше въ лѣсу, и въ щели, хоть корку зубъ гложетъ,
Отъ навѣтовъ я живу въ покоѣ свободна.—

Степень высока, богатства бываютъ
Безъ бѣды рѣдко, всегда безпокойны.
Кои довольны въ тишинѣ быть знаютъ
Малымъ, тѣ зваться умными достойны.

БАСНЬ VI.

ЧИЖЬ И СНИГИРЬ.

—

Языкъ одинъ и лице къ премѣнамъ удобно
Человѣку подобныхъ себѣ уловляти
Посредство довольно есть; но тожъ не способно
Прочихъ животныхъ ловить, коихъ засыпляти
Не можетъ сладкая рѣчь, ни смѣшокъ притворный:
Тенета, и неводы, и верши, и сѣти
И сило вымыслилъ умъ, къ вреду имъ проворный.

Чижу нѣкогда туда съ Снигиремъ летѣти
Случилось, гдѣ пагубны волоски разставилъ
Ловецъ, навѣты прикрывъ свои коноплями.
Мимо тотчасъ Чижикъ свой быстрый летъ направилъ,
Кой недавно убѣжавъ изъ клѣтки, бѣдами
Своими искусъ имѣлъ, что клевать опасно
Зерны тѣ, и Снигирю летѣть за собою
Совѣтовалъ, говоря: «Не звыкли напрасно
Люди кидать на поле чистою душою
Свое добро; въ конопляхъ бѣды берегися.
Я недавно лакомъ самъ увязилъ въ нихъ ноги,

И чуть вольность не сгубилъ навѣки. Учися
Моимъ страхомъ быть уменъ; лежатъ вездѣ многи
Зерна, хоть вкусны не столь, да меньше опасны.
Улыбнувшися, Снигирь сказалъ:—Мое брюхо
Не набито, какъ твое, и безъ дѣйства красны
Проходятъ голодному изъ уха сквозь ухо
Твои рѣчи, коихъ цѣль, чтобъ тебѣ остался
Одному кормъ.—Вымолвивъ, на зерна пустился,
И двухъ склевать не успѣвъ, ужъ въ сило попался.
Напрасно ногу тащилъ, и взлетѣть трудился:
Узелъ злобный вяжется, сколь тянутъ сильнѣе,
И ловецъ пришедъ, въ клѣти затворилъ, гдѣ бѣдный
Жалостна дѣтямъ игра дни въ два несытнѣе,
Нежъ въ полѣ бывъ, испустилъ съ духомъ гласъ послѣдній.

Баснь насъ учитъ слѣдовать искусныхъ совѣту,
Если хотимъ избѣжать бѣды и навѣту.

—

ЭПИГРАММЫ.

—

I.

НА САМОЛЮБЦА.

Наставляетъ всѣхъ Клеандръ, и всѣхъ нравы судитъ:
Тотъ спѣсивъ, тотъ въ суетахъ мысли свои нудитъ;
Другой въ законѣ не твердъ, и соблазны вводитъ,
И науки новостью въ старый адъ низходитъ.
Наведи и на себя, Клеандръ, зорки очи.
Не безъ порока и ты; скажу, нѣтъ ужъ мочи:
Самолюбецъ ты, Клеандръ; всѣ кромѣ тя знаютъ,
Слѣпецъ какъ ведетъ слѣпца, въ яму упадаютъ.

II.

НА ИКОНУ СВЯТОГО ПЕТРА.

«Что съ ключемъ, Петре, стоишь?» — Хочу впустить дѣти
Восточныя Церкви въ рай. — «А что въ папски сѣти

Впали, будуть ли они стоять за дверями?»
— Есть, есть у нихъ свой ключарь; войдуть тѣ
и сами. —

III.

НА БРУТА.

Уменъ ты, Бруте; порукъ тому счесть устанешь;
Да и ты же, Бруте, глупъ, какъ то можетъ статься?
Изрядно, и какъ я мню, могу догадаться:
Уменъ ты молча; а глупъ, какъ говорить станешь

IV.

НА ЛИДУ.

На что Друзъ Лиду беретъ? дряхла ужъ и сѣда,
Съ трудомъ ножку воробья сгрызетъ въ полобѣда.
Къ старинѣ охотникъ Друзъ, въ томъ забаву ставитъ;
Лидой медалей число собранныхъ прибавитъ.

V.

НА ПРИХОТЛИВАГО ЖЕНИХА.

1 Гораздо прихотливъ ты, дружокъ мой Эраздо;
Всѣ дѣвки наши за тя сватались безстудно,
А ты сѣдъ и не женатъ; выбрать было трудно.

Та стара, та не умна, та родомъ не славна,
Та не красна, та гола, та не добронравна;
Всѣ не годны. Прихотливъ ты, другъ мой го-
раздо.

VI.

ХРОНОСТИЧЕСКАЯ НА КОРОНАЦІЮ ПЕТРА II.

Петръ прія свыше крѣпку власть на люди
Вѣнчаньемъ. Творче помощь крѣпка буди.

VII.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ САТИРЪ.

Въ обществѣ все писано, имена не ваши;
Чтите убо безъ гнѣву сіи стихи наши.
А буде не нравенъ слогъ, что̀ вамъ досаждаетъ,
Смѣните нравъ, то Сатиръ не васъ осмѣваетъ.

VIII.

НА ЛЕАНДРА.

Пять стѣнныхъ, пять столовыхъ, и столько жъ
карманныхъ
Имѣетъ Леандръ часовъ; въ трудахъ неска-
занныхъ
Вѣкъ за ними возится, заводя и правя,

И то взадъ, то напередъ по теченью ставя
Солнца стрѣлки. Съ тѣхъ трудовъ кой плодъ получаетъ?
Никто въ городѣ, кой часъ, лучше его знаетъ.

IX.

НА ГОРДАГО НОВАГО ДВОРЯНИНА.

Въ великомъ числѣ вельможъ Силванъ всѣхъ глупѣе,
Не богатѣй, не старѣй, дѣломъ не славнѣе;
Для чего же, когда имъ кланяются люди,
Кланяются и они; Силванъ одинъ груди
Напяливъ, хотя кивнуть головой лѣнится?
Кувшинъ съ молокомъ сронить еще онъ боится.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНЯМЪ, ПИСЬМАМЪ, БАСНЯМЪ И ЭПИГРАММАМЪ.

ПѢСНЬ I.

Въ сей первой пѣсни доказывается бытіе Божества чрезъ Его твари, а основаніе ея взято изъ 34 Гораціевой оды книги I.

Parcus Deorum cultor, et infrequens
Insanientis dum sapientiæ
Conultus ergo, nunc retrorsum
Vela dare, atque iterare cursus,
Cogor relictos,, etc.

Ст. 8. *Солнце, свѣта источникъ. Солнце* и *неподвижныя звѣзды* сіяютъ собственнымъ своимъ свѣтомъ; прочія свѣтила, каковы суть *Луна, Меркурій, Венера, Юпитеръ*, и другія планеты отъ солнца освѣщаются, и заимственнымъ свѣтомъ намъ отсвѣчиваютъ.

Ст. 9 и 10. *Луну солнца лучи преломляти научивъ.* Луна собою тѣло грубое и непрозрачное, а свѣтла намъ кажется для того, что солнечные лучи въ нее упираясь къ намъ, какъ отъ зеркала, отскакиваютъ.

Ст. 11 и 12. *Чудны сіи тѣлеса.* То есть, мѣсяцъ, звѣзды и земля.

Ст. 13. *Вся махины части.* Махиною здѣсь означается весь Міръ, коего части суть солнце, планеты, звѣзды и проч. Собственно *махина* есть вещь,

составленная изъ многихъ частей, какъ напримѣръ *часы*, въ которыхъ колеса, пружина и отвѣсъ суть части.

Ст. 18. *Земля катится.* Общее новѣйшихъ астрономовъ мнѣніе, что не солнце, но земля наша около его вертится. Уподобленіе земли мячику тѣмъ приличнѣе, что какъ мячикъ, когда его покатишь, и къ назначенному мѣсту катится, и между тѣмъ еще самъ около себя вертится: такъ и земля вдругъ и большой кругъ около солнца совершаетъ и около своего центра въ 24 часа обращается. Смотри разговоры Фонтенелевы о множествѣ міровъ, Вечеръ I.

Ст. 20. *Тутъ гора, тамо долина гордится.* То есть, находящіеся на землѣ нашей горы и долины въ разныхъ мѣстахъ украшены травами и лѣсами.

Ст 26. *Часть перомъ легкимъ.* Часть летаетъ по воздуху, какъ птицы.

Ст. 27. *Сѣчетъ воды.* Плаваетъ въ водахъ, какъ рыбы.

Ст. 28. *Грубѣйшее племя.* То есть, люди, скоты, звѣри и гады.

Ст. 33. *Той черный облакъ жаркимъ.* Подобное сему читай у Горація въ одѣ 34, книги I.

Igni corusco nubila dividens,
    Plerumque per purum tonanteis
        Egit equos, volucremque currum:
Quo bruta tellus, et vaga flumina
Quo Stix, et inuisi horrida Tænari
    Sedes Atlanteusque finis
    Concutitur. Valet ima summis
Mutare, и проч.

Ст. 16. *Темнаго царства.* То есть, *ада.*

Ст. 39. *Коснувся горамъ.* Сіе взято изъ 120 псалма Давидова, гдѣ говоритъ: *Коснувся горамъ и дымятся.*

ПѢСНЬ II.

Основаніе сей пѣсни взято изъ святого Евангелія и изъ Горація. Удивительно, сколь изрядно Спаситель и римскій стихотворецъ согласуются въ совѣтѣ объ отложеніи суетныхъ житейскихъ попеченій, хотя различныя слѣдствія отъ того производятъ. Смотри въ Святомъ Евангеліи отъ Матѳея гл. 6, ст. 28 и отъ Луки гл. 12, ст. 27, да Гораціеву оду 9, книги I.

Ст. 1. *Видишь, Никита.* Сія ода писана къ князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому, пріятелю нашего стихотворца. Горацій свою оду начинаетъ такъ:
Vides, ut alta stet nive candidum
Socrate.
А въ святомъ Евангеліи читаемъ: *Воззрите на птицы небесныя* и проч.

Ст. 6. *Царь мудрый Сіона.* То есть: премудрый Соломонъ.

Ст. 8 по 12. *Ты голосъ закона,* и проч. Слыша къ тебѣ гласъ закона, даннаго отъ природы, и подтвержденнаго потомъ самимъ Спасителемъ, прилежи къ тому одному, чтò честно и похвально, и удаляйся отъ всякаго злаго дѣла.

Ст. 13 по 16. *О прочемъ помыслъ.* О прочемъ попеченіе да будетъ всемогущаго Творца, Который мещетъ изъ облакъ грозную молнію, и обращаетъ пагубную бурю въ пріятное вѐдро.

Permitte divis caetera: qui simul
Stratvere vetos æquore feruido
Deprælіantes; nec cupressi,
Nec veteres agitantur alni.

Ст. 17. *Что завтра будетъ, искáть не трудися.*
Quid sit futurum eras, fuge quærare: et

Quem sors dierum cunque dabit, lucro
Apponne.

Ст. 20. *Вышнихъ наслѣдствъ ожидая.* Ища вѣчнаго блаженства. Во святомъ Евангеліи повелѣвается: *Ищите прежде царствія небеснаго* и проч.

Ст. 21. *Властелинъ міра.* То есть, Богъ нужду твою знаетъ.

ПѢСНЬ III.

Въ сей пѣсни стихотворецъ описываетъ злобнаго и лукаваго человѣка. Сочинена она въ 1736 году.

Ст. 4. *Ядъ подъ мягкимъ хлѣбомъ.* Разумѣется злоба, прикрытая пріятными словами и лестнымъ видомъ. Такъ Виргилій сказалъ:

— — — Fugite, o pueri, frigidus latet anguos in herba.

Ст. 12. *Забывать умѣетъ.* То есть, показанную ему услугу забывать обыкъ, каковы бываютъ неблагодарные люди.

Ст. 21. *Ни старость честна, ниже святость сана.* То есть, ни старость, ни чинъ освященной особы.

Ст. 22. *Ни слабость пола.* То есть, женскаго.

Ст. 27. *Божіе имя щадитъ.* Всѣхъ, кромѣ незнакомыхъ, хулитъ и пересуждаетъ; только одного Бога щадитъ, для того, что Его не знаетъ. Подражаніе, взятое изъ слѣдующей нагробной надписи, на италіянскомъ языкѣ:

Qui giace, Aretin Poéte Tosco;
Disse di tutti mal for che di Christo,
Scusandosi con dir nol nosco.

То есть:

Здѣсь лежитъ Аретинъ, тосканскій стихотворецъ,
Который всѣхъ злословилъ, кромѣ Христа,
Тѣмъ извиняяся, что Его не знаетъ.

ПѢСНЬ IV.

Стихотворецъ, описывая пользу наукъ и художествъ, которыя онъ заключаетъ подъ именемъ Премудрости, намѣренъ въ сей пѣсни показать отчасти оныхъ начало, и успѣхъ въ разныхъ народахъ до нашихъ временъ, наипаче, что до нравоученія касается, которое у древнихъ мудрецовъ по достоинству наилучшимъ ученіемъ почитаемо было. Основаніе сей пѣсни по большей части взято изъ Луціанова разговора, названнаго *Бѣглецы*, въ которомъ Аполлонъ, Юпитеръ и Мудрость между собою разговариваютъ. Для удобнѣйшаго разумѣнія сей пѣсни выпишу здѣсь оное мѣсто, котораго переводъ есть слѣдующій:

«*Мудрость*. Какъ скоро усмотрѣлъ ты, что міръ «исполненъ прелестью и неправдою, то, соболѣзнуя «о немъ, послалъ меня, чтобъ перемѣнить развратное житіе человѣческое въ лучшее. Ты не забылъ «еще о томъ, что говорилъ мнѣ: — Видишь, любезная «дщерь, въ какое состояніе люди пришли отъ ихъ «нечестія и злобы; сниди къ нимъ, потому что ты «едина можешь наставить ихъ на путь истинный «отъ заблужденія.»

«*Юпитеръ*. Помню, что нѣчто подобное я тебѣ «говорилъ; но разскажи мнѣ, каково они тебя приняли, и что потомъ съ тобой сдѣлали.»

«*Мудрость*. Съ самаго начала не хотѣла я прямо пойти къ Грекамъ. Сперва пришла я къ Индійцамъ, великому народу, который заставила я, «оставя свои слова, меня слушать: всѣ брахманы, «смежные Некреямъ и Оксидракамъ, приняли мою «науку. Изъ Индіи перешла я въ Евѳіопію, а оттуда «въ Египетъ, гдѣ научила жрецовъ и прорицателей

«богослуженію. Потомъ преселилась въ Вавилонъ, «чтобъ дать наставленіе Халдеямъ и волхвамъ, а «изъ Вавилона въ Скиѳію, откуда возвращаясь «чрезъ Ѳракію, свиданіе имѣла съ Евмельпомъ и «Орѳеемъ, коихъ послала напередъ въ Грецію, и «велѣла первому научить Грековъ моимъ тайнамъ, «а второму музыкѣ. Скоро и я за ними туда жъ «прибыла въ Грецію, но тамъ приняли меня ни «худо ни хорошо; однако жъ чрезъ нѣсколько вре- «мени произвела седмь мудрецовъ.

Ст. 1. *Лучшаго пути довольно не зная.* Человѣкъ, не пріобыкшій къ добродѣтели и не имѣющій просвѣщеннаго ума, заблуждается, и не зная сыскать надежнаго пути, впадаетъ въ пропасти и встрѣчаетъ свою погибель.

Ст. 5. *Въ бездны страшны.* Должно разумѣть пороки, въ которые люди впадаютъ.

Ст. тотъ же. *Несмѣлыя ноги.* Однимъ благоразуміемъ управляется безопасно теченіе нашей жизни; напротивъ того, безумный, будучи всегда тороплив, всего боится.

Ст. 6 и 7. *Спаслися не многи, коимъ простерши* и проч. Хотя Богъ далъ человѣку отмѣнный отъ прочихъ животныхъ разумъ и душу, однако родъ человѣческій заблуждается и большая часть порокамъ подвержена, которыхъ немногіе не имѣютъ, но и тѣ не по своему произволенію, но по счастію, кое отъ опасной дороги ихъ отводитъ.

Ст. 9. *Должну отдалило муку.* Счастіе, отведши ихъ отъ злыхъ дѣлъ, избавило отъ должнаго за оныя наказанія. Наказаніе за преступленія хотя и медленно бываетъ, но не избѣжно, и по крайней мѣрѣ раскаяніе и мученіе совѣсти слѣдуетъ.

Ст. 21. *Честнымъ ушамъ.* То есть, тѣмъ людямъ, кои безпрестрастно и со вниманіемъ слушаютъ.

Ст. 26. *Зракъ твой.* Стихотворецъ говоритъ къ Мудрости.

Ст. 31, 33 и 33. *Народы ближни Некряемъ.* То есть, *Индійцы*, поселенные къ краю востока, гдѣ текутъ рѣки Гангесъ и Индъ. *Некреи Оксіи раки*, такъ же и индійскіе народы. Смотри Бодраковъ Географическій Лексиконъ.

Ст. 38 и 39. *И плодоносный Нилъ, что наводняетъ* и проч. О царствѣ Египетскомъ говорится, чрезъ которое течетъ рѣка Нилъ, и наводняя землю, дѣлаетъ оную плодоносною.

Ст. 42. *Всякъ къ небу мысленный взоръ нудитъ.* То есть, стремится къ познанію Божества.

Ст. тотъ же. *И Ѳраки суровы. Ѳракія*, великая провинція въ Европѣ, нынѣ называемая *Романія*, въ которой лежитъ Константинополь. Въ древнія времена Ѳраки за жесточайшій и суровѣйшій народъ почитались.

Ст. 50. *Седмью введена друзьями.* Разумѣются седмь греческихъ мудрецовъ, о коихъ смотри примѣчаніе подъ стихомъ 176-мъ сатиры I.

Ст. 51. *И вдругъ взросла сила.* Кто греческую исторію читалъ, тотъ знаетъ, сколь возрасла сила Аѳинянъ и Лакедемонянъ чрезъ науки и художества, потому что малыя правительства удачливо воевали противъ сильныхъ царей персидскихъ.

Ст. 53. *Народъ, владѣтель міра.* То есть, римскій народъ.

Ст. тотъ же. *Далъ судъ труденъ.* Римляне какъ въ наукахъ такъ и въ военныхъ дѣлахъ столь славны учинились, что трудно разсудить, въ чемъ изъ двухъ болѣе преуспѣли.

Ст. 58. *Пресѣкна Варсаръ отъ Сѣвера сила.* По раздѣленіи Римской Имперіи на Восточную и Западную, науки, добродѣтели, мужество и сила въ обѣихъ начали приходить въ упадокъ, такъ, что напослѣдокъ сѣверные народы, яко Вандалы, Готѳы и Французы, Западную Имперію вовсе испровергли, на которыхъ развалинахъ основана держава Папская, Германская, Французская и другія; а потомъ, Турки овладѣли Востокомъ, взявъ Константинополь.

Ст. 61. *Была та гибель нашего причина счастія.* Взятіе Константинополя въ XV вѣкѣ подало причину къ возобновленію наукъ въ Европѣ; ибо нѣкоторые изъ греческихъ ученыхъ людей, при такомъ несчастіи, оставя свое отечество, убѣжали въ Италію, гдѣ съ радостію и честію приняты отъ *Лоренца* медика, названнаго *Великимъ и отцемъ наукъ*, который тогда имѣлъ главное правленіе въ Республикѣ Флорентинской, и котораго потомки были великіе князья Тосканскіе.

Ст. 62. *Десница врачей.* Рука *медиковъ*, то есть вышеупомянутаго Лоренца и его преемниковъ. *Medicus* слово латинское, которое на россійскомъ языкѣ означаетъ *врача*.

Ст. 63. *Бѣжаща богиня.* То есть, Мудрость. Подъ именемъ ея разумѣются ученые греческіе люди, о коихъ говорено выше.

Ст. 64. *И ужъ ниспослала Европѣ цѣлой.* Когда уже въ Италіи завелись науки, то по малу и въ прочихъ европейскихъ государствахъ, яко во Франціи, Германіи, Англіи, даже и сѣверныхъ странахъ, оныя распространились.

Ст. 70. *Нѣмо суевѣрство.* Первый плодъ наукъ есть прямое познаніе Бога и должное Ему почитаніе. Извѣстно, что до обученія наукъ въ Европѣ,

суевѣрство едва вовсе не истребило истиннаго христіанства. Наука, прогнавъ обманъ, глаза людямъ открыла.

Ст. 74. *Въ войну идемъ стройны.* Наука подаетъ намъ разные способы, какъ искусно полки строить и съ добрымъ порядкомъ предводить противъ непріятеля.

Ст. 76. *Вѣнцы изъ рукъ брать побѣды.* То есть, побѣждать непріятелей.

Ст. 77. *Мѣдныя всходятъ въ рукахъ нашихъ стѣны.* Чрезъ искусство строимъ непреоборимыя крѣпости и города, такъ, что можно сказать, что стѣны ихъ мѣдныя. Латинскіе стихотворцы крѣпкія стѣны часто *мѣдными* и *желѣзными* называютъ.

Ст. 78. *И огнь различны чувствуетъ премѣны.* Чрезъ искусство огонь различнымъ образомъ противъ непріятеля употребляютъ, смотря по обстоятельствамъ, наступать ли или обороняться надлежитъ.

Ст. 79. *Зевсовы нашихъ не чуднѣе руки. Зевсомъ* Греки Юпитера называютъ, который у язычниковъ за главнѣйшаго изъ всѣхъ боговъ почитался и обладалъ молніею и громомъ.

Ст. 80. *Пылаетъ съ громомъ молнія жестока.* Зевсовы руки не чуднѣе нашихъ, потому что и мы также, по изобрѣтеніи огнестрѣльнаго оружія и пороху, наподобіе молніи и грома, звуки и страхи производить можемъ.

Ст. 81. *Рвемъ землю и камни.* Порохомъ подрываемъ подкопы и разбиваемъ каменную стѣну.

Ст. тотъ же. *И звуки страшны наводимъ.* Во время стрѣлянія изъ пушекъ, метанія бомбъ и подорванія подкоповъ, пороховая сила ужасный трескъ производитъ и помрачаетъ свѣтъ въ глазахъ нашихъ.

Ст. 83 и 84. *Съ вѣтрами споряcь морь воды* и проч. Плаваемъ всюду безопасно такъ, какъ бы вѣтры и воды во власти нашей были. Сію пользу получаемъ мы отъ мореплаванія.

Ст 85 и 86. *Бездны ужасны водъ преплывъ* и проч. Преплывъ ужасный океанъ, находимъ Америку, новую и чрезъ многіе вѣки намъ неизвѣстную часть свѣта. Христофоръ Колумбъ, родомъ изъ Генуи, нашелъ Америку въ 1492-мъ году.

Ст 87. *Въ воздухъ, въ свѣтила, на край неба исходимъ.* Помощію Физики и Астрономіи, которыя науки въ наши времена гораздо въ большое совершенство приведены.

Ст. 88. *И путь и силу числимъ скоротечныхъ тѣлесъ.* Исчисляемъ пути и взаимную силу небесныхъ тѣлъ, каковы суть планеты, неподвижныя звѣзды и кометы.

Ст. 89. *Лучъ солнца дѣлимъ въ цвѣтны части.* Если въ темную горницу солнечный лучъ сквозь малую скважину пропустить такъ, чтобъ оный падалъ на призматическое или трехгранное стекло, которое мы *райкомъ* называемъ, то онъ, преломясь, раздѣлится на семь другихъ лучей разныхъ цвѣтовъ, а именно: на фіолетовый, пурпуровый, голубой, зеленый, желтый, рудожелтый и красный. Сіе явленіе первый усмотрѣлъ и изслѣдовалъ славный англійскій философъ Ньютонъ.

ПИСЬМО I.

Князь Никита Юрьевичъ Трубецкой служилъ во время польской и турецкой войны съ 1733-го по 1739 годъ въ должности генералъ-маіора и генералъ-кригсъ-комиссара. По объявленіи мира въ 1740-мъ году, пожалованъ кавалеромъ ордена

святого Александра и назначенъ губернаторомъ сибирскимъ; но потомъ Императрица Анна Іоанновна, отмѣнивъ ту резолюцію, пожаловала его тайнымъ дѣйствительнымъ совѣтникомъ и генералъ-прокуроромъ. Стихотворецъ нашъ, о томъ увѣдомясь и радуясь о благополучіи своего друга, написалъ къ нему сіе письмо изъ Парижа 9-го Сентября 1740-го года.

Ст. 1. *Беллоны видѣвъ.* Часто въ войнахъ обращавшись. *Беллона*, богиня войны.

Ст. 3 и 4. *И чело многимъ листомъ побѣднымъ.* Будучи вѣнчанъ многими побѣдоносными вѣнцами; ибо съ самаго начала польской войны до окончанія турецкой, войско россійское непрестанно побѣды надъ непріятелемъ одерживало. *Листъ* употребленъ вмѣсто вѣнца, подражая Горацію. Смотри письмо 19, книги I, ст. 26.

At ne me foliis ideo brevioribus ornes.

Ст. 4 и 5. *Новый родъ началъ жизни.* Оставя военную службу, отправляетъ губернаторскую должность.

Ст. 8. *Царства, что̀ вблизи Китая.* Сибирское царство смежно съ Китаемъ.

Ст. 11. *Матерь народовъ.* Императрица Анна.

Ст. 13. *Что чинъ и правда.* Отъ сего стиха по 17-й описана должность генералъ-прокурора.

Ст. 23. *Слѣпая дѣвица.* Стихотворцы Правосудіе изображаютъ въ видѣ женщины съ завязанными глазами, держащей въ рукахъ вѣски, дабы тѣмъ означить, что судьи не должны взирать на лица, но дѣлать правду равномѣрно какъ сильному и богатому, такъ маломочному и убогому.

Ст. 30. *И такъ довольно.* Во все время войны, за отсусттвіемъ князя Трубецкаго, стихотворецъ

нашъ отъ него писемъ не получалъ, ни самъ къ нему писать не могъ для дальняго разстоянія, потому что не вѣдалъ, гдѣ онъ находится.

ПИСЬМО II.

Стихотворецъ, желая себя оправдать передъ тѣми, кои могли бы ему вмѣнить въ предосужденіе, что упражнялся въ сочиненіи стиховъ, яко въ маловажномъ дѣлѣ, объявляетъ, что онъ стихи писалъ въ молодыхъ лѣтахъ, и что сатиры его не касаются до злословія, но только служатъ къ исправленію злыхъ нравовъ, и потому никому вредить не могутъ. Сіе письмо сочинено въ Парижѣ, въ началѣ 1743 года, въ подражаніе Горацієва письма книги 1.

Ст. 1 и 2. *Десять лѣтъ цѣлыхъ тоскуете въ тьмѣ.* Цѣлыя десять лѣтъ втунѣ кроетесь и никому неизвѣстны. Первыя пять сатиръ и большая часть басней, пѣсней и эпиграммъ сочинены въ 1729 и 1730 годахъ, когда еще стихотворецъ имѣлъ отъ роду 21 годъ.

Ст. 4. *Гостей веселыхъ.* Для того что сатиры, требуютъ забавнаго слога.

Ст. 10. *Когда изъ рукъ пойдете.* Когда въ народѣ начнете изъ рукъ въ руки переходить.

Ст. 11 и 12. *Сносить не знали темноты.* Что не могли долѣе быть скрыты.

Ст. 14. *Пока въ насъ цвѣтъ новости.* Народъ обыкновенно жаденъ ко всякой новизнѣ; а когда оная уже всякому будетъ извѣстна, тогда какъ самая новость, такъ и источникъ ея за ничто почитается.

Ст. 16. *И умнымъ понравится.* Разумнымъ понравится содержащаяся въ васъ правда, хотя она безъ прикрасы описана.

Ст. 19. *Нестройнымъ злословіемъ назовутъ.* То есть, такимъ, въ которомъ, кромѣ вздору, никакихъ забавъ не заключается.

Ст. 23. *Межъ бодливыми причислятъ быками.* Почитать меня будутъ злобнымъ человѣкомъ, который безъ разбору всякому вредить старается. Такъ говоритъ Горацій въ сатирѣ 4, книги 1:
Fœnum habet in cornu, longe fuge, dummodo risum
Excutiat, non hic cuiquam parcet amico.

Ст. 24. *Мало кто склоненъ.* Рѣдко кто склоненъ точно вызнать дѣйствія и намѣренія другого; и потому если кто назоветъ мои стихи вздорнымъ злословіемъ, то по тѣмъ рѣчамъ прочіе за злобнаго меня почитать станутъ. *Чистыми глазами*, то есть безъ пристрастія.

Ст. 30. *Доводить словомъ своимъ.* Напрасно неисправный слогъ вашъ доказывать станетъ, что вы сочинены въ молодыхъ лѣтахъ, потому что люди, осуждая меня, указывать будутъ на настоящія лѣта.

Ст. 33. *Нашла мя досужнымъ.* То есть, когда должность въ досужное время дозволяла мнѣ въ стихахъ упражняться.

Ст. 34 и 35. *Полезны иногда подобные были людямъ стихи.* Для того, что къ исправленію нравовъ служили. Въ самомъ дѣлѣ пересмѣшка есть лучшій способъ къ исправленію.

Ст. 35. *Лишній часъ, скажутъ, имѣть трудно.* Многіе разсуждаютъ, что за краткостію человѣческаго вѣка едва лишній часъ найти можно тому, кто какою нибудь должностію обязанъ; но когда

въ истину разсмотримъ, то весьма много теряемъ времени въ долгомъ снѣ, забавахъ и пирахъ, и наипаче въ медленномъ начинаніи и произведеніи дѣла. Если бы изъ цѣлыхъ сутокъ одну четверть часа на письмо употребляли, то бы отъ того малаго труда въ годъ не малая книга произойти могла. Непрерывный трудъ, сколь ни маловременень, весьма споръ.

Ст. 37. *Завистъ васъ пошевеля найдетъ.* Завистливые люди, въ тонкость разсмотрѣвъ васъ, скажутъ, что я выписалъ изъ древнихъ и новыхъ писателей, и только ихъ стихи перевелъ съ одного языка на другой. Такіе люди чужіе труды обыкновенно уничтожаютъ, хотя сами ни за что приняться не смѣютъ либо за незнаніемъ, либо за неудачею. Правда, что стихотворецъ много занялъ у Горація, Персія и Ювенала, также и у французскаго стихотворца Боало, какъ о томъ и самъ въ четвертой сатирѣ упоминаетъ; но ежели кто тѣ мѣста сличитъ съ подлинникомъ, то увидитъ въ нихъ великую разность отъ точнаго переводу.

Ст. 40. *Не чудно съ готовыхъ стиховъ чаетъ* и проч. Завистливые думаютъ, что не мудрость изъ готовыхъ стиховъ другіе составлять.

Ст. 41. *Согласно съ закономъ смысла.* То есть, чтобъ въ сочиненныхъ стихахъ былъ складъ и слѣды здраваго разума.

Ст. 42. *Мѣрны двѣ строки кончать.* Всякій стихъ состоитъ изъ одной мѣрной строки, которая имѣть должна извѣстное число сѣченій и слоговъ. Въ концѣ двухъ стиховъ подобные слоги, составляющіе *риѳму*, производятъ въ ушахъ подобный звонъ.

Ст. 43. *Засаленнымъ вдругъ вамъ время пройдетъ.*

Засаленнымъ, каковы бываютъ тетради, которыя перешли чрезъ многія руки. *Время пройдетъ*, то есть, не будете больше за новые почитаться.

Ст. 46. *Иль съ Бовою иль съ Ершомъ.* Двѣ весьма негодныя рукописныя повѣсти, которыя на Спасскомъ Мосту въ Москвѣ продаются.

Ст. 48. *Обвертѣть собой иль икру, иль сало.* Не только вы, стихи, въ пыли лежать станете и забыты останетесь, какъ Бова Королевичъ и Ершъ; но напослѣдокъ будутъ завертывать въ васъ икру или сало, какъ въ негодную бумагу.

БАСНЯ I.

На I. Стихотворецъ въ сочиненіи сихъ басенъ слѣдовалъ примѣру Езопову, и изъ оныхъ первыя четыре писаны въ Москвѣ въ началѣ 1731 года.

Ст. 1. *Восколей.* Тотъ, кто изъ воску разныя фигуры льетъ или лѣпитъ.

Ст. 7. *Расползлося.* Вмѣсто *растопилось.*

БАСНЯ II.

На II. *Все племя пчелъ и весь свѣтъ.* Пчелы пользу получаютъ чрезъ мудрое матки своей правленіе, а свѣтъ довольствуяся медомъ, который въ ульяхъ собирается.

Ст. 13. *Давъ пчелъ корону.* То есть, давъ полную власть надъ пчелами. Пчелы хранятъ между собою нѣкоторый образъ гражданскаго правленія, и матка отправляетъ у нихъ должность главнаго начальника, что̀ искусно описалъ Виргилій въ своихъ эклогахъ.

Ст. 14. *Орудія отъ враговъ не далъ въ оборону.* Примѣчено, что пчельная матка жала не имѣетъ.

Ст. 21. *Мои дѣти.* Подвластныя мнѣ пчелы.

Ст. 25. *Подъ Небомъ.* Подъ Богомъ.

БАСНЯ III.

На III. Ст. 7. *Сколь тьми.* Сколь бы много прибавилось мнѣ славы, ежели бы я еще и рогами украшенъ былъ.

Ст. 17. *Претерпѣвъ безъ раны.* Безъ всякаго вреда.

Ст. 21. *Чтобъ достать скору пользу.* Чтобъ получить желаемые рога.

БАСНЯ IV.

На IV. Ст. 1. *Воевода.* Въ древнія времена воеводами назывались предводители войска, или нынѣшніе фельдмаршалы.

Ст. 2. *Изъ воздушна рода.* То есть, изъ птицъ.

Ст. 16. *Славы жало.* Любовь къ славѣ, или та самая склонность, которая побуждаетъ насъ къ трудамъ, въ надеждѣ полученія чрезъ заслуги славнаго имени.

Ст. 17. *Сѣдина безплодна.* Старость не лучшій плодъ принесетъ.

Ст. 18. *Что павлину перья такъ, какъ и гордость, сродна.* Павлинъ пригожія перья получилъ отъ природы, а не трудами своими, и такъ онъ природною красотою гордится. Симъ стихомъ стихотворецъ означаетъ гордыхъ дворянъ, которые, кромѣ знатнаго имени своихъ предковъ, никакого собственнаго достоинства не имѣютъ.

Ст. 22. *Недремно та бодрствуетъ, пока уныеаетъ.* Не къ тому рѣчь клонится, чтобъ стихотворецъ совѣтовалъ народа начальникамъ ночи не спать, но чтобъ они бодрствовали о благосостояніи народномъ гораздо болѣе своихъ подчиненныхъ.

БАСНЯ V.

На V. Сія басня есть точная Езопова, которая Гораціемъ внесена въ сатиру его VI, книги 2, а переведена въ Лондонѣ въ 1738-мъ году.

Ст. 4. *Отъ воздуха злости.* Напримѣръ, отъ дождя, снѣга, града и прочихъ безпокойствъ, коимъ подвержены бываютъ прочія животныя на открытомъ воздухѣ.

Ст. 14. *Гордымъ зубомъ пожимаясь, того другого куснетъ.* Симъ стихомъ изрядно изображена нѣжность и прихотливость городской мыши, которая, пріобыкши къ роскоши, грубою пищею гнушается. Подражаніе слѣдующаго Гораціева стиха:

Tangentis male singula dente superbo.

Ст. 27. *Земной рокъ палъ.* То есть, рокъ общій всѣхъ животныхъ есть тотъ, чтобъ смертнымъ быть.

Ст. 31. *Міра вещьми.* Забавами или сластями сего свѣта.

Ст. 37. *Средину неба ужъ ночь самую объяла.* То есть, была уже полночь.

Ст. 46. *Какъ слуги обыкли чинити.* Лакомые слуги обыкновенно прикушиваютъ все, что̀ господамъ на столъ подаютъ.

Ст. 55. *Своды.* Разумѣется весь домъ, хотя въ самомъ дѣлѣ голосъ наипаче въ сводахъ отдается.

Ст. 59. *Хоть корку зубъ гложетъ.* Хотя я грызу сухую корку.

БАСНЯ VI.

На VI. Кажется, что сія басня всѣхъ другихъ удачливѣе сочинена. Писана она въ 1738-мъ году.

Ст 1. *Лице къ премѣнамъ удобно.* Разумѣется притворное лице, которое по изволенію премѣняться можетъ на веселое и печальное.

Ст. 4. *Засыпляти.* Лестію сильно услаждать.

Ст. 7. *Умъ къ вреду имъ проворный.* Умъ человѣческій весьма хитръ въ обманахъ животныхъ.

Ст. 9. *Пагубны волоски.* То есть, *силки*, которые обыкновенно изъ конскихъ волосъ дѣлаются.

Ст. 11. *Быстрый летъ направилъ.* Вмѣсто, полетѣлъ.

Ст. 16. *Чистою душею.* Съ добрымъ намѣреніемъ, безъ лукавства.

Ст. 18. *Лакомъ самъ.* То есть, бывши самъ столько лакомъ до сихъ зеренъ, какъ и ты, увязилъ ногу въ силкахъ.

Ст. 25. *Коихъ цѣль.* То есть, намѣреніе.

Ст. тотъ же и 26. *Чтобъ тебѣ остался одному кормъ.* Упрямымъ людямъ дружескіе совѣты всегда подозрительны кажутся, какъ здѣсь снигирь полезный совѣтъ чижа для того презираетъ, будто бы онъ тѣ конопли одинъ склевать хотѣлъ.

Ст. 29. *Узелъ злобный.* Вмѣсто силокъ.

Ст. 30. *Затворилъ.* Разумѣется снигиря.

Ст. 31. *Жалостна дѣтямъ игра.* Дѣтямъ онаго птицелова снигирь жалостна игрушка.

Ст. 32. *Испустилъ съ духомъ гласъ послѣдній.* То есть, умеръ.

Ст. 33. *Слѣдовать искусныхъ совѣту.* То есть, такихъ людей, кои дѣло, о которомъ совѣтуютъ, лучше разумѣютъ, и собственнымъ опытомъ всѣ его слѣдствія извѣдали.

ЭПИГРАММЫ.

На I эпиграмму. Сія эпиграмма содержитъ описаніе человѣка самолюбиваго, который всѣхъ дѣла̀, кромѣ своихъ, ни во что̀ ставитъ. Писана, какъ

слѣдующія, выключая двѣ послѣднія, въ Москвѣ 1730-го года.

Ст. 8. *Слѣпецъ какъ ведетъ слѣпца.* Какъ слѣпой, когда ведетъ слѣпого, оба въ яму упадаютъ, такъ злонравный, когда подобнаго себѣ наставляетъ, оба въ погибель ввержены бываютъ.

На II. Ст. 2. *А что въ Папски сѣти впали.* Разумѣются паписты и всѣ принадлежащіе къ Западной Церкви.

Ст. 4. *Свой ключарь.* Папа называется наслѣдникомъ святаго Петра, которому одному изъ Апостоловъ, по мнѣнію католиковъ, власть дана отъ Христа рѣшить и вязать грѣхи, и для того папа ключи въ гербѣ своемъ употребляетъ.

На III. Ст. 1. *Порукъ тому счесть устанешь.* Всѣ тебя умнымъ признаваютъ, и какъ бы уже о томъ ручаться готовы были.

На IV. Ст. 1. *Лиду беретъ.* Женится на Лидѣ.

Ст. 2. *Съ трудомъ ножку воробья сгрызетъ.* Для того, что Лида такъ стара, что и зубы у нее всѣ повыпадали.

Ст. 4. *Лидой медалей число собранныхъ прибавитъ. Медалями* называютъ старинныя деньги, которыя къ изъясненію хронологіи много способствуютъ и которымъ стихотворецъ для глубокой древности Лиду уподобляетъ.

На VI. Въ сей эпиграммѣ сложивъ литеры перваго стиха, значащіе какое нибудь число, кои нарочно крупны поставлены, произойдетъ перечень 1728 число года, въ которомъ Императоръ Петръ II царскимъ вѣнцемъ вѣнчанъ. Такой стихъ называется *хроностическимъ*.

На VII. Ст. 1. *Имена не ваши.* Всѣ имена, употребленныя въ сатирахъ, суть вымышленныя, а не тѣхъ, коихъ сатирикъ обличаетъ.

Ст. 4. *Смѣните нравъ, то Сатиръ* и проч. Ежели злой нравъ перемѣните, то обличенiе до васъ касаться не будетъ.

На VIII. Въ сей эпиграммѣ представляется такой человѣкъ, который на безполезное дѣло много труда и времени употребляетъ.

На IX. Ст. 5. *Хотя кивнуть.* Хотя малой поклонъ учинить, или нѣсколько принаклониться.

Ст. 6. *Кувшинъ съ молокомъ сронить еще боится.* Для разумѣнiя сей эпиграммы надлежитъ вѣдать, что Силванъ ходилъ прежде, нежели въ знатной чинъ произошелъ, продавалъ молоко по улицамъ. Такiе люди обыкновенно носятъ молоко на головѣ въ большихъ кувшинахъ, и затѣмъ ни кому не кланяются, опасаясь, чтобъ не сронить кувшина. Стихотворецъ, напоминая подлое состоянiе Силваново, изобличаетъ его непристойную спѣсь.

ОГЛАВЛЕНІЕ

къ сочиненію Кантемира.

—

ПѢСНИ.

ПИСЬМА.

БАСНИ.

ЭПИГРАММЫ.

—

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 5 февраля 1847 года.

Ценсоръ *Никитенко.*

СОЧИНЕНІЯ

ХЕМНИЦЕРА.

ИЗДАНІЕ

Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭКСПЕДИЦІИ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

—

1847.

Цѣна́ за соч. Хемницера и Кантемира одинъ руб. сереб.

БАСНИ и СКАЗКИ.

МИЛОСТИВОЙ ГОСУДАРЫНѢ

М.... А........

Д.......

Милостивая Государыня!

Лишь только я успѣлъ сказать:
«Ну, басенки мои и сказочки! прощайте,
Васъ требуютъ, и мнѣ васъ больше не держать;
Ступайте.
Пріятелямъ моимъ привыкъ я угождать;
Они меня о томъ не разъ уже просили,
Чтобъ напечатать васъ отдать.»
Всѣ басни съ сказками ко мнѣ тутъ при-
ступили
И каждая, принявъ и голосъ свой и видъ,
«Старикъ» мнѣ первый говоритъ:
«Помилуй, что ты затѣваешь,
Что ты безъ всякой насъ защиты отпу-
скаешь!
Ужли ты для того на свѣтъ насъ жить
пустилъ,
И насъ, дѣтей своихъ, лелѣялъ и училъ,
Чтобъ мы на произволъ судьбы теперь оста-
лись
И безъ прибѣжища скитались?
Не самъ ли ты черезъ меня сказалъ:

Что въ море бы однимъ ребятамъ не пускаться?—
А ты теперь и самъ что дѣлать съ нами сталъ!»
Бѣднякъ тожъ къ рѣчи тутъ присталъ:
«А я куда гожусь? какъ въ свѣтъ мнѣ показаться?
Ты знаешь, батюшка, довольно, свѣтъ каковъ:
Какое множество развратныхъ въ немъ умовъ.
Ты знаешь, сколько въ немъ на правду негодуютъ,
И какъ порочные умы объ ней толкуютъ;
А ты, вѣдь, батюшка, когда насъ воспиталъ,
«Ну, дѣти! правдою живите,
«И правду говорите»
Всегда намъ толковалъ.
Такъ ты насъ подъ ея защитой отпускаешь!
Помилуй, развѣ ты не знаешь,
Какой по бѣдности моей мнѣ былъ пріемъ
Въ бесѣдѣ передъ богачомъ?
Чего же добраго теперь мнѣ дожидаться,
Когда мнѣ въ свѣтъ еще разъ съ правдой показаться?
Нѣтъ, ежели ты въ свѣтъ задумалъ насъ пустить,
Отдай Д...... насъ въ покровъ и защищенье.
Тогда хоть мы отъ злыхъ услышимъ поношенье,
Что станемъ правду говорить,
Но въ Ней не гнѣвъ найдемъ, увидимъ снисхожденье:

Ея *одно въ томъ утѣшенье,*
Одинъ законъ, одно ученье,
Чтобъ правду слышать и любить.
Она насъ иногда отъ клеветы избавитъ,
А именемъ твоимъ тебя и насъ прославитъ,
И нашихъ недруговъ заставитъ,
Можетъ быть,
Еще насъ и любить.
Хоть правда въ свѣтѣ нетерпима,
Но изъ прекрасныхъ устъ все можетъ быть любима.»
«*Какъ?* Ей *представить васъ? что вы, съ ума сошли?*
Подите жъ прочь, пошли, пошли!» —
Сперва таки какъ ладъ просили, все просили;
Но вдругъ какъ подняли и вой
И плачъ такой:
—*Ой батюшка! постой, постой!*
Ой, что задумалъ ты надъ нашей головой!—
Тутъ всѣ они свои заслуги протвердили
Безъ череды и чередой:
Иная басня тутъ медвѣдемъ заплясала;
Другая тутъ свиньей визжала.
Медвѣдь сказалъ:
Что развѣ ты забылъ, какъ въ баснѣ я плясалъ?
Свинья свое напоминала,
И съ прочими туда жъ твердитъ:
Припомни, какъ меня въ девятой баснѣ били,
Гоняли, мучили, тузили.
Слоны съ Коровой приступили —

Корова говоритъ:
Что, развѣ даромъ я подъ сѣдакомъ страдала,
За Лошадь службу отправляла,
И невпопадъ ступала;
А что я не скакала,
Такъ я не виновата въ томъ,
Что не родилася конемъ.
Слоны свое тутъ толковали:
Да мы чѣмъ виноваты стали,
Что, новый ты совѣтъ затѣявъ учредить,
И съ нами,
Слонами,
Скотовъ съ предлинными ушами
За красное сукно изволилъ посадить.
Иль наши всѣ труды пропали?
Такъ изъ чего жъ бы намъ служить?—
И уши крикомъ мнѣ и воемъ прожужжали.
Другіе-было всѣ тудажъ еще пристали;
Но я, чтобъ какъ нибудь скорѣй ихъ съ шеи
сжить,
Сталъ гнать ихъ отъ себя, кричать на нихъ,
бранить:
Поди, уродлива станица! отступися.
Они, Сударыня! *и пуще привяжися.*
Я имъ въ разсудокъ говорить:
Да какъ уродовъ васъ Д.......*мнѣ представить?*
Иль вкусъ и красоту Ея *мнѣ оскорбить,*
И самому себя предъ Нею *обезславить?—*
Ну, кстати ли! они никакъ не отставать:
Стоятъ на томъ, чтобъ Вамъ *въ защиту*
ихъ отдать.

Хотя бы, говорятъ: мы Ей *не показались,*
Такъ мы бы именемъ Ея *покрасовались.*
Я все не смѣлъ имъ обѣщать,
Какъ вздорная меня станица ни просила;
Но вдругъ гдѣ ни взялась, жена тутъ при-
ступила,
Котору въ сказкѣ я десятой описалъ.
Тутъ я, Сударыня! *что дѣлать ужъ не*
зналъ;
И чтобъ скорѣй съ ней разойтиться,
Я былъ ужъ принужденъ рѣшиться.
Да, да, я ей сказалъ:
Такъ точно, знаю, знаю;
Подите только прочь, я все вамъ обѣщаю...
Давъ слово, долженъ я сдержать.
Не надобно бы такъ нескромно обѣщать.
Но силу кротости и власть разсудка зная,
И вздорную лишь тѣмъ исправить уповая,
Подумалъ я: ну, что жъ! пусть будетъ и она
На путь прямой обращена;
Не первая то будетъ злая
Обезоружена
Жена...
Пожалуйте ее, Сударыня! *исправьте.*
А мнѣ простите слогъ простой,
И счастье тѣмъ мое составьте.
Позвольте, чтобъ Вамъ *былъ покорнѣйшимъ*
слугой

Иванъ Хемницеръ.

БАСНИ И СКАЗКИ.

—

I.

ДЕРЕВО.

Стояло Дерево въ долинѣ,
И на судьбу свою пѣняя, говоритъ:
«Зачѣмъ оно не на вершинѣ
Какой нибудь горы стоитъ?»
И то жъ да то же все Зевесу докучаетъ.
Зевесъ, который всѣмъ на свѣтѣ управляетъ,
Неудовольствіе отъ Дерева внимаетъ,
И говоритъ ему:
—Добро, перемѣню твое я состоянье,
Ко угожденью твоему.—
И далъ Вулкану приказанье
Долину въ гору премѣнить.
Итакъ подъ деревомъ горою мѣсто стало.
Довольнымъ Дерево тогда казалось быть,
Что на горѣ стояло.

Вдругъ на лѣса Зевесъ за что-то гнѣвенъ сталъ,
И въ гнѣвѣ приказалъ
Всѣмъ вѣтрамъ на лѣса пуститься.

Ужъ дѣйствуетъ свирѣпыхъ вѣтровъ власть:
Колеблются лѣса, листы столпомъ крутятся,
Деревья ломятся, валятся,
Все чувствуетъ свою погибель и напасть;
И Дерево теперь, стоявши на вершинѣ,
Трепещетъ о своей судьбинѣ.
«Счастливы» говоритъ,
Деревья, что стоятъ въ долинѣ:
Имъ буря столько не вредитъ.»
И только это лишь сказало,
Изъ корня вырвано — упало.
Мнѣ кажется, легко изъ басни сей понять,
Что страшно иногда на высотѣ стоять.

═

Сынъ усомнился и не знаетъ
Какъ рѣчь отцову разсудить:
Но наконецъ отцу о братѣ представляетъ:
— А брату чѣмъ же жить,
Когда мнѣ одному въ наслѣдство
Съ его обидою имѣнье получить? —
«О братѣ нечего» сказалъ отецъ «тужить:
Дуракъ ужъ вѣрно сыщетъ средство
Счастливымъ въ свѣтѣ быть.

═

IV.

СКВОРЕЦЪ и КУКУШКА.

—

Скворецъ изъ города, гдѣ въ клѣткѣ онъ сидѣлъ,
На волю улетѣлъ.
Къ нему съ вопросами Кукушка приступила,
И говорила:
«Скажи, пожалуй, мнѣ, что̀ слышалъ ты объ насъ;
И городу каковъ нашъ голосъ показался?
Я думаю, что вѣдь не разъ
Объ этомъ разговоръ случался.
О Соловьѣ какая рѣчь идетъ?»
—На похвалу его и словъ недостаетъ.
«О Жаворонкѣ что жъ?» Кукушка повторяетъ.
—Весь городъ и его не мало похваляетъ.—
«А о Дроздѣ?»
—Да, хвалятъ и его, хотя и не вездѣ.—
«Позволишь ли ты мнѣ» Кукушка продолжала:
«Тебя еще однимъ вопросомъ утрудить,
И обо мнѣ, мой другъ, что̀ слышалъ ты? спросить:
Весьма бъ я знать о томъ желала.
И я-таки — пѣвала.»

II.

КОНЬ и ОСЕЛЪ.

—

Конь, всадникомъ гордясь,
И выступкой храбрясь,
Рѣзвился,
И какъ-то оступился.
На ту бѣду Оселъ случился,
И говоритъ Коню: «Ну, если бы со мной
Грѣхъ сдѣлался такой!
Я, ходя цѣлый день, ни разу не споткнуся;
Да полно я и берегуся.»
—Тебѣ ли говорить!
Конь отвѣчалъ Ослу:—и ты туда жъ несешься!
Твоею выступкой ходить,
И ввѣкъ не спотыкнешься.—

═

III.

УМИРАЮЩІЙ ОТЕЦЪ.

Жилъ былъ отецъ,
И были у него два сына:
Одинъ сынъ былъ уменъ, другой сынъ былъ глупецъ.
Отцова настаетъ кончина,
И видя свой конецъ,
Отецъ
Тревожится, скучаетъ,
Что сына умнаго на свѣтѣ покидаетъ,
И говоритъ ему: «Ахъ, сынъ любезный мой!
Съ какой
Тоской
Я разстаюсь съ тобой,
Что умнымъ я тебя на свѣтѣ покидаю,
И какъ ты проживешь, не знаю.
Послушай,» продолжалъ: «тебя я одного
Наслѣдникомъ всего
Имѣнья оставляю,
А брата твоего
Я отъ наслѣдства отрѣшаю:
Оно не нужно для него.»

—А про тебя, когда всю истину сказать,
Нигдѣ ни слова не слыхать.
«Добро!» Кукушка тутъ сказала:
«Такъ стану же я всѣмъ за это зло платить,
И о себѣ сама все буду говоритъ.»

═

V.

СТРОИТЕЛЬ.

—

Что̀ можешь начинать теперь,
Теперь и начинать старайся.
Лишь настоящему ты вѣрь,
На завтрее не полагайся.

Построить нѣкто домъ желалъ,
И нужные къ тому сбирать припасы сталъ;
И собралъ ужъ не мало.
Построить долго ли? лиха бѣда начало.
Проходитъ день за днемъ, за годомъ годъ идетъ,
А все строенья нѣтъ:
Все нашъ строитель отлагаетъ
Строенье до другого дни.
Внезапно смерть пришла: строитель оставляетъ
Припасы лишь одни.

═

VI.

ОТЕЦЪ и СЫНЪ ЕГО.

—

Былъ жилъ отецъ; имѣлъ онъ сына;
А сынъ его ужъ былъ дѣтина.
Онъ сыну говоритъ: «Пора, мой сынъ, пора,
Для твоего добра,
Тебѣ жениться.
Къ тому же, дитятко, у насъ одинъ ты сынъ;
Да и во всей семьѣ остался ты одинъ.
Когда не женишься, весь родъ нашъ прекратится,
Такъ и для этого ты долженъ бы жениться.
Ужъ я не разъ о томъ говаривалъ съ тобой
И напрямикъ и стороной,
А ты мнѣ все въ отвѣтъ другое, да другое.
Помилуй, что̀ такое?
Я право говорить объ этомъ ужъ усталъ.»
—Охъ, батюшка! давно и самъ я разсуждалъ,
Что мнѣ пора рѣшиться;
И я ужъ радъ жениться,
Какъ скоро лишъ примѣръ найду,
Чтобъ жили мужъ съ женой въ ладу.—

═

VII.

ГАДАТЕЛЬ.

—

Дѣтина молодой хотѣлъ узнать впередъ,
Счастливо ль онъ, иль нѣтъ,
На свѣтѣ проживетъ?
О чемъ нерѣдко размышляетъ
И любопытствуетъ узнать.
И для того велѣлъ гадателя призвать,
И что̀ съ нимъ сбудется, его онъ вопрошаетъ.
Гадатель былъ старикъ, людей и свѣтъ онъ зналъ.
Дѣтинѣ этому печально отвѣчалъ:
«Немного жизнь твоя добра предвозвѣщаетъ.
Ты къ счастью, кажется, на свѣтѣ не рожденъ:
Ты честенъ и уменъ.

VIII.

МУЖИКЪ и КОРОВА.

—

Коня у Мужика не стало,
Такъ онъ корову осѣдлалъ;
А самъ о томъ не разсуждалъ,
Что, говорятъ, сѣдло коровѣ не пристало;
Но, не смотря на то, онъ на корову сѣлъ
Затѣмъ, что вдаль пѣшкомъ идти не захотѣлъ.
Онъ сѣлъ, корову понукаетъ;
Корова только лишь подъ сѣдакомъ шагаетъ.
Сѣдокъ корову погоняетъ;
Корова выступкой все тою же ступаетъ,
И только лишь подъ нимъ пыхтитъ.
Сѣдокъ, имѣвъ въ рукахъ не хлыстикъ, а дубину,
Корову понуждалъ какъ вялую скотину,
Считая, что она отъ палки побѣжитъ.
Корова пуще лишь пыхтитъ,
Потѣетъ и крехтитъ.
Сѣдокъ удары утрояетъ;
Корова все шагаетъ,
А рыси, хоть убей,
Такъ нѣтъ у ней,

Корова наконецъ подъ сѣдокомъ свалилась.
Не мудрено: скакать корова не родилась.
А потому и должно знать:
Кто ползать родился, тому ужъ не летать.

═

IX.

ДВА СОСѢДА.

—

Худой миръ лучше доброй ссоры, —
Пословица старинна говоритъ;
И каждый день намъ то жъ примѣрами твердитъ:
Какъ можно не вплетаться въ споры;
А если и дойдетъ нечаянно до нихъ,
Не допуская вдаль, прервать сначала ихъ;
И лучше до суда хоть кой-какъ помириться,
Чѣмъ дѣло выиграть, и вовсе просудиться,
Иль, споря о грошѣ, всѣмъ домомъ разориться.

На дворъ чужой свинья къ сосѣду забрела,
А со двора потомъ и въ садъ его зашла.
Въ саду бѣдъ пропасть накутила
И гряду цѣлую изрыла.
Встревожился весь домъ,
И въ домѣ бѣганье, содомъ.
«Собакъ, собакъ сюда!» домашніе кричали.
Изъ избъ всѣ люди побѣжали,
И свинью ну травить:
Швырять въ нее, гонять и бить:
Со всѣхъ сторонъ на свинью напустили;
Полѣньями ее, метлами, кочергой,

Тотъ шапкою швыркомъ, другой ее ногой, —
Обычай на Руси такой.
Тутъ лай собакъ и визгъ свиной,
И крикъ людей, и стукъ побой,
Такую кашу заварили,
Чтобъ и хозяинъ самъ бѣжалъ съ двора долой;
И люди травлю тѣмъ рѣшили,
Что свинью наконецъ убили. —
Охотники тѣ люди были!
Сосѣды въ тяжбу межъ собой.
Непремиримая между сосѣдовъ злоба;
Огнемъ другъ на друга сосѣды дышутъ оба:
Тотъ проситъ на того за садъ изрытый свой;
Другой, что свинью затравили.
И первый говорилъ:
«Я живъ быть не хочу, чтобъ ты не заплатилъ,
Что у меня ты садъ изрылъ.»
Другой же говорилъ:
«Я живъ быть не хочу, чтобъ ты не заплатилъ,
Что свинью у меня мою ты затравилъ.»
Хоть виноваты оба были,
Но кстати ль, чтобъ они другъ другу уступили;
Нѣтъ, мысль ихъ не туда:
Во что̀ бъ ни стало имъ, хотятъ искать суда.
И подлинно суда искали,
Пока всѣ животы судьямъ перетаскали.
Не стало ни кола у истцовъ, ни двора.
Тогда имъ судьи говорили:
«Мы дѣло ваше ужъ рѣшили;
Для пользы вашей и добра
Мириться вамъ пора.

X.

ТѢНЬ МУЖА и ХАРОНЪ.

—

Красавицы! ужли вы будете сердиться
За то, что̀ вамъ теперь хочу я разсказать?
Вѣдь слава добрыхъ тѣмъ никакъ не уменьшится,
Когда однихъ худыхъ я стану осуждать.
А, право, мочи нѣтъ молчать:
Инымъ мужьямъ житья отъ женъ своихъ не стало;
А этакъ поступать вамъ, право, не пристало.

Жилъ мужъ, жила жена,
И наконецъ скончались оба;
Да только въ разны времена
Имъ отворились двери гроба:
Жена скончалась напередъ;
Потомъ и мужъ, проживъ не помню сколько лѣтъ,
Скончался.
Какъ съ свѣтомъ здѣшнимъ онъ разстался,
То къ той рѣкѣ приходитъ онъ,
Гдѣ перевозитъ тѣхъ Харонъ,
Которы свѣтъ сей оставляютъ.
А за рѣкою той — пiиты увѣряютъ —
Одна дорога въ рай, другая въ адъ ведетъ.

Харонъ тѣнь мужнюю везетъ,
И какъ черезъ рѣку они переѣзжаютъ,
Тѣнь говоритъ: «Харонъ, куда моя жена
Тобою перевезена,
Въ рай или въ адъ?» — Въ рай — «Можно ль статься?
Меня куда жъ везешь?» —Туда жъ, гдѣ и она.—
Ой, нѣтъ; такъ въ адъ меня. Я въ адѣ радъ остаться,
Чтобъ съ нею вмѣстѣ лишь не жить.»
—Нѣтъ, нѣтъ; мнѣ надъ тобой хотѣлось подшутить:
Я въ адъ ее отвезъ. Ей кстати въ адѣ быть,
И съ дьяволами жить и знаться:
И въ свѣтѣ вѣдь она
Была прямая сатана!

═

XI.

КАЩЕЙ.

—

Какой-то былъ Кащей и денегъ тму имѣлъ;
А сказывалъ онъ самъ, что онъ разбогатѣлъ
Не криводушно поступая,
Не грабя и не разоряя.
Нѣтъ, онъ божился въ томъ,
Что Богъ ему послалъ такой достатокъ въ домъ,
И что никакъ онъ не боится
Противу ближняго въ неправдѣ обличиться.
А чтобы Господу за милость угодить,
И къ милосердію и впредь Его склонить,
Или чтобъ совѣсть успокоить,
Кащею вздумалось для бѣдныхъ домъ построить.
Домъ строютъ, и почти достроили его.
Кащей мой домъ свой посѣщаетъ;
Смотря онъ на него,
Любуется и разсуждаетъ:
Какую бѣднымъ онъ услугу показалъ,
Что имъ пристанище построить приказалъ!
Такъ внутренно Кащей мой домомъ веселится,
Какъ нѣкто мимо проходилъ,

У незнакомаго съ восторгомъ онъ спросилъ:
Довольно, кажется, тутъ бѣдныхъ помѣстится?»
— Довольно здѣсь ихъ можетъ жить;
Но всѣхъ хозяину сюда не помѣстить,
Которыхъ по міру заставилъ онъ ходить.

═

XII.

КРЕСТЬЯНИНЪ СЪ НОШЕЮ.

—

Сколь часто служитъ въ пользу намъ,
Что̀ мы вредомъ себѣ считаемъ!
Сколь часто на судьбу богамъ
Неправой жалобой скучаемъ!
Сколь часто счастіе несчастіемъ зовемъ,
И благо истинно, считая зломъ, клянемъ!
Мы вѣчно умствуемъ и вѣчно заблуждаемъ.

Крестьянинъ нѣкакой путемъ-дорогой шелъ,
И ношу на плечахъ имѣлъ,
Которая его ужъ такъ отяготила,
Что на пути пристановила.
«Провалъ бы эту ношу взялъ!»
Крестьянинъ проворчалъ:
«Я эту ношу
Сбро̀шу
И налегкѣ безъ ноши я пойду;
Добра я этого вездѣ, куда приду,
Найду.»
А ноша та была кошель, набитый сѣномъ;
Но мужику она казалась горькимъ хрѣномъ.

Сталъ нашъ Крестьянинъ въ пень, не знаетъ что
начать;
Однако вздумалъ отдыхать,
И мыслитъ: «Отдохнувъ немного, поплетуся;
Авось-либо дойду,
Хоть съ ношею пойду;
Быть такъ, добро, пущуся.»

Пошелъ Крестьянинъ въ путь и ношу взялъ съ
собой.
А надобно здѣсь знать, что было то зимой,
Когда лишь только рѣки стали,
И снѣги льда еще не покрывали.
Лежитъ Крестьянину дорога черезъ ледъ.
Крестьянинъ ничего не думавши идетъ:
Вдругъ, поскользнувшись, онъ свалился;
Однако же упалъ на ношу безъ вреда.

Близка была бѣда!
Крестьянинъ, вѣрно бъ, ты убился,
Когда бы ношу взять съ собою полѣнился.

═

XIII.

ДВА СЕМЕЙСТВА.

—

Уже изъ давнихъ лѣтъ замѣчено у всѣхъ:
Гдѣ ладъ, тамъ и успѣхъ;
А отъ раздора все на свѣтѣ погибаетъ.
Я правду эту вновь примѣромъ докажу;
Картины Грезовы я сказкой разскажу:
Одна счастливую семью изображаетъ,
Другая же семью несчастну представляетъ.
Семействомъ счастливымъ представленъ мужъ
съ женой,
Плывущія съ дѣтьми на лодочкѣ одной
Такой
Рѣкой,
Гдѣ камней и мелей премножество встрѣчали,
Которы трудности сей жизни представляли.
Согласно мужъ съ женой,
Своею лодкой управляя,
Счастливо къ берегу межъ камнями плывутъ.
Сама любовь, въ лицѣ грести имъ пособляя,
Ихъ тяжкой облегчаетъ трудъ.
Спокойно въ лодочкѣ ихъ дѣти почиваютъ.
Покой и счастіе дѣтей,

Въ заботной жизни сей
Труды отцовски награждаютъ.
Другимъ семействомъ тожъ представленъ мужъ съ женой,
Плывущіе съ дѣтьми на лодочкѣ одной
Такою же рѣкой,
Гдѣ камней и мелей премножество встрѣчаютъ.
Но худо лодка ихъ плыветъ;
Съ женой у мужа ладу нѣтъ:
Жена весло свое бросаетъ,
Сидитъ, не хочетъ помогать,
Отъ камней лодку удалять.
Любовь летитъ отъ нихъ и вздорныхъ оставляетъ.
А мужа одного напрасенъ тяжкій трудъ;
И криво съ лодкою и вкось они плывутъ.
Не знаютъ дѣти ихъ покою,
И другъ у друга всякъ кусокъ послѣдній рветъ.
Все хуже между нихъ часъ отъ часу идетъ:
Въ пучину быстриною
Ужъ лодку ихъ несетъ.

═

XIV.

СОВѢТЪ СТАРИКА.

—

Дѣтина старика какого-то спросилъ:
«Чтобъ знатнымъ сдѣлаться, за что̀ бы мнѣ приняться?»
— По совѣсти признаться,»
Старикъ дѣтинѣ говорилъ:
Я право самъ не знаю,
Какъ лучше бы тебѣ, дружокъ мой, присудить;
И сколько головы на этомъ ни ломаю,
Я только два пути могу тебѣ открыть,
Какъ до чиновъ дойтить;
А больше способовъ не знаю:

Будь храбръ, мой другъ. Иной
Прославился войной;
Все отложивъ тогда, спокойство и забаву,
Трудами находить старался честь и славу;
И въ самомъ дѣлѣ то сыскалъ,
Чего сыскать желалъ.
Другой же знаніемъ глубокимъ,
Не родомъ знатнымъ и высокимъ,
Себя на свѣтѣ отличилъ;

Въ судахъ и при Дворѣ, великъ и славенъ былъ.
Трудами все пріобрѣтаютъ;
Но въ томъ великія лишь души успѣваютъ.—
«Все это хорошо» дѣтина говорилъ:
«Но если мнѣ тебѣ по совѣсти открыться,
Такъ я никакъ не вображалъ,
Чтобъ до чиновъ добиться
Ты столько трудностей мнѣ разныхъ насказалъ.
Мнѣ кажется, что ты ужъ слишкомъ судишь строго;
Полегче бы чего нельзя ли присудить?»

—Ужъ легче нѣтъ того, какъ дуракомъ прожить:
А и глупцовъ чиновныхъ много.—

═

XV.

ХОЗЯИНЪ и МЫШИ.

—

Двѣ Мыши на одинъ какой-то дворъ попались,
И вмѣстѣ на одномъ дворѣ онѣ живутъ;
Но каждой жительства различныя достались,
А потому онѣ и разну жизнь ведутъ:
Одна Мышь въ житницу попала,
Другая Мышь въ амбаръ пустой.
Одна въ довольствѣ обитала,
Не видя нужды никакой;
Другая жъ въ бѣдности живетъ и все горюетъ,
И на судьбину негодуетъ.
Съ богатой видится и съ нею говоритъ;
Но въ житницу ея попасть никакъ не можетъ,
И только тѣмъ однимъ сыта, что рухлядь
гложетъ.
Клянетъ свою судьбу, хозяина бранитъ;
И наконецъ къ нему Мышь бѣдна приступила,
Сравнять ее съ своей подругою просила.
Хозяинъ дѣло такъ рѣшилъ,
И Мыши говорилъ,
Котора съ жалобой своею приходила:
«Вы обѣ случаемъ сюда на дворъ зашли,

И тѣмъ же случаемъ и разну жизнь нашли.
Хозяину мышамъ не сдѣлать уравненье.
И я скажу тебѣ:
Амбаръ и житницу построилъ я себѣ
На разное употребленье;
А до мышей мнѣ нужды нѣтъ,
Котора, гдѣ и какъ живетъ.»

═

XVI.

ЛЖЕЦЪ.

—

Кто лгать привыкъ, тотъ лжетъ въ бездѣлицѣ
и въ дѣлѣ,
И лжетъ, душа покуда въ тѣлѣ.
Ложь — рай его, блаженство, свѣтъ:
Безъ лжи лгуну и жизни нѣтъ.
Я самъ лжеца такого
Зналъ,
Который никогда не выговоритъ слова,
Чтобы притомъ онъ не солгалъ.

Въ то время самое, какъ опыты здѣсь были,
Что могутъ ли въ огнѣ алмазы устоять,
Въ бесѣдѣ нѣкакой объ этомъ говорили,
И всякъ по своему объ нихъ сталъ толковать.
Кто говоритъ: въ огнѣ алмазы исчезаютъ,
Что̀ въ самомъ дѣлѣ было такъ.
Иные повторяютъ:
Изъ нихъ, какъ изъ стекла, что̀ хочешь выливаютъ.
И такъ
И сякъ
Объ нихъ твердятъ и разсуждаютъ.

Но что послѣднее неправда, знаетъ всякъ,
Кто Химіи хотя лишь нѣсколько учился.
Лжецъ тотъ, котораго я выше описалъ,
Не вытерпѣлъ и тутъ солгалъ.
«Да,» говоритъ: «да такъ; я самъ притомъ случился,
(Лишь только-что не побожился)
Какъ способъ тотъ нашли,
И до того алмазъ искусствомъ довели,
Что какъ стекло его теперь ужъ плавить стали.
А этакой алмазъ мнѣ самому казали,
Который слишкомъ въ фунтъ изъ мелкихъ былъ
стопленъ.»
Одинъ въ бесѣдѣ той казался удивленъ,
И ложь безстыдную съ терпѣніемъ внимаетъ,
Плечами только пожимаетъ,
Принявши на себя тотъ видъ,
Что будто ложь его онъ правдою считаетъ.
Спустя дней нѣсколько лжецу онъ говоритъ:
—Какъ-бишь великъ алмазъ тебѣ тогда казали,
Который сплавили? я право позабылъ.
Въ фунтъ, кажется, ты говорилъ?—
«Такъ точно, въ фунтъ,» лжецъ подтвердилъ.
О, это ничего; теперь ужъ плавить стали
Алмазы вѣсомъ въ цѣлый пудъ;
А фунтовымъ алмазамъ тутъ
И счетъ ужъ потеряли.» —
Лжецъ видитъ, что за ложь хотятъ ему платить,
Ужъ вѣсу не посмѣлъ прибавить,
И лжей алмазъ побольше сплавить;
Сказалъ: «Ну, такъ и быть;
Фунтъ пуду долженъ уступить.»

═

XVII.

БАРОНЪ.

—

Жилъ былъ скупой богачъ, и у него одинъ
Былъ сынъ.
Отецъ его скончался;
Наслѣдства милліонъ молодчику достался;
И захотѣлъ сынокъ, имѣвши милліонъ,
Барономъ сдѣлаться, — и сдѣлался Баронъ.
Баронство куплено; теперь задумалъ онъ
Быть, сверхъ того, еще и знатнымъ господиномъ,
И слыть Барономъ съ чиномъ.

Хоть знатныхъ онъ людей достоинствъ не имѣлъ,
Но все сбирался и хотѣлъ
Министромъ быть при кабинетѣ,
Чтобъ въ царскомъ засѣдать совѣтѣ,
Иль славнымъ полководцемъ быть.
Баронъ! достоинства за деньги не купить. —
Но все Баронъ не могъ рѣшиться
Къ чему бы лучше прилѣпиться,
Гдѣ бъ больше чести доступить:
Въ министры ль добиваться,
Иль въ полководцы попытаться?

Итакъ въ намѣреньяхъ однихъ живетъ Баронъ;
А все достоинство Барона — милліонъ.
Онъ удивленье былъ народовъ,
Толпою гайдуковъ своихъ и скороходовъ.
Доходами его почти весь городъ жилъ.
Онъ въ золото себя и слугъ всѣхъ обложилъ;
И ежели когда въ каретѣ проѣзжался,
То больше лошадей своихъ онъ величался.
Льстецамъ онъ покровитель былъ,
И ревностно тому служилъ,
Кто ползая предъ нимъ, его о чемъ просилъ;
А кто поступки всѣ и вкусъ его хвалилъ,
Талантами его безстыдно восхищался,
Тотъ, вѣрно, помѣщенъ въ число друзей тѣхъ былъ,
Которые на счетъ Барона ѣли, пили,
Смѣясь въ глаза его хвалили;
И въ тотъ же самый часъ мѣшки его счечили,
Какъ увѣряли всѣ его:
Что противъ глазъ такихъ, какіе у него,
И Аргусовы ничего.

На долго ль моту милліона?
Ему другого нѣтъ закона,
Какъ только чтобъ по волѣ жить,
Своимъ богатствомъ величаться,
Страстямъ и прихотямъ служить.

Баронъ нашъ пересталъ ужъ больше добиваться
Министромъ, полководцемъ быть,
И только къ роскоши развратной прилѣпился:
Пилъ, ѣлъ и веселился,

А какъ весь милліонъ Бароновъ истощился,
То сталъ опять Баронъ
Ничто, какъ былъ и прежде онъ.
Безъ денегъ онъ отъ всѣхъ оставленъ очутился;
И доказалъ своимъ житьемъ
Баронъ нашъ правду эту всѣмъ,
Что дѣтямъ только зла родители желаютъ,
Когда имъ лишь одно богатство оставляютъ:
Богатство пагуба и вредъ
Тому, въ комъ воспитанья нѣтъ.

═

XVIII.

МЕДВѢДЬ-ПЛЯСУНЪ.

—

Плясать Медвѣдя научили,
И долго на цѣпи водили;
Однако какъ-то онъ ушелъ,
И въ родину назадъ пришелъ.
Медвѣди земляка лишь только-что узнали,
Всѣмъ по лѣсу объ немъ, что тутъ онъ, промычали;
И лѣсъ лишь тѣмъ наполненъ былъ,
Что всякъ другъ другу говорилъ:
«Вѣдь Мишка къ намъ опять явился.»
Откуда кто пустился,
И къ Мишкѣ безъ души медвѣди всѣ бѣгутъ.
Другъ передъ другомъ Мишку тутъ
Встрѣчаютъ,
Поздравляютъ,
Цалуютъ, обнимаютъ;
Не знаютъ съ радости, что̀ съ Мишкою начать,
Чѣмъ угостить и какъ принять.
Гдѣ! развѣ торжество такое,
Какое
Ни разсказать
Ни описать!

И Мишку всѣ кругомъ обстали.
Потомъ просить всѣ Мишку стали,
Чтобъ похожденье онъ свое имъ разсказалъ.
Тутъ все, что̀ только Мишка зналъ,
Разсказывать имъ сталъ;
И между прочимъ показалъ,
Какъ на цѣпи плясалъ.
Медвѣди плясуна искусство всѣ хвалили,
Дивилися, превозносили,
И каждый силу всю свою употреблялъ,
Чтобъ такъ же проплясать, какъ и плясунъ плясалъ.
Однако сколько̀ ни старались,
И сколько всѣ ни умудрялись,
И сколько ни кривлялись,
Не только чтобъ плясать,
Насилу, такъ какъ онъ, могли на лапы встать.
Иной такъ со всѣхъ ногъ тутъ о̀ землю хватился,
Когда плясать было-пустился;
А Мишка видя то,
И вдвое умудрился,
И зрителей своихъ поставилъ всѣхъ въ ничто.
Тогда на Мишку напустили,
И ненависть и злость искусство все затмили.
На Мишку окрикъ всѣ: «Прочь, прочь отсель сейчасъ!
Скотина этака умнѣй быть хочешь насъ!»
И всѣ на Мишку нападали,
Нигдѣ проходу не давали;
И столько Мишку стали гнать,
Что Мишка принужденъ бѣжать.

XIX.

ОРЛЫ.

—

Сначала всяко дѣло строго
И въ строку такъ идетъ,
Что и приступу нѣтъ;
А тамъ перегодя немного,
Пошло и вкриво все и вкось,
И отъ часу все хуже, хуже,
Покуда наконецъ хоть брось.
Не знаю череду ведутъ ли люди ту же;
Но слово въ басни сей
Про птицъ, не про людей.

Орлы когда-то всѣ рѣшились
Составить общество правленья межъ собой,
И сдѣлали уставъ такой,
Чтобъ прочія отъ нихъ всѣ птицы удалились,
Какъ недостойныя съ Орлами вмѣстѣ жить,
Судить,
Рядить,
Или въ дѣла Орловъ входить,
И словомъ, въ обществѣ одномъ съ Орлами быть.

И такъ живутъ Орлы, храня уставъ свой строго,
И никакой изъ птицъ къ Орламъ приступу нѣтъ.
Прошло, не знаю сколько лѣтъ;
Однако помнится немного.
Вдругъ изъ Орловъ одинъ свой голосъ подаетъ,
Съ другими разсуждаетъ,
И вотъ что̀ предлагаетъ:
«Хоть позволенія на то у насъ и нѣтъ,
Чтобъ съ нами въ обществѣ другія птицы жили,
Которы бъ не одной породы съ нами были,
Достоинствъ равныхъ намъ,
Орламъ,
Отмѣнныхъ не имѣли,
Летать по нашему высоко не умѣли,
На солнце бы смотрѣть не смѣли;
Но какъ соколій вамъ извѣстенъ всѣмъ полетъ,
И думаю, что намъ онъ пользу принесетъ,
Такъ пусть и онъ при насъ живетъ;
Мнѣ кажется, бѣды тутъ нѣтъ.»
И впрямъ, Орлы на то сказали:
—Его полетъ....
А сверхъ того одинъ Соколъ куда нейдетъ.—
И Сокола принять позволить приказали.
Потомъ, спустя еще не знаю сколько лѣтъ,
Ужъ также и Соколъ свой голосъ подаетъ:
«Что пользы Ястребъ то жъ не мало принесетъ,
И нужнымъ признаетъ,
Чтобы Орлы благоволили
И Ястреба принять.»
Но тутъ было Орлы сперва поусомнились,
Хотѣли отказать;

Однако наконецъ рѣшились,
Чтобъ позволенье дать
И Ястреба въ ихъ общество принять.
Потомъ и Ястребъ то жъ Орламъ сталъ представлять:
Что нужны птицы тѣ, другія,
Невѣдь какія,
Чтобъ разну должность отправлять.
Что жъ? сдѣлался приказъ отъ самаго правленья,
Чтобъ птицамъ былъ пріемъ впередъ безъ представленья,
И вышло наконецъ, что въ общество Орловъ
Ужъ стали принимать и Филиновъ и Совъ.

═══

XX.

УСМИРИТЕЛЬНЫЙ СПОСОБЪ.

—

Былъ у отца сынъ Малой молодой,
Шалунъ и бѣдокуръ такой,
Хоть голову кому такъ радъ сорвать долой.
Какая только гдѣ проказа не случится,
Нашъ Малой завсегда тутъ первымъ очутится.
«Что,» говоритъ отецъ, «съ повѣсой мнѣ начать,
И чѣмъ его унять?»
Однако, чтобъ себя стыда и бѣдъ избавить,
А въ Маломъ жару поубавить,
Онъ способъ съ нимъ еще вотъ этотъ предпріялъ:
(Какъ матушка на то любезна ни косилась)
Въ Америку его на сколько-то послалъ.
Что жъ, чѣмъ поѣздка та рѣшилась?
Ужли смирнѣе Малой сталъ?
Гдѣ! бѣшенымъ такимъ еще и не бывалъ,
И для того отецъ и дядя посудили,
Подумали и положили,
Что какъ пути въ немъ не видать,
То бъ въ службу Малого военную отдать.
Поплакали, погорѣвали,
И наконецъ его въ солдаты записали,

Что въ самомъ дѣлѣ для него
Казалося тогда полезнѣе всего:
Хоть межъ военными и всякіе бываютъ,
Но палкою они жить многихъ научаютъ;
А впрочемъ нужды въ этомъ нѣтъ,
Что столько жъ иногда уменъ и тотъ, кто бьетъ,
Какъ тѣ, которые побои принимаютъ.
Однако Малого и палка не беретъ.
Посылка за отцомъ, чтобъ въ полкъ ему явиться.
«Нѣтъ, говорятъ: «изволь назадъ ты сына взять, —
И самъ какъ хочешь съ нимъ возиться;
А нашей мочи ужъ не стало больше биться.»
И велѣно отцу его назадъ отдать.
Теперь ужъ отъ него добра не ожидать.
Но нѣтъ, скорехонько Дѣтину проучили.
Еще и мѣсяцъ не прошелъ,
Совсѣмъ Дѣтина присмирѣлъ.
Да чѣмъ же Малого такъ вдругъ перемѣнили?
Ужли въ тюрьму отецъ Дѣтину посадилъ?
Нѣтъ, лучше этого его онъ проучилъ:
Женилъ.

═

XXI.

СТАРИКЪ и РЕБЯТА СВОЕВОЛЬНЫЕ.

—

Кто пожилыхъ людей слова пренебрежетъ,
И пылкой юности стремленью покорится,
Тотъ часто со вредомъ и поздно вразумится,
Сколь справедливъ людей испытанныхъ совѣтъ.

Ребята у моря со старикомъ гуляли,
И какъ-то на челнокъ напали,
Въ который вздумали они и сами сѣсть,
И въ то же старика хотятъ ребята ввесть,
Чтобъ съ ними по морю немного прокатиться.
Но старику ли согласиться
Съ ребятами шалить?
Старикъ и ихъ увѣщаваетъ
Охоту эту отложить;
Ребятамъ живо представляетъ,
Что кончится игра бѣдой.
Ребятамъ нужды нѣтъ, хоть голова долой.
Чѣмъ больше убѣждалъ старикъ ѣзду оставить,
Тѣмъ больше на своемъ старался всякъ поста-
вить.
Старикъ еще ихъ унимать:

«Эй, право, вамъ не сдобровать;
Челнокъ вамъ на бѣду, повѣрьте мнѣ, я знаю;
Вѣдь вамъ же я добра желаю.»
—Пустое, старичокъ!
Что слушаться его? — А сами прыгъ въ челнокъ,
И въ море наконецъ изъ виду удалились.

Тиха была вода, когда они пустились;
Но вдругъ поднялся вихрь, затмила туча свѣтъ.
Челнокъ то вверхъ, то внизъ бросаетъ:
Ребята чтобъ назадъ, но вѣтеръ не пускаетъ;
Ребята чтобъ спастись, но ужъ спасенья нѣтъ:
Челнокъ вверхъ дномъ и всѣхъ собою потопляетъ.

═

XXII.

ОСЕЛЪ-НЕВѢЖА.

—

На встрѣчу Конь Ослу попался,
Гдѣ путь тѣсненекъ былъ.
Почтенья отъ Осла Конь этотъ дожидался,
Хотѣлъ, чтобъ онъ ему дорогу уступилъ.
Однако, какъ Оселъ учтивству не учился,
И былъ такъ грубъ, какъ грубъ родился,
Онъ прямо на Коня идетъ.
Конь вѣжливо Ослу: «Нельзя ль посторониться,
Чтобъ какъ нибудь намъ разойтиться;
Иль дай пройти мнѣ напередъ.»
Однако же Оселъ невѣжей выступаетъ,
Коню проходу не даетъ.
Конь, видя это, самъ дорогу уступаетъ,
Сказавъ: «Добро, изволь ты прежде проходить.
Я не намѣренъ правъ твоихъ уничижить;
И первенства тебя ослинаго лишить.

═

XXIII.

СЧАСТЛИВЫЙ МУЖЪ.

—

Дѣтина по уши въ красавицу влюбился,
И наконецъ во что ни стало бы рѣшился
Имѣть ее женой.
Не даромъ ею онъ плѣнился:
Красавицы еще не видано такой.
Да та бѣда, въ чемъ всякъ, я чаю, искусился,
Что у красавицъ всѣхъ обычай есть дурной:
Чѣмъ болѣе по нихъ вздыхаютъ,
Тѣмъ болѣе онѣ суровыми бываютъ.
Дѣтина это испыталъ.
Три года по своей красавицѣ вздыхалъ,
Стеналъ, страдалъ,
Терзался, рвался и крушился,
Однако же не могъ никакъ ее склонить.
Что жъ? съ грусти наконецъ онъ странствовать пустился,
И для красавицы (что̀ можетъ злѣе быть!)
Въ дорогѣ съ Бѣсомъ подружился,
И на два года согласился
Себя ему закабалить
Съ тѣмъ, чтобъ его на ней женить.

У Бѣса тотчасъ все съ Дѣтиною рѣшилось:
Рукописанье Бѣсъ беретъ,
И слово честное даетъ;
А что̀ обѣщано, и дѣломъ совершилось.
Хоть Бѣсъ обыкновенно лжетъ,
Однако тутъ сдержалъ, что̀ сказано имъ было.
И трехъ недѣль не проходило,
Какъ для Дѣтины день счастливый наступилъ:
Красавицу свою въ жену онъ получилъ.
Но что жъ?—и двухъ недѣль съ женой не проживаетъ,
Ужъ Бѣса въ помощь призываетъ.
«Ахъ!» говоритъ ему: «не вѣдаешь всего
Ты горя моего.
Два года вѣдь тебѣ служить я обрекался,
Когда красавицы тобою домогался;
Но, нѣтъ, избавь меня ты отъ нея, избавь;
А къ кабалѣ моей хоть годъ еще прибавь.»
Но Дьяволъ просьбѣ не внимаетъ;
А молодой
Въ добавокъ Чорту годъ, въ добавокъ и другой,
И къ году годъ еще къ услугамъ прибавляетъ.
«Хоть тяжко,» говоритъ: «у чорта быть слугой,
Однако легче все, чѣмъ съ злою жить женой.»

═

XXIV.

КОНЬ ВЕРХОВОЙ.

Верховой гордый Конь, увидя Клячу въ полѣ,
Въ работѣ подъ сохой,
И въ нѣгѣ не такой,
И не въ уборѣ и не въ холѣ,
Какую гордый Конь у барина имѣлъ,
Съ пренебреженіемъ на Клячу посмотрѣлъ,
Предъ Клячею бодрился,
И хвасталъ, чванился, и тѣмъ и семъ хвалился.
«Что» говоритъ онъ Клячѣ той:
«Бывалъ ли на тебѣ уборъ когда такой,
Какъ мой?
И знаешь ли, меня какъ всякой почитаетъ:
Всякъ, кто ни встрѣтится, дорогу уступаетъ;
Всякъ обо мнѣ твердитъ и всякой похваляетъ.
Тебя же кто на свѣтѣ знаетъ?»
Несносна Клячѣ спѣсь Коня;
—Пошелъ, хвастунъ!—ему на это отвѣчаетъ:
Оставь съ покоемъ ты меня.
Тебѣ ль со мной считаться
И мною насмѣхаться?
Не такъ бы хвастать ты умѣлъ,
Когда бы ты овса моихъ трудовъ не ѣлъ.

XXV.

БОГАЧЪ и БѢДНЯКЪ.

—

Сей свѣтъ таковъ, что кто богатъ,
Тотъ каждому и другъ и братъ.
Хоть не имѣй заслугъ, ни чина,
Хоть родомъ будь изъ конюховъ,
И кто бы ни былъ ты таковъ, —
Дѣтина будешь какъ дѣтина.
А бѣдный будь хоть изъ князей,
Хоть разумъ ангельскій имѣй,
И всѣ достоинства достойнѣйшихъ людей—
Того почтенья не дождется,
Какое ото всѣхъ богатымъ отдается.

Бѣднякъ въ какой-то домъ пришелъ.
Онъ знанье, умъ и чинъ съ заслугами имѣлъ,
Но Бѣдняка никто не только-что не встрѣтилъ,
Никто и не примѣтилъ,
Иль, можетъ быть, никто примѣтить не хотѣлъ.
Бѣднякъ нашъ то къ тому, то къ этому под-
ходитъ;
Со всѣми разговоръ и такъ и сякъ заводитъ;
Но каждый Бѣдняку въ отвѣтъ:
Короткое, иль *да*, иль *нѣтъ*,

Привѣтствія ни въ комъ Бѣднякъ нашъ не на-
ходитъ;
Съ учтивствомъ подойдетъ, а съ горестью от-
ходитъ.
Потомъ
За Бѣднякомъ
Богачъ пріѣхалъ въ тотъ же домъ.
Хотя заслугой, ни умомъ,
Ни чиномъ онъ не отличался,
Но только въ двери показался —
Сказать нельзя какой пріемъ!
Всѣ встали передъ Богачемъ;
Всякъ Богача съ почтеніемъ встрѣчаетъ;
Всякъ стулъ и мѣсто уступаетъ;
И подъ руки его берутъ;
То тутъ,
То тамъ его сажаютъ;
Поклоны чуть ему земные не кладутъ,
И мѣры нѣтъ какъ величаютъ.

Бѣднякъ, людей увидя лесть,
Къ Богатому неправу честь,
Къ себѣ неправое презрѣнье,
Вступилъ о томъ съ своимъ сосѣдомъ въ раз-
сужденье.
«Зачѣмъ» онъ говоритъ ему:
«Достоинствамъ, уму,
Богатство свѣтъ предпочитаетъ?»
— Легко, мой другъ! понять:
Достоинства нельзя занять,
А деньги всякой занимаетъ. —

XXVI.

ОБОЗЪ.

—

Шелъ нѣкогда обозъ;
А въ томъ обозѣ былъ такой престрашный возъ,
Что передъ прочими казался онъ возами,
Какими кажутся слоны предъ комарами.
Не возикъ и не возъ, возище то валитъ.
Но чѣмъ сей баринъ — возъ набитъ? —
Пузырями.

XXVII.

ЛЕВЪ, УЧРЕДИВШІЙ СОВѢТЪ.

Левъ учредилъ совѣтъ какой-то, неизвѣстно;
И посадя въ него сочленами Слоновъ,
Прибавилъ больше къ нимъ Ословъ.
Хотя Слонамъ сидѣть съ Ослами и невмѣстно,
Но Левъ не могъ того числа Слоновъ набрать,
Какому надлежало
Въ совѣтѣ засѣдать.
Ну, что жъ? пускай числа всего бы не достало,
Вѣдь это бъ не мѣшало
Дѣла производить. —
Нѣтъ, какъ же? а уставъ ужли переступить?
Хоть будь Ослы судьи, лишь счетомъ бы ихъ
стало.
А сверхъ того, какъ Левъ совѣтъ сей учреждалъ,
Онъ этакъ разсуждалъ,
И все надеждой льстился,
Что умъ Слоновъ
На разумъ наведетъ Ословъ.

Однако, какъ совѣтъ открылся,
Дѣла совсѣмъ другимъ порядкомъ потекли:
Ослы Слоновъ съ ума свели.

XXVIII.

ДВОРОВАЯ СОБАКА.

—

Жила у барина Собака на дворѣ,
Въ такомъ довольствѣ и добрѣ,
Въ какомъ, бывало, жилъ чернецъ въ монастырѣ;
Всего же болѣ:
Жила на волѣ.
Сосѣдъ какой-то въ домъ ходилъ;
Собаку полюбилъ;
Да какъ достать ее, не знаетъ:
Просить боярина объ ней онъ не хотѣлъ;
Украсть ее — бездѣльствомъ счелъ.
«Нѣтъ, надобно, онъ разсуждаетъ:
Честнѣе поступить,
И тонкимъ образомъ Собаку ту сманить.»
Бездѣльство тонкое бездѣльствомъ не считаетъ.
И всякой разъ, когда, бывало, ни придетъ,
Рѣчь о собакѣ заведетъ:
При ней самой ее какъ можно выхваляетъ.
Хозяину пенять начнетъ,
Что содержанье ей худое:
«Нѣтъ, у меня житье ей было бъ не такое;
Иного я куска и самъ бы ѣсть не сталъ,

Да этой бы Собакѣ далъ;
Всегда бы спать съ собою клалъ.
А у тебя она лишь кости подбираетъ,
И какъ случится спитъ!»
Все, чтò сосѣдъ ни говоритъ,
Собака правдою считаетъ
И думаетъ: — А что, вѣдь, можетъ быть, и впрямъ
Еще мнѣ лучше будетъ тамъ,
Хоть хорошо и здѣсь... отвѣдать бы пуститься;
А худо — и назадъ вѣдь можно воротиться.—
Подумала, да и съ двора долой,
Къ сосѣду прямо прибѣжала.
Живетъ дней нѣсколько, и мѣсяцъ и другой.
Не только-что куска того не получала,
Котораго сосѣдъ сказалъ:
«Не съѣлъ бы самъ, а ей бы далъ»
И костью съ нуждою случится
Собакѣ въ праздникъ поживиться.
Спать? — хуже прежняго спала;
А сверхъ того еще привязана была.

И подѣломъ! зачѣмъ сбѣжала!
Впередъ собака знай, когда еще не знала,
Что многіе умѣютъ мягко стлать,
Да жостко спать.

Собаки добрыя съ двора на дворъ не рыщутъ,
И отъ добра добра не ищутъ.

═

XXIX.

ВЕЛИКАНЪ и КАРЛИКИ.

—

Купались Карлики; къ нимъ Великанъ пришелъ,
И то жъ хотѣлъ
Купаться;
Да видитъ, для него рѣка
Въ томъ мѣстѣ, гдѣ они купаются, мелка.
Ихъ спрашивать и добиваться:
Не знаютъ ли гдѣ глубина?
«Поди туда, ему сказали:
Вотъ тамъ она;»
И мѣсто указали.
Однако же рѣка
Для Великана все мелка;
Нельзя ему купаться.
Еще у нихъ онъ добиваться.—
«Ну! говорятъ: такъ тамъ такая глубина,
Что не найдешь и дна!
Мы черезъ это мѣсто плыли.»
Но все, гдѣ Карлики и дна не находили,
Въ бродъ переходитъ Великанъ.

Иному и въ дѣлахъ лужайка — океанъ.

═

XXX.

ВОЛЧЬЕ РАЗСУЖДЕНЬЕ.

—

Увидя Волкъ, что шерсть Пастухъ съ овецъ
стрижетъ,
«Мнѣ мудрено, сказалъ: и я не понимаю
Зачѣмъ Пастухъ совсѣмъ съ нихъ кожу не
деретъ?
Я, напримѣръ, такъ я всю кожу съ нихъ сдираю,
И то жъ въ иныхъ дворахъ господскихъ примѣчаю.
Зачѣмъ бы и ему не такъ же поступать?»
Слонъ, Волчье слыша разсужденье,
— Я долженъ, говоритъ, тебѣ на то сказать:
Ты судишь такъ, какъ Волкъ, а пастухово мнѣнье
Овецъ своихъ не убивать.
Съ тебя, да и съ господъ иныхъ примѣры брать,
Не будетъ наконецъ съ кого и шерсть снимать.

═

XXXI.

ЖЕЛАНІЕ КАЩЕЯ.

—

«Вотъ эту бъ тысячу мнѣ только докопить,
А тамъ я стану жить.»
Сказалъ Кащей, давно ужъ тысячи имѣя.
Сбылось желаніе Кащея,
И тысячу онъ докопилъ,
Однако же Кащей все недоволенъ былъ.
«Нѣтъ тысячу еще; а ту когда достану,
Я, право, болѣе желать уже не стану.»
Увидимъ: тысячу и эту онъ досталъ;
Однако слова не сдержалъ,
И тысячу еще желаетъ;
Но ужъ послѣднюю, въ томъ точно увѣряетъ.
Теперь онъ правду говорилъ:
Сегодня тысячу и эту докопилъ,
А завтра умеръ онъ; и все его имѣнье
Досталося по немъ другимъ на расточенье.

Когда бъ Кащей иной,
Доходъ пріумножая свой,
Еще сегодня догадался,
И пользоваться имъ старался.

══

XXXII.

ПАУКЪ и МУХИ.

«Постой,» Паукъ сказалъ:
«Я чаю, я нашелъ причину
Зачѣмъ еще большой я мухи не поймалъ,
А попадается все мелочь: дай раскину
Пошире паутину;
Авось-либо тогда поймаю и большихъ.»
Раскинувъ, нажидаетъ ихъ:
Все мелочь попадаетъ;
Большая муха налетитъ,
Прорвется, и сама и паутину мчитъ.

А это и съ людьми бываетъ,
Что маленькимъ, куда
Ни обернись, бѣда:
Воръ напримѣръ, большой, хоть въ кражѣ попадется,
Выходитъ правъ изъ-подъ суда;
А маленькій наказанъ остается!

XXXIII.

ЧЕРВИ.

—

Прекраснымъ садомъ кто-то шелъ,
И въ немъ гнѣздо червей нашелъ.
А черви гадина такая
Въ саду, какъ язва моровая.
Какъ недруговъ такихъ
Найти, и не напасть на нихъ?
Не вытерпишь никакъ, чтобъ саду не вредили.
И тотъ, кто по саду ходилъ,
Взявъ палку, ихъ гнѣздо разрылъ.
Лишь только ихъ разворотили,
Всей кучею они на палку поползли,
Какъ будтобы войной противъ нее пошли.
На палку куча наступала,
А палка между тѣмъ все кучу разрывала.

Сатирой тронь дурныхъ писцовъ, —
Не оберешься бранныхъ словъ.

═

XXXIV.

ПРИВЯЗАННАЯ СОБАКА.

Въ неволѣ неутѣшно быть:
Какъ не стараться
Свободу получить?
Да надобно за все подумавъ приниматься,
Чтобы бѣды большой отъ малой не нажить.

Собака привязи избавиться хотѣла,
И привязь стала-было рвать;
Не рвется привязь: грызть ее... и переѣла.
Но тою жъ привязью опять,
Которой связаны концы короче стали,
Короче прежняго Собаку привязали.

XXXV.

ХИТРЕЦЪ.

—

Когда-то въ Лондонѣ Хитрецъ одинъ сыскался,
Который публикѣ въ листочкахъ обѣщался,
Что въ узенькій кувшинъ, онъ весь, каковъ
онъ есть,
Съ руками
И съ ногами
Въ такой-то день намѣренъ влѣзть.
Причемъ кувшину онъ рисунокъ прилагаетъ;
Почтенныхъ зрителей покорно приглашаетъ
За входъ по стольку то-платить;
Начало ровно въ шесть часовъ имѣетъ быть.

Пошли по городу листы. — «Ба! что такое?
«Въ кувшинъ залѣзть? Что онъ, съ ума сошелъ!
Пустое!
«Гдѣ это слыхано? Да и дуракъ пойметъ,
«Что способу тутъ нѣтъ,
«Хоть какъ ни сталъ бы онъ ломаться.
«Однако, чтобы посмѣяться,
«Пойдемъ и поглядимъ что̀ это за чудакъ?»
Ужъ съ чернью въ запуски кареты поскакали;

И ѣдучи Купецъ съ Милордомъ доказали,
Что нѣтъ физической возможности никакъ
Ему въ кувшинѣ умѣститься.
— Положимъ, говоритъ
Купеческа жена, что это онъ смудритъ,
И какъ нибудь въ кувшинъ втѣснится;
Да вотъ что мудрено: какъ въ шейку-то пролѣзть!
Однако же пора: ужъ безъ четверти шесть.
Эй, кучеръ, погоняй! — Полгорода собравшись,
Почти безъ памяти на тотъ кувшинъ глядитъ,
Которой Хитреца великаго вмѣститъ.
— Что жъ, скоро ли? одинъ другому говоритъ:
Пора бы ужъ начать. — Кто палкою стучитъ;
Кто топаетъ ногой. Но долго дожидавшись,
Узнали, что Хитрецъ и съ деньгами пропалъ.

Какихъ, подумаешь, обмановъ не бываетъ!
Тотъ тѣмъ, другой другимъ обманщикъ про-
мышляетъ.
Вотъ я у насъ такого зналъ,
Который о себѣ въ народѣ насказалъ,
Что можетъ видѣться съ духами,
Всѣмъ ихъ показывать, и съ ними говорить;
Болѣзни всѣ лечить
Одними порошками.
И собирались тожъ къ нему смотрѣть духовъ,
И порошки его въ болѣзняхъ принимали:
Однако же духовъ, какъ слышно, не видали;
А отъ чудесныхъ порошковъ
Скорѣе нежели отъ прочихъ умирали.

XXXVI.

СОЛОВЕЙ и ВОРОНЫ.

—

Кто какъ ни говори, что будто нѣтъ страстей
Въ животныхъ, какъ и межъ людей;
А зависть въ нихъ бываетъ,
И, можетъ быть, людской еще не уступаетъ.

Какъ свищетъ Соловей, извѣстно въ свѣтѣ всѣмъ;
Что много говорить объ немъ!
Но вздумай на него Воронья чернь озлиться,
Изъ зависти, что онъ, когда ни запоетъ,
Пріятнымъ пѣніемъ людей къ себѣ влечетъ.
— Намъ должно, говорятъ другъ другу, согласиться,
Чтобъ Соловью не дать ужъ больше отличиться:
Всѣ вмѣстѣ запоемъ, когда онъ пѣть начнетъ,
То голосъ тутъ его за нашимъ пропадетъ;
А если и тогда надъ нами верхъ возьметъ,
Такъ будемъ мы кричать, что дурно онъ поетъ,
Всѣмъ тѣмъ, кто станетъ имъ прельщаться.
Что, долго ли ему и впрямъ торжествовать,
А намъ съ стыдомъ предъ нимъ Воронамъ оставаться?»
И только Соловей свистать, —

Воронье стадо ну кричать!
Но голосъ Соловья не только не терялся,
Еще пріятнѣе по рощѣ раздавался.
Другой бы голосъ, можетъ быть...
Да голосъ Соловья хотѣли заглушить!
Теперь хотѣлъ бы я спроситъ:
Кого съ Воронами поставить здѣсь въ сравненье?

Мое простое мнѣнье:
Къ нимъ сочинителей иныхъ бы примѣнить.

═

XXXVII.

ОПЛОШАЛАЯ ЛИСИЦА

Лисица много норъ съ отнорками имѣетъ,
И какъ о томъ одинъ ученый разумѣетъ,
Такъ это для того: когда пришла бѣда,
Что надобно бѣжать, такъ было бы куда.

Одна какая-то Лисица оплошала,
Такъ, что съ отнорками норы не прокопала.
Казалось, ей норы довольно и глухой.
Я думаю, что лѣнь была тому виной;
А лѣнь частехонько бываетъ намъ бѣдой.
Охотники въ норѣ Лисицу ту застали,
Куда? — нѣтъ выходу! и въ ней ее поймали.

Когда съ Лисицы вдругъ о людяхъ говорить,
Какъ впрямъ того не похвалить,
Кто съ осторожностью и въ службѣ поступаетъ,
Что напередъ себя мѣстами запасаетъ? —
Сталъ новый командиръ изъ мѣста выживать,
Другое есть, куда пристать.
Хоть, впрочемъ, иногда случится,
Гдѣ статской чинъ сидѣлъ, военный очутится,
Да дѣло здѣсь о томъ: — когда пришла бѣда,
Что надобно бѣжать, такъ было бы куда.

XXXVIII.

МАЛЬЧИКЪ и ПТИЧКА.

—

Всѣ полководцы утверждаютъ,
Что хитростью подчасъ и силу побѣждаютъ,
А это точно такъ. — Пришедши Мальчикъ въ лѣсъ,
Гнѣздо на деревѣ увидѣлъ и полѣзъ,
Чтобъ вынуть молодыхъ. Лишь только мать успѣла
Увидѣть Мальчика, то, чтобъ спасти дѣтей,
Тотчасъ долой съ гнѣзда слетѣла,
И притвориться такъ умѣла,
Что будто чуть жива; а Мальчикъ тутъ за ней,
Покинувши гнѣздо, гоняться
Съ тѣмъ, что когда поймаетъ мать,
Дѣтей успѣетъ онъ достать.
Лишь Мальчикъ станетъ приближаться,
Она впередъ все, да впередъ;
То кой-какъ пробѣжитъ немного, то вспорхнетъ.
Такъ Мальчика она манила, все манила,
И отъ гнѣзда его подалѣ отводила,
Пока онъ отъ нея отсталъ;
А дерева съ гнѣздомъ ужъ больше не сыскалъ.

═

XXXIX.

ДОМОВОЙ.

—

Пусть люди бы житья другъ другу не давали;
Да ужъ и черти тожъ людей тревожить стали!

Хозяинъ, говорятъ, одинъ какой-то былъ,
Которому отъ Домовова
Покою не было въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ:
Что ночь, то Домовой пугать его ходилъ.
Хозяинъ, чтобъ спастись несчастія такова,
Все дѣлалъ, что онъ могъ: и ладономъ курилъ,
Молитву отъ духовъ творилъ,
Себя и весь свой домъ крестами оградилъ;
Ни двери, ни окна Хозяинъ не оставилъ,
Чтобъ мѣломъ крестика отъ Чорта не поставилъ;
Но ни молитвой, ни крестомъ,
Онъ отъ Нечистаго не могъ освободиться.

Случилось Стихотворцу въ домъ
Къ Хозяину переселиться.
Хозяинъ радъ, что есть съ кѣмъ скуку раздѣлить
А чтобъ смѣлѣе быть,
Когда Нечистый появится,

Зоветъ онъ Автора съ нимъ вечеръ проводить,
И проситъ сдѣлать одолженье
Прочесть ему свое творенье.
И Стихотворецъ, въ угожденье,
Одну изъ слезныхъ драмъ Хозяину читалъ,
(Однако имя ей комедіи давалъ)
Которою хотя Хозяинъ не прельщался,
Да Сочинитель восхищался.
Нечистый Духъ, какъ часъ насталъ,
Хозяину хоть показался,
Но и явленія не выждалъ одного:
По кожѣ подрало его,
И стало не видать. — Хозяинъ догадался,
Что Домовой чего-то не взлюбилъ,
Другого вечера дождавшись, посылаетъ,
Чтобъ посидѣть опять къ нему Писатель былъ,
Котораго опять читать онъ заставляетъ,
И онъ читаетъ.
Нечистый только лишь придетъ,
И тѣмъ же часомъ пропадетъ.
«Постой же, разсуждалъ Хозяинъ самъ съ собою:
Теперь я слажу съ Сатаною.
Не станешь болѣе ты въ домъ ко мнѣ ходить!
На третью ночь одинъ Хозяинъ нашъ остался.
Какъ скоро полночь стало бить,
Нечистый тутъ; но чуть лишь только показался,
«Эй, малой, поскорѣй! Хозяинъ закричалъ;
Чтобъ Стихотворецъ ту комедію прислалъ,
Которую онъ мнѣ читалъ.
Услыша это, Духъ нечистый испугался,
Рукою замахалъ,

Чтобы слуга остался;
И словомъ, Домовой
Пропалъ, и въ этотъ домъ ужъ больше ни ногой.

Вотъ если бы стиховъ негодныхъ не писали,
Которые мы такъ бранимъ,
Какимъ бы способомъ другимъ
Чертей мы избавляться стали?
Теперь хоть тысячи бѣсовъ и домовыхъ
Къ намъ въ домы станутъ появляться,
Есть чѣмъ отъ нихъ
Обороняться!

═

XL.

Слѣпцы.

—

Шло нѣсколько Слѣпцовъ, какъ всѣ слѣпые ходятъ,
Когда ихъ зрячіе не водятъ:
Почти что шагъ пройдутъ,
Споткнутся, или упадутъ.
Прохожій, чтобъ Слѣпцамъ не столько спотыкаться,
Даетъ имъ палку опираться.
Взявъ палку, передомъ одинъ слѣпецъ пошелъ,
А за собой другихъ повелъ.
Пошли, другъ за друга держались,
И меньше прежняго при палкѣ спотыкались.
Вдругъ споръ между Слѣпцовъ зашелъ:
Вожатымъ каждый быть хотѣлъ;
И споръ еще другой о палкѣ затѣваютъ:
Какого дерева почесть ее — не знаютъ.
Кто говоритъ,
Что палка та кленова;
Другой твердитъ:
Дубова.
И ощупью Слѣпцы хотятъ о томъ судить,

Чтò должно зрячему рѣшить.
Слѣпцы не могутъ согласиться,
И все сильнѣе споръ о палкѣ становится.
Изъ спора въ споръ Слѣпцы, потомъ до бранныхъ словъ
Уже доходитъ межъ Слѣпцовъ;
А тамъ и въ драку межъ собою,
И палкою другъ друга тою,
Котора имъ дана была чтобъ ихъ водить,
Немилосердо бить.
Но все не думаютъ другъ другу уступить:
Хоть умереть, готовы драться,
А въ спорѣ не поддаться.
И до того не унялись,
Пока на смерть передрались.

Вотъ такъ Слѣпцамъ во вредъ служило,
Чтò въ пользу ихъ дано имъ было!
А этакихъ Слѣпцовъ,
Отъ ересей и спорныхъ словъ,
Которые они разсѣяли въ законы,
На свѣтѣ не одни погибли миллiоны.

═

XLI.

ДРУЗЬЯ.

Давно я зналъ, и вновь опять я научился,
Чтобъ другомъ ни кого, не испытавъ, не звать.

Случилось мужику чрезъ ледъ переѣзжать,
И возъ его сквозь ледъ, къ несчастью, провалился.
Мужикъ метаться и кричать:
— Ой, батюшки! тону, тону, ой! помогите. —
«Ребята! что же вы стоите?
«Поможемте!» одинъ другому говорилъ,
Кто вмѣстѣ съ мужикомъ въ одномъ обозѣ былъ.
«Поможемъ» каждый подтвердилъ.
Но къ возу между тѣмъ никто не подходилъ;
А должно знать, что всѣ одной деревни были,
Друзьями межъ собою слыли,
Не разъ за братское здоровье вмѣстѣ пили;
А сверхъ того между собой,
Для утвержденія ихъ дружбы круговой,
Крестами даже помѣнялись.
Другъ друга братомъ всякъ зоветъ;
А братній возъ ко дну идетъ!
По счастью мужика, сторонніе сбѣжались,
И вытащили возъ на ледъ.

XLII.

ЗАПАДНЯ и ПТИЧКА.

—

Задумалъ кто-то птицъ ловить;
И западню ловить ихъ выставляетъ,
Наклавъ въ нее всего довольно ѣсть и пить.
А чтобы птицъ еще вѣрнѣе приманить,
Обманъ къ обману прибавляетъ,
И птичку въ западню сажаетъ,
Котору изловилъ,
Когда тотъ самый онъ обманъ употребилъ,
Чтобъ птичка, въ клѣткѣ распѣвая,
Другимъ приманкою была,
И голосомъ своимъ прельщая,
Подругъ своихъ въ тюрьму, какъ на добро, звала.
Одна изъ птичекъ налетѣла,
И къ западнѣ на голосъ птички той
Подсѣла.
Заглядываетъ къ ней со стороны, съ другой;
Но вдругъ подумавши съ собой,
—Нѣтъ, говоритъ: хоть сколько ты ни пой,
Сомнителенъ мнѣ голосъ твой:
Не спроста здѣсь и ты, да и запасъ такой!
Я, правда, цѣлый день не ѣла,

Однако въ тѣсноту такую не пойду,
А въ поле полечу: тамъ кормъ себѣ найду,
Какой я и всегда, хоть съ нуждою, имѣла.
А здѣсь готовое даютъ и ѣсть и пить,
Да тѣсно жить! —

═

XLIII.

ЗАСЛУЖЕНЫЙ КОНЬ.

—

Былъ Конь у барина, какихъ бываетъ мало;
Не конь, а кладъ,
Какъ говорятъ.
Скупого барина такого не бывало,
И только одного Коня онъ и держалъ,
Который въ домѣ всю работу исправлялъ,
Какую бы и тремъ исправить впору было.
Конь сколько могъ служилъ, но время наступило,
Что больше ужъ не въ мочь пришло ему служить.
И по прямому бъ надлежало,
Изъ благодарности Коня по смерть кормить;
Но чувства въ баринѣ такого не бывало:
Конь въ тягость сталъ; онъ шлетъ продать.
Но дряхлаго Коня кто станетъ покупать?
Ведутъ его назадъ. «Ну, не хочу я болѣ,
(Хозяинъ осердясь сталъ людямъ говорить)
Безпрокого Коня кормить:
Сгоните въ поле;
Пускай за службу самъ онъ кормится на волѣ.»
И бѣднаго Коня велѣлъ съ двора согнать.

Такого ли Коню за службу воздаянья
Возможно было ожидать?
Въ нашъ вѣкъ хозяинъ пропитанья
Стыдился бы Коню не дать.

═

XLIV.

ЗЕЛЕНЫЙ ОСЕЛЪ.

—

Какой-то съ умысла дуракъ
Взявъ одного Осла, его раскрасилъ такъ,
Что весь зеленый сталъ, а ноги голубыя.
Повелъ Осла казать по улицамъ дуракъ.
И старики, и молодые,
И малый, и большой,
Гдѣ ни взялись, кричать: «Ахти! Оселъ какой:
Самъ зеленъ весь какъ чижъ, а ноги голубыя!
О чемъ слыхомъ доселѣ не слыхать.
Нѣтъ (городъ весь кричитъ), нѣтъ, чудеса такія
Достойно вѣчности предать,
Чтобъ даже внуки наши знали,
Какія рѣдкости въ нашъ славной вѣкъ бывали.»
По улицамъ смотрѣть Зеленаго Осла
Кипитъ народу безъ числа;
А по домамъ окошки откупаютъ,
На кровли вылѣзаютъ,
Лѣса, подмостки подставляютъ.
Всѣмъ видѣть хочется Осла, когда пойдетъ;
А всѣмъ идти съ Осломъ дороги столько нѣтъ—
И давка вкругъ Осла сказать нельзя какая:

Другъ друга всякъ толкаетъ, жметъ,
Съ боковъ и спереди и сзади забѣгая.

Что жъ?—два дни первые гонялся за Осломъ
Безъ памяти народъ въ каретахъ и пѣшкомъ.
Больные про болѣзнь свою позабывали,
Когда Зеленаго Осла имъ вспоминали;
И няньки съ мамками, ребятъ чтобъ укачать,
Кота ужъ полно припѣвать:
Осла Зеленаго ребятамъ припѣвали.
На третій день Осла по улицамъ ведутъ:
Смотрѣть Осла уже и съ мѣста не встаютъ.
И сколько всѣ объ немъ сперва ни говорили,
Теперь совсѣмъ объ немъ забыли.

Какую глупость ни затѣй,
Поколь еще нова, чернь безъ ума отъ ней.
Напрасно сталъ бы кто стараться
Глупцовъ на разумъ наводить:
Ему же будутъ насмѣхаться.
А лучше времени глупцовъ препоручить,
Чтобы на путь прямой попали;
Хоть сколько бы они противиться ни стали,
Оно умѣетъ ихъ учить.

XLV.

СОЛОВЕЙ и ЧИЖЪ.

—

Былъ домъ,
Гдѣ подъ окномъ
И Чижъ и Соловей висѣли
И пѣли.
Лишь только Соловей, бывало, запоетъ,
Сынъ маленькій отцу проходу не даетъ:
Все птичку показать къ нему онъ приступаетъ,
Что этакъ хорошо поетъ.
Отецъ, обоихъ снявъ, мальчишкѣ подаетъ.
— Ну, говоритъ: узнай, мой свѣтъ,
Которая тебя такъ много забавляетъ? —
Тотчасъ на Чижика мальчишка указалъ.
«Вотъ, батюшка! она,» сказалъ.
И мальчикъ отъ Чижа въ великомъ восхищеньи:
«Какія перышки! куда какъ онъ пригожъ!
Затѣмъ вѣдь у него и голосъ такъ хорошъ!»

Вотъ дѣтско разсужденье!
Да полно и въ житействѣ тожъ
О людяхъ многіе по виду заключаютъ:
Кто наряженъ, богатъ, пригожъ,
Того и умнымъ почитаютъ.

==

XLVI.

ЛОШАДЬ и ОСЕЛЪ.

—

Добро, которое мы дѣлаемъ другимъ,
Въ добро послужитъ намъ самимъ;
И въ нуждѣ надобно другъ другу
Всегда оказывать услугу.

Случилось Лошади въ дорогѣ быть съ Осломъ,
И Лошадь шла порожнякомъ;
А на Óслѣ поклажи столько было,
Что бѣднаго совсѣмъ подъ нею задавило.
— Нѣтъ мочи, говоритъ: я право упаду,
До мѣста не дойду.»
И проситъ Лошадь онъ, чтобъ сдѣлать одолженье,
Хоть часть поклажи снять съ него.
—Тебѣ не стóитъ ничего,
А мнѣ бъ ты сдѣлала большое облегченье,
Онъ Лошади сказалъ.
—Вотъ, чтобъ я съ ношею ослиною таскалась!—
Сказала Лошадь и помчалась.

Оселъ потуда шелъ, пока подъ ношей палъ.

И Лошадь тутъ узнала,
Что ношу раздѣлить напрасно отказала,
Когда ее нести одна
Съ ослиной кожею была принуждена.

═

XLVII.

СЧАСТЛИВОЕ СУПРУЖЕСТВО.

—

Вотъ, говорятъ, примѣровъ нѣтъ,
Чтобъ мужъ въ ладу съ женою жили,
И даже и по смертъ другъ друга бы любили.
Ой, здѣшній свѣтъ!
Привыкнувъ клеветать, чего ужъ не взнесетъ!
Не стыдно ли всклепать напраслину такую?
Впредь не повѣрю въ томъ я больше никому,
И слухъ такой сочту лишь за молву пустую.
Я самъ свидѣтелемъ тому,
Что и согласіе въ супружествахъ бываетъ;
И тотъ, кто этому не вѣритъ, согрѣшаетъ.
А васъ клеветниковъ, чтобъ навѣкъ устыдить,
Я буду вамъ примѣръ живой здѣсь говорить.
Послушайте: чего бъ жена ни пожелала,
Мужъ исполнять все то за свято почиталъ;
А и жена, чего бъ и мужъ ни пожелалъ,
Равно безъ женскаго упрямства исполняла.
Одною ласкою и просьбою одной,
Какъ съ стороны, такъ и съ другой,
Взаимной волѣ угождали
И ссоры никогда между собой не знали.

Что̀ нравилося ей, то̀ нравилось ему.
Когда жъ, бывало, что̀ противно одному,
Противно было то̀ равно и для другова.
И я не видывалъ согласія такова,
Какое было между ихъ.
Какъ до вѣнца еще невѣста и женихъ
Стараются, чтобъ ихъ пороки скрыты были,
Такъ точно и они всегда,
Ставъ мужемъ и женой, взаимно ихъ таили,
Чтобъ въ домѣ не было досады никогда.
Послѣдній поцалуй, когда ужъ умирали,
Такъ страстенъ былъ, какъ тотъ, когда ихъ обвѣнчали;
И словомъ: жили до конца,
Какъ въ первый день живутъ пришедши отъ вѣнца.
«А сколько лѣтъ ихъ вѣку было?»
—Да, сколько лѣтъ?—съ недѣлю и всего;
А безъ того
На сказку бъ походило. —

═

XLVIII.

СТРЯПЧІЙ И ВОРЫ.

—

Какой-то Стряпчій былъ, всѣмъ стряпчимъ образецъ,
Такой дѣлецъ,
Что стряпческими онъ ухватками своими,
Предъ всѣми стряпчими другими
Взявъ первенство, къ себѣ, всѣхъ истцовъ приманилъ.
И словомъ: такъ проворенъ былъ,
Что часто имъ и тотъ оправданъ оставался,
Который самъ суду въ винѣ своей признался,
И судъ котораго на казнь ужъ осудилъ.

Въ покражѣ двухъ Воровъ поймали;
И должно по суду Воровъ за то казнить.
А это Воры знали,
Однако какъ они о Стряпчемъ тожъ слыхали,
Что если за кого возьмется онъ ходить,
Бояться нечего, то Стряпчаго сыскали:
Сулятъ ему что̀ за душей
Изъ краденыхъ вещей,
Лишь только бы оправить,
Отъ смерти ихъ избавить.
Вѣдь тяжко умирать, какъ есть кому чѣмъ жить!

Надѣясь отъ Воровъ подарки получить,
Сталъ Стряпчій за Воровъ ходить;
И выходилъ, что ихъ на волю отпустили,
Всѣхъ вообще судей заставя разумѣть,
Что ихъ напрасно обвинили. —
Вотъ въ свѣтѣ каково старателя имѣть!

Какъ скоро ихъ освободили,
Въ домъ Стряпчаго снесли они, что̀ посулили;
Благодарятъ,
И впредъ дарить его сулятъ.

Какъ это все происходило,
Что Стряпчій отъ Воровъ подарки принималъ,
И съ ними въ радости на-счетъ ихъ пировалъ.
Ужъ на дворѣ не рано было;
И сталъ гостей онъ унимать
Остаться переночевать;
А гости будто бы сперва не соглашались,
Однако ночевать остались.

Лишь только въ домѣ улеглись,
За промыслъ гости принялись:
Не только что свои подарки воротили,
Еще и Стряпчаго пожитки расщечили;
Потомъ до соннаго добрались самого,
И въ барышахъ ему бока отколотили.
Оставя чуть живымъ его.

Кто плутнями живетъ и плутнямъ потакаетъ,
Отъ нихъ и погибаетъ.

═

XLIX.

СТРЕКОЗА.

—

Все лѣто Стрекоза въ то только и жила,
Что пѣла;
А какъ зима пришла,
Такъ хлѣба ничего въ запасѣ не имѣла.
И проситъ Муравья: «Помилуй, Муравей,
Не дай пропасть мнѣ въ крайности моей:
Нѣтъ хлѣба ни зерна, и какъ мнѣ быть не знаю.
Не можешь ли меня хоть чѣмъ нибудь ссудить,
Чтобъ ужъ хоть кое-какъ до лѣта мнѣ дожить?
А лѣто какъ придетъ, я, право, обѣщаю
Тебѣ все вдвое заплатить.
— Да какъ же цѣлое ты лѣто
Ничѣмъ не запаслась? ей Муравей на это.
«Такъ, виновата въ томъ; да что ужъ, не взыщи:
Я запастися все хотѣла,
Да лѣто цѣлое пропѣла. —
«Пропѣла? Хорошо! поди жъ теперь свищи.»

═

L.

ПИСАТЕЛЬ.

—

Писатель что̀-то сочинилъ,
Чѣмъ самъ онъ недоволенъ былъ.
Въ способности своей Писатель сомнѣвался,
А потому
Ему
И трудъ свой не казался;
И такъ онъ не ласкался
Ужъ похвалу ту получить,
Котору заслужить
Старался.
Въ сомнѣньи семъ ему Невѣжда предстаетъ.
Писатель тутъ на разсужденье
Свой трудъ Невѣждѣ подаетъ.
— Пожалуй, говоритъ, скажи свое ты мнѣнье
На это сочиненье.
Судьей Невѣжда сталъ!
Судилъ, рѣшилъ, опредѣлялъ:
Ни въ чемъ не сомнѣвался,
Ни чѣмъ онъ не прельщался,
И только-что кричалъ:
«Вотъ это низко здѣсь! тамъ то неблагородно;

«Въ томъ мѣстѣ теменъ смыслъ! тутъ вовсе
нѣтъ его!
«Вотъ это съ правдою несходно!
«Здѣсь остроты нѣтъ ничего!
«Тутъ должно иначе... получше изъясниться!
«А эта рѣчь проста, и не годится!»
И все Невѣжда вкось и вкриво толковалъ.
Что онъ Невѣжда былъ, о томъ Писатель зналъ,
И про себя сказалъ:
— Теперь надежда есть, что трудъ мой не
пропалъ. —

LI.

ЗЕМЛЯ ХРОМОНОГИХЪ И КАРТАВЫХЪ.

—

Не помню гдѣ-то я читалъ,
Что въ старину была землица небольшая,
И мода тамъ была такая,
Которой каждый подражалъ;
Что не было ни человѣка,
Который бы, по обычаю вѣка,
Прихрамывая не ходилъ
И не картавя говорилъ;
А это все тогда искусствомъ называлось,
И красотой считалось.

Проѣзжій изъ земли чужой,
Но не картавый, не хромой,
Пріѣхавши туда, дивится модѣ той,
И говоритъ: «Возможно ль статься,
Чтобъ красоту въ томъ находить,
Хромымъ ходить,
И все картавя говорить?
Нѣтъ! надобно стараться
Такую глупость выводить.»
И вздумалъ-было всѣхъ учить,

Чтобъ такъ, какъ надобно, ходить,
И чисто говорить.
Однако какъ онъ ни старался,
Всякъ при своемъ обычаѣ остался;
И закричали всѣ: — Тебѣ ли насъ учить?
Что на него смотрѣть? Ребята, все пустое!
Хоть худо ль, хорошо ль умѣемъ мы ходить —
И говорить,
Однако не ему ужъ насъ перемудрить:
Да кстати ли теперь повѣрье отмѣнить
Старинное такое?

═

LII.

БОЯРИНЪ АѲИНСКІЙ.

—

Какой-то господинъ,
Бояринъ знатный изъ Аѳинъ,
Который весь свой вѣкъ ничѣмъ не отличился,
И никакой другой заслуги не имѣлъ,
Окромѣ той одной, что сладко пилъ и ѣлъ,
И завсегда своей породой возносился;
При всемъ одноко же той славы все хотѣлъ,
Что будто вправду онъ достоинства имѣлъ.
Весьма не рѣдко то бываетъ,
Чѣмъ меньше кто себя достойнымъ примѣчаетъ,
И, право бы—въ слуги къ себѣ негоденъ былъ,
Когда бы родомъ онъ Бояриномъ не слылъ;
Тѣмъ больше требуетъ почтенья и желаетъ.
Въ томъ самомъ городѣ, гдѣ Баринъ этотъ былъ,
Какой-то стихотворецъ жилъ,
Который пѣлъ мужей дѣлами именитыхъ,
Не титлами пустыми отмѣнитыхъ.
Писателя сего Бояринъ попросилъ,
Чтобъ нѣчто и въ его онъ славу сочинилъ;

И такъ писателю сей Баринъ говорилъ:
«Когда вы что нибудь мнѣ въ славу сочините,
И мнѣ ту сдѣлаете честь,
Прославиться и вамъ тутъ также случай есть.»
Въ отвѣтъ писатель: — Извините!
Я всею бы душей вамъ въ этомъ услужилъ,
Но сдѣлать этого никакъ мнѣ не возможно,
Затѣмъ что я зарокъ такой ужъ положилъ,
Чтобъ не изъ подлаго ласкательства и ложно
Стихи на похвалу кого нибудь писать,
Но ими истинны заслуги прославлять. —

═

LIII.

ПУСТОМЕЛЯ.

—

Изъ первыхъ шалуновъ молодчикъ,
Великій вертопрахъ, болтунъ и враль господчикъ,
Который только въ то и жилъ
Что вѣсти собиралъ, и вѣсти разносилъ,
Которыя его весь разумъ занимали,
И только лгать,
Молоть, болтать
Безпрестанно заставляли,
А разсуждать о чемъ никакъ не допускали;
Который умныхъ всѣхъ глупцами называлъ,
Или содѣлать ихъ такими всѣхъ желалъ;
Который въ то одно старался,
Чтобъ людямъ голову вскружить,
Враньемъ своимъ бѣсить
И скуку наводить,
И всѣхъ до смерти былъ готовъ заговорить.

Такой молодчикъ вдругъ къ писателю примчался,
И съ попыховъ къ нему бѣжитъ,
А самъ ужъ издали кричитъ:
—Такъ! все за книгами, и все уединенны;

И все отъ свѣта удаленны,
И все бы вамъ читать,
И все бы вамъ писать!
И я таки не понимаю,
Какъ полно никогда васъ скука не возьметъ?—
«Я этого не примѣчаю,»
Писатель отвѣчалъ, «одинъ ли я иль нѣтъ,
Когда за книгами сижу я въ размышленьи;
Но чувствую, что я теперь въ уединеньи.»

═

LIV.

ДВА КУПЦА.

—

Кащей! ты дурно поступаешь,
Когда лишь въ то живешь, что деньги собираешь,
И первымъ ихъ своимъ блаженствомъ почитаешь:
Ну, если часъ такой найдетъ,
Что деньги есть, да хлѣба нѣтъ?
Вотъ ты мнѣ смѣхомъ отвѣчаешь!
Да смѣхъ твой можетъ быть пройдетъ:
Дай только разсказать мнѣ нѣчто напередъ.

Въ какомъ-то городѣ два человѣка жили,
Которы промысломъ Купцами оба были.
Одинъ изъ нихъ въ то только жилъ,
Что деньги изъ всего копилъ;
Другой доходъ свой въ хлѣбъ оборотить старался.
Богатый деньгами товарищу смѣялся,
Что онъ все хлѣбомъ запасался.
Товарищъ смѣхъ его спокойно принималъ,
И хлѣбный свой запасъ все больше умножалъ.
Вдругъ войско къ городу съ осадой подступило
Съ осадой наконецъ и голодъ наступилъ.
Теперь что у кого запасу къ счастью было,

Тотъ тѣмъ въ сей крайности и жилъ.
Богатый деньгами Кащей безъ хлѣба былъ;
Купить его ко всѣмъ по городу метался:
За хлѣбъ одинъ Кащей всѣ деньги отдаетъ;
Однако же никто и денегъ не беретъ.
Что въ деньгахъ, если хлѣба нѣтъ?
Товарищъ лишь одинъ прибѣжищемъ остался.
Кащей въ числѣ другихъ несчастныхъ первый былъ,
Который хлѣба попросилъ
У самого того, кому онъ насмѣхался,
Что тотъ все хлѣбомъ запасался.
Товарищъ и его питалъ,
И прочихъ жителей отъ голода спасалъ.
Какъ городъ взяли,
Всѣхъ жителей живыхъ застали.
А у Кащея все богатство обобрали.
«Ну, что?» ему тогда товарищъ говорилъ:
«Гдѣ золото твое, и гдѣ бы самъ ты былъ,
Когда бъ я хлѣба не копилъ?»

═

LV.

ДІОНИСІЙ И МИНИСТРЪ ЕГО.

—

Изволь пожалуй отвѣчать,
Да такъ, чтобъ не солгать
И правды не сказать.

О Діонисіи, я чаю, всякій знаетъ;
Извѣстно всѣмъ, каковъ онъ былъ!
Слухъ о дѣлахъ его и нынѣ ужасаетъ;
А каково жъ тому, кто при Тиранѣ жилъ?
И я не радъ, что ужъ объ немъ заговорилъ:
Не знаю, какъ-бы поскорѣе
Сказавъ объ немъ, что̀ понужнѣе,
Оставить мнѣ его.

Разъ у Министра своего
Потребовалъ онъ мнѣнье,
Когда какое-то, не помню, сочиненье
Въ стихахъ дурныхъ онъ написалъ,
Да съ тѣмъ, чтобъ онъ ему всю истину сказалъ.
Министръ привыкъ всегда безъ лести изъясняться,
И самъ Тиранъ его за правду почиталъ,

И часто за нее прощалъ.
Стихи (онъ отвѣчалъ Тирану) негодятся.—
Но тутъ не могъ Тиранъ отъ злости удержаться:
Подъ караулъ отдать Министра приказалъ;
Самъ передѣлалъ сочиненье.
Спустя дней нѣсколько Министра онъ призвалъ,
Чтобъ вновь его услышать мнѣнье.
Министръ ему не отвѣчалъ;
А къ караульному, который тутъ случился,
Оборотился,
И говоритъ ему: «Я долженъ отвѣчать:
Такъ поведи меня подъ караулъ опять.

═

LVI.

ДВА БОГАЧА.

—

Два были Богача, и оба въ тяжбѣ были.
Причины же прямой я не могу сказать:
Кто можетъ все подробно знать?
Къ тому же толкъ инымъ дѣламъ приказнымъ дать
Не такъ-то чтобъ легко.—Иные говорили,
Что споръ ихъ изъ куска земли;
Другіе,
Что будто бы долги какіе
Прапрадѣдовъ своихъ другъ на друга начли.
Такимъ-то и тягаться,
Которымъ кошелекъ поможетъ оправдаться,
И у судей законъ и совѣсть откупить.
Безъ денегъ, какъ на торгъ, въ судъ не за чѣмъ ходить.
Приказной формою дѣла и въ судъ вступили;
И каждой сторонѣ ихъ стряпчіе сулили,
Что въ пользу дѣло то пойдетъ.
Проходитъ годъ, другой, и близъ десятка лѣтъ;
Конца однако дѣлу нѣтъ.—
Ужли судьи ихъ сговорились

Такъ долго дѣло волочить?
Вотъ тотчасъ клеветать и на судей взносить,
И думать, что они изъ взятокъ согласились...
Какъ будто бы нельзя другимъ причинамъ быть,
Что дѣло тихо шло? Ну, какъ тутъ поспѣшить?
Съ годъ, говорятъ, по немъ въ однихъ архивахъ
рылись.

Въ томъ самомъ городѣ, гдѣ споръ происходилъ,
Какой-то Живописецъ былъ,
Который написалъ на Богачей картину,
Такъ, что нагими ихъ онъ въ ней изобразилъ,
И выставилъ въ народъ. Всѣ спрашиватъ причину;
Весь городъ толковать и говорить объ нихъ,
И только что рѣчей о Богачахъ нагихъ.
Доходитъ вѣсть о томъ до Богачей самихъ.
Пошли смотрѣть картину,
И видятъ: дѣло такъ. Досадно это имъ.
Взбѣсились Богачи: готовы ужъ прошенье
На Живописца подавать,
Чтобы безчестіе взыскать,
И въ тяжбѣ будучи, другую начинать.
—Какъ, говорятъ, снести такое поношенье?—
Пошли его спросить однако напередъ.
—Пожалуй, говорятъ, скажи что за причина,
Что въ поруганье намъ написана картина,
И выставлена въ свѣтъ?
Что, развѣ ты, мой другъ, сочелъ насъ дураками,
Чтобъ насмѣхаться такъ надъ нами?—
«Нѣтъ,» Живописецъ имъ сказалъ:
«Не съ тѣмъ картину я писалъ,

Чтобъ мнѣ надъ вами насмѣхаться;
А только вамъ хотѣлъ картиною сказать,
Чего вамъ должно ожидать,
Когда еще вы станете тягаться.»

═

LVII.

ЛѢСТНИЦА.

—

Все надобно стараться
Съ потребной стороны за дѣло приниматься;
А если иначе, все будетъ безъ пути.

Хозяинъ нѣкакой сталъ лѣстницу мести;
Да началъ, не умѣя взяться,
Съ ступеней нижнихъ месть. Хоть съ нижней
соръ смететъ,
А съ верхней соръ опять на нижнюю спадетъ.
— Не безтолковъ ли ты? ему тутъ говорили,
Которые при этомъ были,
Кто снизу лѣстницу мететъ? —

На что̀ бы походило,
Когда бъ въ правленіи, въ какомъ бы то ни было,
Не съ вышнихъ степеней, а съ нижнихъ начинать
Порядокъ наблюдать?

═

LVIII.

БЛАГОДѢЯНІЕ.

—

Весьма похвально поступаетъ,
Кто бѣднымъ помогаетъ;
И лучше самому хоть съ нуждою прожить,
Чтобъ бѣднымъ удѣлить.

Смирена такъ разбогатѣла,
Что чистымъ золотомъ вдругъ милліонъ имѣла.
Достатокъ сей
Достался по духовной ей.
— Ну, говоритъ: теперь ничто не помѣшаетъ
Мнѣ въ нуждѣ бѣднымъ помогать.
Хвала Творцу за благодать!
Пускай лишь только пожелаетъ
Кто помощи моей. —
Лишь только молвила, и нищій у дверей;
«Подайте милостыню!» проситъ,
И просьбу съ жалостью такою произноситъ,
Что всякъ бы тронутъ былъ. Смирена мѣры нѣтъ,
Что чувствуетъ и какъ за нищаго страдаетъ.
—Суди Богъ, говоритъ: кто бѣдныхъ покидаетъ!
И нищему большой . . . гнилой сухарь несетъ.

═

LIX.

ДѢЛЕЖЪ ЛЬВИНОЙ.

—

Оселъ съ Овцой, съ Коровой и съ Козой
Когда-то въ пайщики вступили,
И Льва съ собою пригласили
На договоръ такой:
Что если звѣрь какой
На чьей нибудь землѣ въ тенета попадется,
И звѣря этого удастся изловить,
То бы добычу раздѣлить
По равной части всѣмъ, кому что доведется,

Случись,
Олень къ Козѣ въ тенета попадись.
Тотчасъ другъ другу повѣстили,
И вмѣстѣ всѣ они Оленя задушили.

Дошло до дѣлежа. Левъ тотчасъ говоритъ:
Одна тутъ часть моя, и мнѣ принадлежитъ,
Затѣмъ что договоръ такой мы положили.
«Объ этомъ слова нѣтъ»! — Другая часть моя,
Затѣмъ что Львомъ я
Называюсь,

Что первымъ между васъ считаюсь.
«Пускай и то!» — И третья часть моя,
По праву: кто кого храбрѣе;
Еще четверту часть беру себѣ же я,
По праву: кто кого сильнѣе;
А за послѣднюю лишь только кто примись,
То тутъ же съ жизнію простись.»

═

LX.

ВОЛЯ И НЕВОЛЯ.

—

Волкъ, долго не имѣвъ поживы никакой,
Былъ тощъ, худой,
Такой,
Что кости лишь одни да кожа.
И Волку этому случись
Съ Собакою сойтись,
Которая была собой росла, пригожа,
Жирна,
Дородна и сильна.
Волкъ радъ бы всей душей съ Собакою схва-
титься,
И ею поживиться;
Да полно для того не смѣлъ,
Что не по немъ была Собака,
И не по немъ была бы драка.
И такъ со стороны учтивой подошелъ;
Лисой къ ней началъ подбиваться:
Ея дородству удивляться,
И всячески ее хвалить.
«Не стòитъ ничего тебѣ такимъ же быть,»
Собака говоритъ: «какъ скоро согласишься

Идти со мною въ городъ жить.
Ты будешь весь иной, и такъ переродишься,
Что самъ себѣ не надивишься.
Что ваша жизнь и впрямъ? Скитайся все, рыщи,
И съ горемъ пополамъ поѣсть чего ищи;
А даромъ и кускомъ не думай поживиться:
Все съ бою должно взять!
А это на какую стать?
Куда такая жизнь годится?
Вѣдь посмотрѣть, такъ въ чемъ душа-то, право,
въ васъ!
Не ѣвши цѣлы дни, вы всѣ какъ испитые,
Поджарые, худые!
Нѣтъ! то-то жизнь-то какъ у насъ!
Ѣшь не хочу!—всего, чего душа желаетъ!
Послѣ гостей
Костей, костей,
Остатковъ отъ стола, такъ столько ихъ бываетъ,
Что некуда дѣвать!
А ласки отъ господъ, ужъ подлинно сказать!»
Растаялъ Волкъ, услыша вѣсть такую,
И даже слезы на глазахъ
Отъ размышленія о будущихъ пирахъ.
—А должность исправлять за это мнѣ какую?
Спросилъ Собаку Волкъ. «Что? должность?
ничего!
Вотъ только лишь всего:
Чтобъ не пускать на дворъ чужаго никого,
Къ хозяину ласкаться,
И около людей домашнихъ увиваться!»
Волкъ слыша это все, не шелъ бы, а летѣлъ;

И лѣсъ ему такъ омерзѣлъ,
Что про него ужъ онъ и думать не хотѣлъ;
И всѣхъ волковъ себя счастливѣе считаетъ.
Вдругъ на Собакѣ онъ дорогой примѣчаетъ,
Что съ шеи шерсть у ней сошла.
—А это что̀ такое,
Что шея у тебя гола? —
«Такъ, это ничего, пустое.»
— Однако нѣтъ, скажи. — «Такъ, право ничего.
Я чаю
Это отъ того,
Когда я иногда на привязи бываю.»
—На привязи? тутъ Волкъ вскричалъ,
Такъ ты не все живешь на волѣ? —
«Не все. Да полно, что въ томъ нужды?» Песъ сказалъ.
—А нужды столько въ томъ, что не хочу я болѣ
Ни за что всѣхъ пировъ твоихъ:
Нѣтъ, воля мнѣ дороже ихъ;
А къ ней на привязи, я знаю, нѣтъ дороги! —
Сказалъ, и къ лѣсу дай Богъ ноги.

═══

LXI.

ВОИНЪ.

Въ Испаніи, никакъ, я право позабылъ,
Изъ воиновъ одинъ, который заслужилъ,
Чтобъ онъ пожалованъ крестомъ воинскимъ былъ,
Не получилъ сего однако награжденья;
Хоть часто кавалеромъ сталъ,
Кто отъ сраженья
Не разъ бѣжалъ.
Да чрезъ друзей чего иной не получалъ?
Достойный воинъ сей свою обиду сноситъ
И награжденія не проситъ.
Увидѣвъ воина герой
Другой,
Который, съ нимъ служа, не разъ при томъ случался,
Какъ съ непріятелемъ, бывало, тотъ сражался,
И побѣждалъ его. —Возможно ль, говорилъ,
Что ты еще креста не получилъ,
Когда ужъ двадцать разъ его ты заслужилъ?
Я право въ просьбу бы вступилъ;
Авось-либо тебѣ его и дать прикажутъ. —
«Нѣтъ,» отвѣчалъ другой, «пускай мнѣ лучше скажутъ:
За что̀ креста я не прошу,
А не за что̀ я крестъ ношу?»

LXII.

СТАДНИКЪ.

Какой-то Стадникъ шелъ,
И стадо при себѣ коней съ ослами велъ.
Кони какъ должно выступаютъ;
Ослы шагаютъ, не шагаютъ:
Все понуканья ждутъ.
Однако же и тутъ
Немного Стадникъ успѣваетъ.
Оселъ лѣнивый скотъ, извѣстно это всѣмъ,
Такъ не проймешь его ничѣмъ.
И Стадникъ погоняетъ
Ословъ сперва пѣшкомъ;
Но наконецъ уставъ, сѣлъ погонять верхомъ:
То пустится за тѣмъ, то за другимъ осломъ;
Того, другого понукаетъ;
Но столько же верхомъ, какъ пѣшій успѣваетъ;
И выбился и самъ изъ силъ,
И лошадей пристановилъ.

Такъ часто господинъ съ дурнымъ слугою бьется,
А за негоднаго и добрымъ достается!

LXIII.

ПРАЗДНИКЪ ДЕРЕВЕНСКІЙ.

—

Мы въ прихотяхъ своихъ того не разбираемъ,
Во вредъ ли, въ пользу ль намъ все то̀, чего
желаемъ.

Приходитъ праздникъ годовой.
Кто празднику не радъ? Крестьяне дожидаться;
Всѣмъ тѣмъ, что̀ надобно, на праздникъ запасаться;
И въ радости такой
Сряжаться:
Какъ погулять,
Попировать,
Самимъ какъ въ гости побывать,
И какъ гостей къ себѣ созвать.

Насталъ ихъ праздникъ, и настало
Ненастье съ праздникомъ, какого не бывало,
Такъ что ни вонъ изъ избъ. А правду всю сказать:
Такъ для народа
Тогда и погулять,
Какъ хороша погода.
А тутъ и дождь, и снѣгъ, и градъ,

И грязь гулякамъ по колѣни.
Крестьяне въ жалобу и въ пѣни.
Никто и празднику не радъ;
И къ богу ведра приступили
(Язычники крестьяне были):
—Помилуй, говорятъ: во весь мы круглый годъ
Часа покою не имѣемъ:
То пашемъ мы, то жнемъ, то сѣемъ,
Когда не на себя, такъ на своихъ господъ.
Недѣля намъ въ году, чтобы повеселиться,
И та вотъ прахомъ вся пошла!
Погода до того все хороша была;
Теперь на улицу не можно появиться.—

«Неблагодарные!» богъ ведра имъ сказалъ:
«Не знаете чего хотите.
Впередъ Судьбу вы не гнѣвите.
Къ спасенью вашему я вамъ ненастье далъ:
Хлѣбъ на поляхъ у васъ совсѣмъ ужъ пропадалъ;
Зной жегъ его, а червь съѣдалъ.»

LXIV.

ОСЕЛЪ, ПРИГЛАШЕННЫЙ НА ОХОТУ.

—

Собравшись Левъ звѣрей ловить,
Осла въ числѣ своихъ придворныхъ приглашаетъ,
Чтобъ на охоту съ нимъ сходить.
Оселъ дивится и не знаетъ,
Какъ милость эту разсудить:
Затѣмъ, что этого родясь съ нимъ не случалось.
И сглупа показалось
Ему,
Что милость Льва къ нему
Такая,
Его особу уважая.
«Вотъ,» говоритъ:
«Вся мелочь при Дворѣ меня пренебрегаетъ,
Бранитъ
И обижаетъ;
А самъ и царь,
Мой государь,
Сподобилъ милости, не погнушавшись мною:
Такъ, знать, чего нибудь я стою.
И не дуракъ ли я, что всѣмъ я уступалъ?
Нѣтъ, полно уступать!» — сказалъ.

Какъ членъ суда иной, что въ члены онъ попалъ,
Судейску важную осанку принимаетъ,
Возносится и всѣхъ ни за что почитаетъ
И что̀ ни дѣлаетъ и что̀ ни говоритъ,
Всегда и всякому, что членъ онъ подтвердитъ.
И ежели кого другого не поймаетъ,
Хотя на улицѣ къ ребятамъ радъ пристать,
И имъ, что членомъ онъ, сказать.
Въ письмѣ къ роднымъ своимъ не можетъ удержаться,
Чтобъ членомъ каждый разъ ему не подписаться;
И словомъ: весь онъ членъ; и въ домѣ отъ людей
Все членъ по немъ до . . . лошадей!

Такъ точно и Оселъ мой началъ возноситься:
Не знаетъ какъ ему ступить;
Самъ бодрости своей не радъ. Чему-то быть!
Не всякому Ослу случится
Льва на охоту проводить.
Да чѣмъ-то это все рѣшится?
Осла Левъ на охоту брать. . . . .
Чтобъ съ царской милостью Ослу не горевать. —

Звѣрей, которыхъ затравили,
Всѣхъ на Осла взвалили,
И съ головы до ногъ всего
Обвѣсили его.
Тогда Оселъ узналъ, что взятъ онъ на охоту,
Не въ уваженіе къ нему, а на работу.

LXV.

ЛОШАДЬ СЪ ВОЗОМЪ.

Когда бъ приманчивость людьми не управляла,
Къ чему бъ тогда годился свѣтъ?
Куда бъ и не идти, теперь иной идетъ:
Приманчивость ведетъ.
А эта мысль мнѣ вотъ съ чего припала:
Я видѣлъ: лошадь возъ съ каменьями везетъ,
И очень лошадь ужъ пристала.
Возъ сѣна впереди идетъ;
То, чтобъ до сѣна ей добраться,
Она, хоть черезъ мочь, везти и надсѣдаться,
И такъ впередъ все шла, да шла,
Пока возъ съ камнями до мѣста довезла.

═

LXVI.

ПОПУГАЙ.

—

У барина былъ Попугай,
Который какъ-то невзначай
От барина изъ дому
Въ окошко залетѣлъ
Къ крестьянину простому;
И только прилетѣть успѣлъ,
Заговорилъ, что̀ разумѣлъ.

Нерѣдко чернь, когда чего не понимаетъ,
За дьявольщину почитаетъ.

Мужикъ словесныхъ птицъ не видывалъ такихъ,
И слышать не слыхалъ объ нихъ;
Счелъ, что влетѣла въ домъ духовъ нечистыхъ сила.
Жена его тотчасъ молитву сотворила,
И какъ на выдумки хитрѣй его была,
(Такъ какъ и вообще считаютъ,
Что будто жены всѣ хитрѣй мужей бываютъ)
Скорѣй горшокъ гдѣ ни взяла,
И попугая имъ накрыла;

А сверхъ того
Крестомъ его,
Чтобъ крѣпче онъ сидѣлъ, накрывши заградила.
«Сиди же!» говоритъ.
И Попугай мой подъ горшкомъ сидитъ.
Межъ тѣмъ взыскались Попугая;
Людей вездѣ, куда лишь можно, разсылая,
Сыскали какъ-то слѣдъ, пришли
И подъ горшкомъ нашли
Его чуть-чуть живого.

На это что̀ сказать иного:
Бѣда попасть съ умомъ
Къ невѣждѣ въ домъ!

═

LXVII.

МУРАВЕЙ и ЗЕРНО.

—

Готовя Муравей запасъ, нашелъ зерно,
Межъ мелкими одно
Весьма большое.
Не Муравью бы имъ, казалось, и владать,
Да нѣтъ, затѣялъ онъ и эту ношу взять.
Зерно, онъ думаетъ, такое
Одно на цѣлую недѣлю можетъ стать;
И потащилъ зерно большое.
Дорога вверхъ горы утесистой была:
Ну, около зерна мой Муравей трудиться,
Тащить, карабкаться, лѣпиться;
Но тяжесть трудъ перемогла —
И Муравья стремглавъ съ утеса сорвала:
Грузъ въ сторону летитъ, а Муравей въ другую.

Не трогая струну людскую,
Мнѣ только Муравью хотѣлось бы сказать,
Чтобъ свыше силъ не подымать.

—

LXVIII.

ЛѢНИВЫЕ и РЕТИВЫЕ КОНИ.

—

Въ однѣхъ повозкахъ шли ретивые кони,
Въ другихъ лѣнивые. Пришедъ къ горѣ они,
Лѣнивые не съ мѣста, стали,—
А вѣдь въ дорогѣ не стоять!
Ну! ну! и погонять;
Ни съ мѣста. — Способа другого не сыскали,
Какъ изъ возовъ коней лѣнивыхъ выпрягать,
А нелѣнивыхъ впрячь. Впрягли коней ретивыхъ,
Чтобъ вывезть на гору повозки за лѣнивыхъ:
Лишь только-что одну ввезутъ,
Въ другую ихъ перепрягутъ.
Когда жъ кормить обозъ остановили,
Всѣхъ на одну траву, на тотъ же лугъ пустили.

Случившися я тутъ,
Подумалъ: вотъ житье какое!
Ретивому коню всегда работы вдвое,
А тотъ же кормъ даютъ!

═

LXIX.

КУРЫ и ГОЛУБКА.

—

Какой-то мальчикъ птицъ любилъ,
Дворовыхъ, всякихъ безъ разбору;
И крошками кормилъ.
Лишь голосъ дастъ ко сбору,
То куры тутъ какъ тутъ,
Отвсюду набѣгутъ.
Голубка тоже прилетѣла,
И крошекъ поклевать хотѣла;
Да той отваги не имѣла,
Чтобъ подойти къ крохамъ. Хоть къ нимъ и подойдетъ,
Бросая мальчикъ кормъ, рукою лишь взмахнетъ,
Голубка прочь, да прочь; и крохъ какъ нѣтъ, какъ нѣтъ!
А куры между тѣмъ съ отвагой наступали,
Клевали крохи, да клевали.

На свѣтѣ часто такъ идетъ,
Что счастія иной отвагой доступаетъ;
И смѣлый тамъ найдетъ,
Гдѣ робкій потеряетъ.

═

LXX.

НЕВѢЖЕСТВО и СКУПОСТЬ.

—

Отъ зла и одного чего не заведется!
Что жъ, если больше ихъ столкнется?

Невѣжа, а притомъ скупой,
По милости Судьбы слѣпой,
Нашелъ въ землѣ одну литую
Старинную статую,
Такой
Работы мастерской,
Что въ наши времена не сдѣлаютъ другой.
Тотчасъ невѣжа мой
Скупой,
Вообразя, что въ ней сокрыты деньги были,
Обухъ схватилъ
И статую разбилъ,
Которой знатоки цѣны не находили.

═

LXXI.

СЛѢПОЙ ЛЕВЪ.

—

Былъ Левъ слѣпой; а быть и знатному слѣпымъ
Дурное, право, состоянье!
Давай, хоть не давай Левъ подданнымъ своимъ
О чемъ какое приказанье,
Иль правду въ томъ,
Или въ другомъ
Не думай Левъ узнать: обманутъ былъ кругомъ!

Лиса придетъ и рапортуетъ,
Что Львовъ запасный дворъ находится у ней
Во всей
Сохранности своей,
А первая съ двора запаснаго воруетъ,
Да и другимъ даетъ щечить,
Чтобъ не мѣшали ей тащить.

Волкъ тожъ, бывало, Льву наскажетъ,
Когда онъ наловить звѣрей ему прикажетъ,
Что ловъ сегодни былъ дурной,
И попадался звѣрь худой,
Себѣ же жирный кусъ оставитъ;

А чтобъ повѣрилъ Левъ, свидѣтелей поставитъ.
И словомъ: всякъ, кому по должности дойдетъ
Льву донести о чемъ, что̀ хочетъ, то̀ налжетъ.
Тутъ, кромѣ воровства и лжи, не жди другого
Отъ мала до большого.

Слѣпого Льва легко обманывать звѣрямъ,
Такъ, какъ иныхъ господъ слугамъ.

═

LXXII.

ЛИСИЦА и СОРОКА.

—

—Давно уже тебя мнѣ хочется спросить:
Что-таки ты весь день изволишь говорить?
Лиса, увидѣвши Сороку, вопрошала.
—Я чаю, есть что̀ перенять,
Когда ты станешь разсуждать? —

«Все, что̀ я говорю,» Сорока отвѣчала:
«Относится къ тому, чтобъ истину вещей
Открывъ, другихъ наставить въ ней.
И такъ большимъ моимъ стараньемъ предуспѣла,
Что я, кого бы ни взяла,
Отъ Жука до Орла,
Яснѣе всѣхъ ее изслѣдовать умѣла,
И толкъ дала.»

— Большое, говоритъ Лисица, одолженье
Мнѣ было бы твое услышать наставленье,
Когда бы ты не въ трудъ сочла. —

Какъ иногда педантъ, глубоко изученный,
Наукой и собой надутъ и зараженный,

Готовясь преподать спасительный урокъ,
Сперва впередъ и взадъ каѳедры зашагаетъ,
И важно въ носовой свой шелковый платокъ
Утрется, и потомъ ужъ слово начинаетъ:
Такъ точно на суку Сорока, повертясь
И поученіе подать расположась,
Сперва впередъ и взадъ съ осанкой выступала,
И справа носъ объ сукъ и слѣва подчищала;
Потомъ принявъ ученый видъ,
«Я рада,» говоритъ,
«Моимъ дѣлиться дарованьемъ;
Пусть пользуется всякъ, и малой и большой,
Открытымъ мнѣ познаньемъ.
Послушай, о тебѣ самой
Теперь я разсуждала;
Ты вѣдь четыре у себя
Ноги до этихъ поръ считала;
А не четыре ихъ! Хоть странно для тебя.
Покажется; но знай, все что̀ бъ я ни сказала,
Не доказавъ не оставляла.
Послушай, и сама признаешься тогда:
Примѣтила ли ты, когда
Ты ступишь, то всегда
Нога твоя въ движеньи;
Когда же ты стоишь въ покойномъ положеньи,
То и нога твоя покоится тогда?
Но этимъ я еще не все вѣдь доказала;
А слушай, что̀ теперь я буду выводить:
Всегда, когда тебѣ случается ходить,
То все нога твоя не по землѣ ль ступаетъ?
Примѣть же ты свой хвостъ: когда нога шагнетъ,

То съ нею тожъ и хвостъ подастся твой впередъ;
И такъ нога твоя то тутъ, то тамъ бываетъ,
То такъ точнехонько и хвостъ твой выступаетъ;
А изъ того теперь и нужно заключить,
Что хвостъ твой пятою ногою долженъ быть.
И вотъ, на чудное по видимости мнѣнье,
При доказательствѣ тебѣ мое рѣшенье!»

Не образумившись отъ мудрыхъ толь рѣчей,
Лисица пятую поджавъ смиренно ногу,
Пошла, и всю дорогу
Твердила: «Стало быть не межъ однихъ людей
Чѣмъ кто глупѣе,
Тѣмъ въ доказательствахъ сильнѣе.»

LXXIII.

СТРѢЛКА ЧАСОВАЯ.

—

Когда-то Стрѣлка часовая
На башнѣ городской
Свои достоинства счисляя,
Расхвасталась собой,
И прочимъ часовымъ частямъ въ пренебреженье,
—Не должно ль, говоритъ, имѣть ко мнѣ почтенье?
Всему я городу служу какъ-бы въ законъ;
Все, чтò ни дѣлаютъ, по мнѣ располагаютъ:
По мнѣ работаютъ, по мнѣ и отдыхаютъ;
По мнѣ чрезъ колокольный звонъ
Къ молитвѣ даже созываютъ;
И только часъ я покажу,
Какъ-будто прикажу.
Да я жъ стою домовъ всѣхъ выше,
Весь городъ подо мной;
Всѣмъ видима и всѣхъ я вижу подъ собой!
А вы что значите? кто видитъ васъ? — «Постой
Нельзя ли какъ нибудь потише;
И слово дать
И намъ сказать.»
Другія части отвѣчали:

«Знай, что когда бъ не мы тобою управляли,
Тебя бы ни во что̀ считали;
Важна ты нами, не собой.»

И я скажу, но будь то сказано межъ нами,
Что этакъ и дѣлецъ иной
Чужими чванится дѣлами.

═

LXXIV.

ОСЕЛЪ ВЪ УБОРѢ.

—

Одѣнь невѣжду
Въ богатую одежду,
Не сладишь! — И Ослы тогда
Считаютъ, что они большіе господа.

Не помню, право, я, по случаю какому
Отправилъ Левъ Осла
Къ сосѣду Льву другому
(Но разумѣется, не въ качествѣ посла),
Къ сосѣду дорогому
Какіе-то подарки снесть.
Посольство отправлять у Льва Лисица есть.
Но хоть подарки несть Осла употребили,
Однако все его богато нарядили.
Оселъ
Лишь на уборъ свой посмотрѣлъ,
Не вспомнился и взбѣленился:
Лягается и всѣхъ толкаетъ, давитъ, бьетъ;
Дороги отъ Осла звѣрямъ и умнымъ нѣтъ;
Самъ Левъ не такъ гордился.
Ословъ поступокъ сей

Противъ достойнѣйшихъ звѣрей
Сталъ свыше ужъ терпѣнья.
Пришли и на Осла Льву подали прошенье.
Левъ, просьбу разсмотря, Осла къ себѣ призвалъ,
Ослу нарядному сказалъ:
«Твое достоинство не чинъ опредѣляетъ,
Одинъ уборъ твой
Золотой;
Другихъ звѣрей талантъ, заслуга отличаетъ.»
Уборъ съ Осла онъ снять велѣлъ.
Оселъ достоинства другого не имѣлъ,
И безъ убора сталъ, какъ прежде былъ — оселъ.

═

LXXV.

УСЛУГА.

—

Во всякомъ случаѣ незнаніе — бѣда.
Считаешь иногда:
На что мнѣ суетиться,
Тому, иль этому учиться?
Когда-то до меня о томъ еще дойдетъ. —
Дойдетъ ли, или нѣтъ,
А знанье все-таки годится.
Когда же и случится
Чего не знать,
То лучше въ дѣло не мѣшаться,
Чѣмъ послѣ со стыдомъ остаться.

Такъ нѣкто думая услугу показать,
Въ саду взялся траву дурную вырывать;
Но толку въ травахъ онъ не зная,
Совсѣмъ противную услугу оказалъ:
Негодную траву за годную считая,
Ту оставлялъ въ саду, а эту вырывалъ.

═

LXXVI.

ЛЕВЪ СВАТЪ.

—

Левъ, сказывали мнѣ, любовницу имѣлъ,
(Вѣдь занимаются любовными дѣлами,
Не только межъ людьми, но также межъ скотами)
И жаръ къ любовницѣ его охолодѣлъ.
А для того онъ (тожъ, какъ люди поступаютъ,
Что за другого съ рукъ любовницу сживаютъ,
Когда наскучится имъ все одну любить)
Хотѣлъ красавицу, но не безчестно, сжить:
Онъ Барса пестраго хотѣлъ на ней женить.
Да какъ Левъ ни старался,
Женихъ замѣченной никакъ не поддавался.
«Но Левъ бы только приказалъ?» —
Да Левъ ей счастія желалъ;
А вѣдь любить жену указа не дается:
И въ случаяхъ такихъ политика ведется
И у звѣрей,
Какъ у людей.
Къ тому же дѣло щекотливо,
Любовницу себѣ въ жены такую взять,
Котору ищетъ самъ любовникъ съ рукъ отдать.
А потому ничуть не диво,

Что жениха не могъ невѣстѣ Левъ сыскать.
Но свадьбы не хотѣлъ ужъ больше отлагать.
Придворному Ослу онъ прямо предлагаетъ:
«Послушай,» говоритъ, «назначилъ я тебя
Любовницы моей супругомъ.
Возьми ее ты за себя;
А я тебѣ дамъ чинъ, и будешь ты мнѣ другомъ.»
Осла, не какъ другихъ, раздумье не беретъ.
Оселъ въ безчестьи незадоренъ;
На предложенье Льва Оселъ тотчасъ сговоренъ,
Сказавъ: — Хотя, какъ судитъ свѣтъ,
Въ женитьбѣ этакой большой мнѣ чести нѣтъ,
Но милость львиную она мнѣ принесетъ:
А съ ней толь знатны роги
На четверенькахъ сплошь вѣдь носятъ и двуноги.—

═

LXXVII.

ДОМЪ.

—

Былъ домъ, хотя и небольшой,
Однако же такой,
Что выгодъ хоть кому бъ достало;
Но какъ любимое людское слово: *мало!*
(То есть, когда берутъ,
А не даютъ)
То малъ и этотъ домъ хозяину казался;
И все онъ въ немъ не помѣщался,
Какъ вдоль и вширь и вверхъ его ни прибавлялъ.
Домъ наконецъ, не домъ, а цѣлый городъ сталъ.
И чѣмъ обширнѣе, тѣмъ болѣе смотрѣнья,
Чтобъ не дошелъ до разоренья.
Сперва-таки его хозяинъ содержалъ,
Но послѣ собственныхъ ни глазъ, ни иждивенья
Не стало домъ такой въ порядкѣ содержать.
Вѣдь одному не раздѣлиться,
Чтобъ все собой обнять;
А на присмотръ другихъ нѣтъ хуже положиться:
Не видитъ глазъ чужой
Того, что̀ видитъ свой.
И домъ все ветшѣ становится:

Въ томъ мѣстѣ починятъ, въ другомъ;
А въ десяти валится!
Но что? — не только этотъ домъ,
И Царство Римлянъ пало,
Когда полсвѣтомъ завладало.
И для того, когда бъ пошло на выборъ мой,
То бъ я охотнѣй согласился
Имѣть исправный домъ, хотя и небольшой,
Чѣмъ зàмокъ иль дворецъ, который бы валился.

═

LXXVIII.

ПЧЕЛА и КУРИЦА.

—

Съ Пчелою Курица затѣяла считаться,
И говоритъ Пчелѣ:—Ну, подлинно, Пчела,
Ты въ праздности одной весь вѣкъ свой прожила.
Тебѣ бы тѣмъ лишь заниматься,
Чтобъ на цвѣтокъ съ цвѣтка летать,
Да медъ съ нихъ собирать.
И впрямь о чемъ тебѣ стараться?
Довольно, что лишь мы не въ праздности живемъ,
И въ день по яицу несемъ. —
«Не смѣйся,» Курицѣ Пчела на то сказала:
«Что я тебѣ не подражала,»
Когда ты, вставъ съ гнѣзда, съ надсадою кричишь,
Что ты яйцо снесла и всѣмъ о томъ твердишь;
Такъ ты и заключала,
Что праздно я живу. Нѣтъ, нѣтъ!
Ты ошибаешься, мой свѣтъ!
А въ улей загляни; споръ тотчасъ нашъ рѣ-
шится;
Узнаешь, кто изъ насъ поболѣе трудится:
Мы, нашей матери наставлены умомъ,
Прилежностью, трудомъ

Себѣ уютный строимъ домъ,
И пищу со цвѣтовъ сбираемъ;
Избытокъ нашъ съ людьми дѣлимъ,
Ихъ яствы услаждаемъ,
Во тмѣ ихъ освѣщаемъ;
А жало для враговъ и трутней лишь хранимъ.»

Кого же мы съ Пчелой и съ Курицей сравнимъ?—
Невѣжда и хвастунъ озлится,
Когда съ насѣдкою сравнится;
Такъ только ко Пчелѣ науку примѣнимъ.

═

LXXIX.

ВДОВА.

—

Нѣтъ, полно больше согрѣшать,
И говорить, что женъ такихъ нельзя сыскать,
Которы бы мужей любили,
И ихъ по смерти не забыли.
Я признаюся, самъ въ томъ часто согрѣшалъ,
И легкомысліемъ полъ нѣжный упрекалъ;
А нынѣ всякой разъ готовъ за женъ вступиться,
И въ вѣрности къ мужьямъ за нихъ хоть побожиться.

Жена
Лишилася супруга.
«Лишилась,» вопіетъ она:
«Тебя я, мила друга,
И полно мнѣ самой на свѣтѣ больше жить.»
Жена терзаться,
Ни спать, ни ѣсть, ни пить,
Морить себя и рваться.
Что̀ ей ни станутъ говорить,
И какъ ни унимаютъ,
Что̀ въ утѣшеніе ея ни представляютъ,

Отвѣтъ жены былъ тотъ: «Жестокіе! мнѣ ль жить,
Мнѣ ль жить, лишася друга мила?
Нѣтъ, жизнь моя — могила!»
Отчаяннымъ словамъ
Я былъ свидѣтель самъ.
Вотъ мужа какъ жена любила!
Нельзя, казалося, такъ мертваго любить.
Везутъ покойника къ погосту хоронить,
И опускаютъ ужъ въ могилу;
Жена туда же къ другу милу....
Но неужель себя и впрямъ зарыть дала? —
Нѣтъ! такъ бы замужемъ чрезъ мѣсяцъ не была.

═

LXXX.

ПЕРЕПЕЛКА и КРЕСТЬЯНИНЪ.

—

Прилежность и труды въ дѣлахъ употребя,
Къ успѣху лучшая надежда на себя.

Всѣ знаютъ,
Что перепелки гнѣзда вьютъ
Задолго передъ тѣмъ, когда поля цвѣтутъ,
А не тогда, какъ хлѣбы поспѣваютъ.
Одна оплошнѣе подругъ своихъ была,
Работою отстала;
Гнѣзда во время не свила,
А начала ужъ вить когда пора прошла,
И въ полѣ жатва поспѣвала.
Однако молодыхъ
Кое-какъ вывела своихъ;
Да только выучить летать ихъ не успѣла,
И дѣтямъ говоритъ:
«Охъ, дѣти! эта рожь бѣдою намъ грозитъ:
Къ несчастью нашему созрѣла.
Однако слушайте: я стану отлетать
Вамъ корму промышлять;
А вы смотрите

Хозяинъ какъ придетъ,
И рѣчь о чемъ ни заведетъ,
Все до послѣдняго мнѣ слова разскажите.»
Пришелъ Хозяинъ между тѣмъ
Какъ Перепелка отлетѣла,
— Да рожь-то, говоритъ, совсѣмъ
Поспѣла.
Пойти-было друзьямъ пріятелямъ сказать,
Чтобъ завтра помогли мнѣ эту рожь пожать.—
И тутъ, помилуй Богъ! какая
Тревога сдѣлалась между перепелятъ!
— Ахъ, матушка! ахти! кричатъ:
Друзей, пріятелей сбирая,
Рожь хочетъ завтра вдругъ пожать.
«И! — (говоритъ имъ мать)
Пустое, нечего бояться.
Мы можемъ здѣсь еще покойно оставаться.
Вотъ вамъ, поѣшьте между тѣмъ,
И спите эту ночь, не думавъ ни о чемъ,
Да завтра только вы смотрите,
Что̀ ни услышите, мнѣ все перескажите.»

Пришелъ Хозяинъ. Ждать пождать: нѣтъ никого!
— Вотъ, говоритъ, до одного
Прійти всѣ обѣщали,
А не бывали!
Надѣйся! Ну пойти опять
Теперь родню позвать,
Чтобъ завтра эту рожь пожать.—
Тревога межъ перепелятъ

И пуще прежняго! — Роднѣ своей, кричать:
Роднѣ, онъ говорилъ, сбираться!
«Пустое,» говоритъ имъ мать: «родни бояться;
Иного бъ не было чего.»
Пришелъ Хозяинъ, такъ какъ приходилъ и прежде;
И видитъ, что родни нѣтъ также никого.
—Въ напрасной, онъ сказалъ: я былъ на нихъ
надеждѣ;
Впредь вѣрить ни роднѣ не стану, ни друзьямъ.
Для своего добра никто таковъ какъ самъ.
Знать, завтра по утру семьею приниматься
Хлѣбъ этотъ помаленьку жать. —
«Ну, дѣти!» говоритъ услыша это мать:
«Теперь ужъ нечего намъ больше дожидаться.» —
Тутъ кто поршкомъ,
Кто кувыркомъ,
Ну поскорѣе убираться.

LXXXI.

ПОБОРЪ ЛЬВИНЫЙ.

—

Въ числѣ поборовъ тѣхъ, другихъ,
Не помню, право, я за множествомъ, какихъ
Опредѣленныхъ Льву съ звѣринаго народа,
(Такъ какъ крестьяне по душамъ
Даютъ оброки господамъ.)
И масло также шло для Львова обихода.
А сборъ такой,
Какъ всякой и другой,
Имѣлъ Приказъ особой свой:
Звѣрей особыхъ выбирали,
Чтобъ должность сборщиковъ при сборѣ отправляли.
Великъ ли сборъ тотъ былъ, не удалось узнать;
А сборщиковъ не мало было.
Да рѣчь здѣсь не о томъ: мнѣ хочется сказать,
Что̀ какъ происходило,
Когда сбирали тотъ
Доходъ.
Присяжныхъ сборщиковъ часть самая большая,
Другъ другу жирненькой оброкъ передавая,
Катали въ лапахъ напередъ;

А масло вѣдь къ сухому льнетъ!
То потому его немало
Къ звѣринымъ лапамъ приставало.
И такъ, переходя кругомъ,
Огромный масла комъ
Сталъ маленькимъ комкомъ.
Левъ въ этомъ своего не находилъ расчета;
А Слонъ, котораго призвалъ
Онъ для совѣта,
Напрямики его величеству сказалъ:
«Гдѣ сборы,
Тутъ и воры;
И дѣло это таково:
Чѣмъ больше сборщиковъ, тѣмъ больше воровство.»

LXXXII.

ЧУЖАЯ БѢДА.

—

Уже ль чужой бѣдѣ не должно помогать?
Мужикъ везъ сѣно продавать;
Случился косогоръ, возъ на бокъ повалился.
Мужикъ ну возъ приподымать,
И очень долго съ возомъ бился;
Да видитъ, одному ему не совладать:
Проѣзжаго къ себѣ на помощь призываетъ.
«Вотъ, чортъ на косогоръ занесъ»
Проѣзжій отвѣчаетъ,
И мимо погоняетъ.
Мужикъ вздохнулъ, и всѣ напрягши силы, возъ
Кое-какъ приподнявъ, съ крутой горы спускаетъ.
Спустилъ, анъ видитъ тутъ съ саньми во рву лежитъ
Проѣзжій, что̀ ему дать помощь отказался
И мимо вскачь промчался.
Теперь же мужику: «Ой! помоги» кричитъ.
Мужикъ спокойно проѣзжаетъ.
«Знать, врагъ

Занесъ въ оврагъ,»
Проѣзжему онъ отвѣчаетъ:
«Ты мнѣ не захотѣлъ помочь;
Лежи жъ и самъ теперь. Прощай, братъ, до-
бра ночь!»

═

LXXXIII.

СТАТУЯ.

Искусный нѣкакой рѣзчикъ,
Какъ трудъ казался ни великъ,
Затѣялъ вырѣзать статую,
Такую
Которая бъ могла ходить, лежать, сидѣть,
И слушать и глядѣть,
И словомъ: чувства всѣ, какъ человѣкъ, имѣть.
Рѣзчикъ статую начинаетъ,
Все мастерство свое рѣщикъ истощеваетъ:
Статуя движется, статуя говоритъ,
И человѣческій во всемъ имѣетъ видъ;
Но все статуя та не человѣкъ — машина.
Статуя дѣйствуетъ, коль дѣйствуетъ пружина.
Статуѣ все-таки души не достаетъ.
Искусствомъ чувствъ не дашь, когда природ-
ныхъ нѣтъ.
Совсѣмъ тѣмъ къ ней народъ толпами собирался;
Статуѣ каждый удивлялся;
Всякъ отъ статуи безъ ума.
Но съ тѣхъ поръ, знать, весьма
Искусство это расплодилось:
Статуй сихъ множество межъ нами появилось.

LXXXIV.

ИМѢНІЕ и ССОРА.

Не вѣсть разбойники, не вѣсть мурзы какіе,
Да только люди не простые,
И двое ихъ всего,
(То есть: вотъ этихъ только двое,
А ихъ число совсѣмъ другое)
Сложились съ шайкой ихъ: сосѣда своего
Вонъ выгнать изъ владѣнья,
И раздѣлить между собой его.
Гдѣ между частныхъ споръ случится о раздѣлѣ,
Тамъ можно способы черезъ людей найти,
Кое-какъ ссору развести;
А въ этомъ спорномъ дѣлѣ,
Гдѣ всякъ считался самъ большой,
Чѣмъ споръ рѣшить, какъ не войной?
Пошла война: дрались, безъ счету побивали.
Но какъ лишь бьющихся число,
Неспорющихся уменьшали,
То что войну пресѣчь могло?
Иные ужъ желали,
Что хоть бы правый проигралъ,

Лишь только бъ драться перестали.
«Да что?» тутъ нѣкто разсуждалъ:
«Хоть двое третьяго теперь и одолѣютъ,
Зато жъ имѣніе вдвоемъ войну затѣютъ.»

═

LXXXV.

БУКВЫ.

—

Чтобы ученыхъ отучить
Въ словахъ смыслъ тайный находить,
Который въ нихъ они находятъ,
И сумасбродствуя, другихъ въ безумство вво-
дятъ:
Не помню паръ земли какой
Ихъ шуткой отучилъ такой:
Подъ городомъ однимъ развалины стояли,
Остатки башенъ городскихъ;
А около лежали
Обломки ихъ.
На сихъ обломкахъ царь, ученымъ въ искушенье,
Изсѣчь по буквѣ приказалъ,
И будто древнія въ развалинахъ сыскалъ,
Онъ разослалъ ихъ на рѣшенье.
«Посмотримъ,» царь сказалъ:
Какое выведутъ ученые значенье?
Ужъ то-то толки тутъ
Пойдутъ!»
И подлинно пошли: хлопочутъ, разбираютъ,
Чтобъ тайный смыслъ найти словамъ.

Разсылка буквъ по всѣмъ землямъ:
Всѣ академіи къ рѣшенью приглашаютъ;
И толковъ тысяча идетъ:
Иной египетскихъ сокрытыхъ таинствъ свѣтъ
Тутъ выискалъ; инаго мнѣнье,
Что тутъ предсказанъ день всемірнаго рушенья;
Иной въ значеньи ихъ нашелъ зарытый кладъ.
И вкось и вкриво всѣ о буквахъ сихъ твердятъ,
Но мрака древности никто не проницаетъ.
Царь наконецъ, хотѣвъ ихъ глупость обличить,
Всѣмъ приказалъ къ себѣ отцамъ ученымъ быть,
И заданныя имъ самъ буквы объясняетъ.
Весь смыслъ неразрѣшимыхъ словъ
Былъ тотъ: *здѣсь водопойословъ.*

═

LXXXVI.

ПРИВИЛЛЕГІЯ.

—

Какой-то Левъ велѣлъ указъ публиковать:
Что звѣри могутъ всѣ впередъ, безъ опасенья,
Кто только смогъ кого, душить и обдирать.
Чтò лучше быть могло такого позволенья
Для тѣхъ, которые дерутъ и безъ того?
Указа этого нигдѣ не толковали;
Всю силу тотчасъ понимали.
Ужъ то-то было пиршество!
И кожу, кто лишь могъ съ кого,
Похваливаютъ знай указъ, да обдираютъ.
Душъ, душъ погибло тутъ!
Что и считаютъ,
Не сочтутъ.
Лисицѣ мудрено однако показалось,
Что дозволеніе такое состоялось:
Звѣрямъ свободу дать
Другъ съ друга кожи драть!
Весьма сомнительнымъ Лисица находила,
И для себя самой и для другихъ скотовъ. —
«Повывѣдать бы Льва!» Лисица говорила.
И Львиное его величество спросила;

Не такъ чтобъ прямо — нѣтъ, какъ спраши-
ваютъ Львовъ:
По-лисьи; на вѣсы кладя значенье словъ,
Все хитростью, обиняками,
Придворно-гладкими словами:
«Не будетъ ли его величеству во вредъ,
Что хищны звѣри власть такую получили?»
Но сколько хитрости ея ни тонки были,
Ей Левъ на то въ отвѣтъ
Ни да, ни нѣтъ. —
Когда жъ по львову расчисленью,
Указъ ужъ дѣйствіе свое довольно взялъ,
По высочайшему тогда соизволенью
Левъ всѣмъ звѣрямъ къ себѣ явиться приказалъ.
Тутъ тѣ, которые дородствомъ отличились,
Домой не воротились.
«Вотъ я чего хотѣлъ,» Лисицѣ Левъ сказалъ,
«Когда указъ вамъ далъ.
Чѣмъ по клочкамъ мнѣ жиръ сбирая, суетиться,
Я лучше далъ ему скопиться,
Чтобъ облегчить мой трудъ.»
Хотѣла было тутъ
Лисица въ возраженье
Сказать объ этомъ мнѣнье,
И изъясниться Льву о дѣйствіи худомъ;
Да вобразила то, что говоритъ со Львомъ....
И я бы за Пашей отнюдъ не заступился;
Зажалъ бы, какъ Лисица, ротъ,
Когда бъ въ Турецiи родился,
Гдѣ иногда Султанъ со Льва примѣръ беретъ.

═

LXXXVII.

МЕТАФИЗИКЪ.

—

Отецъ одинъ слыхалъ,
Что за море дѣтей учиться посылаютъ,
И что того, кто за моремъ бывалъ,
Отъ небывалаго и съ вида отличаютъ.
Такъ чтобъ отъ прочихъ не отстать,
Отецъ немедленно рѣшился
Дѣтину за море послать,
Чтобъ доброму онъ тамъ понаучился.
Но сынъ глупѣе воротился.
Попался на руки онъ школьнымъ тѣмъ вралямъ,
Которые съ ума не разъ людей сводили,
Неистолкуемымъ давая толкъ вещамъ;
И Малаго не научили,
А навѣкъ дуракомъ пустили.
Бывало, съ глупости онъ попросту болталъ;
Теперь все свысока безъ толку толковалъ.
Бывало, глупые его не понимали;
А нынѣ разумѣть и умные не стали.
Домъ, городъ и весь свѣтъ враньемъ его скучалъ,
Въ метафизическомъ бѣснуясь размышленьи
О заданномъ одномъ старинномъ предложеньи:

Сыскать начало всѣхъ началъ.
Когда за облака онъ думой возносился,
Дорогой шедши оступился,
И въ ровъ попалъ.
Отецъ, который съ нимъ случился,
Скорѣе бросился веревку принести,
Премудрость изо рва на свѣтъ произвести.
А думный между тѣмъ Дѣтина
Въ той ямѣ сидя разсуждалъ:
«Какая быть могла причина,
Что оступился я и въ этотъ ровъ попалъ?
Причина, кажется, тому землетрясенье;
А въ яму скорое стремленье,
Центральное влеченье,
Воздушное давленье.....»

Отецъ съ веревкой прибѣжалъ.
«Вотъ, говоритъ:» тебѣ веревка: «ухватися.
Я потащу тебя, держися.»
—Нѣтъ, погоди тащить; скажи мнѣ напередъ
(Понесъ Студентъ обычный бредъ)
Веревка вещь какая? —

Отецъ его былъ неученъ,
Но разсудителенъ, уменъ;
Вопросъ ученый оставляя,
«Веревка вещь,» ему отвѣтствовалъ, «такая,
Чтобъ ею вытащить, кто въ яму попадетъ.»
— На это бъ выдумать орудіе другое,
Ученый все свое несетъ:
А это что̀ такое?..

Веревка! — вервіе простое!»
«Да время надобно!» отецъ ему на то:
«А это хоть не ново,
Да благо ужъ готово.»
—Да время что?
«А время вещь такая,
Которую съ глупцомъ не стану я терять.
Сиди,» сказалъ отецъ: «пока приду опять.»

Что если бы вралей и остальныхъ собрать,
И въ яму къ этому въ товарищи послать?...
Да яма надобна большая!

═

LXXXVIII.

СОБАКА и МУХИ.

—

Собака ловитъ мухъ, однако не поймаетъ;
И глупая не разсуждаетъ,
Что муха, вѣдь, летаетъ.
— Лови, собака, тò, чтò сыщешь подъ ногой;
Не то, чтò надъ твоей летаетъ головой.

═

LXXXIX.

ДУРАКЪ и ТѢНЬ.

—

Я видѣлъ одного такого дурака,
Который за своей всегда гонялся тѣнью:
Хотѣлъ ее поймать; казалось и близка,
Но бѣганью его, круженью
Конца нѣтъ; а поймать не можетъ ничего:
За тѣнью онъ, тѣнь отъ него.
Изъ жалости къ нему, что столько онъ трудится,
Прохожій дураку велѣлъ остановиться.
«Ты хочешь,» говоритъ ему онъ, «тѣнь поймать?
Да ты надъ ней стоишь; а чтобъ ее достать,
То стòитъ только наклониться.»
Такъ нѣкто въ счастіи да счастія искалъ.
Одинъ мудрецъ ему сказалъ:
—Ты счастья ищешь, а не знаешь,
Что ты, гоняяся за нимъ, его гоняешь.
Послушайся меня, и ты его найдешь:
Остановись твоимъ желаньемъ,
И будь доволенъ состояньемъ,
Въ которомъ ты живешь. —

═

XC.

ЧУЖІЯ БАСНИ.

ЛЬВИНЫЙ УКАЗЪ.

—

«Такое-то число и годъ,
«По силѣ даннаго велѣнья,
«Рогатый крупный, мелкій скотъ
«Имѣетъ изгнанъ быть изъ львинаго владѣнья,
«И долженъ выходить тотчасъ.»—

Такой отъ Льва звѣрямъ объявленъ былъ указъ;
И всѣ повиновались:
Отправился Козелъ, Бараны въ путь сбирались,
Олень и Волъ и всѣ рогатые скоты,
И Заяцъ по слѣдамъ въ догонку ихъ.—А ты,
Косой, куды?
Кричитъ ему Лиса.— «Ахъ, кумушка, бѣды!»
(Трусливый Зайчикъ такъ Лисицѣ отзывался,
А самъ совался
И метался)
«Я видѣлъ тѣнь ушей моихъ;
Боюсь, сочтутъ рогами ихъ.
Ахти! зачѣмъ я здѣсь остался?

Опаснѣйшими ихъ рогами обнесутъ.»
—Ума въ тебѣ, косой, не стало: это уши!
Лисица говоритъ.—«Рогами назовутъ;
Пойдутъ и уши тпруши!»

═

XCI.

МАРТЫШКА, ОБОЙДЕННАЯ ПРИ ПРОИЗВОЖДЕНИИ.

—

Случилося у Льва въ чины произвожденье.
За службу должно награждать.
Но я хочу сказать,
Что злоупотребленье
И въ скотской службѣ есть.
«Ну какъ безъ огорченья
Возможно службу несть,
Когда достоинство всегда безъ награжденья?»
(Мартышка говоритъ:
На льва разсержена—
Обижена была она
И обойденною считалась.)
«Передъ лицемъ служа, Мартышкой я осталась!
Медвѣдь сталъ господинъ,
И Волка наградили;
Лисицу черезъ чинъ
Судьею посадили
Въ курятникѣ рядить.
Случится же судью такъ кстати посадить!
А гдѣ они служили?

Край свѣта, на войнѣ; и то
Не вѣдаетъ еще никто,
Что били ли они, или самихъ ихъ били.
А я
Хотя не воинъ,
Хотя и не судья,
Извѣстна служба Льву моя;
Извѣстно, кто чего достоинъ.»
—Да гдѣ жъ служила ты?—Барсукъ ее спросилъ.
«Передъ самимъ Царемъ два года съ половиной
Шутила всякой день; а онъ меня сравнилъ
Теперь съ другой скотиной,
Котора ничего не дѣлала нигдѣ!»
— Шутила ты вездѣ,
И чиномъ наградить тебя бы было должно;
Твой также трудъ не малъ!
Барсукъ ей отвѣчалъ:
Но произвесть тебя по службѣ не возможно:
Ты знаешь вѣдь, мой свѣтъ,
Что оберъ-шутовъ въ службѣ нѣтъ. —

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

къ сочиненіямъ Хемницера.

—

Т.

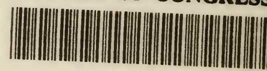
У.

Х.

Ч.

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS
JUL 78
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962

LIBRARY OF CONGRESS
00025243742